

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ—1978

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. Қ. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ПЕРЕЖИТКИ ТАБУ И ТОТЕМИЗМА В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ АЛТАЯ

Табуированная лексика (*baj sös||bajɬaɣan söstör*), возникшая на ранних ступенях общественного развития, на почве охотничьего промысла, в связи с культом зверей и птиц — тотемов родовых объединений, сохранилась до настоящего времени как пережиток в языке старшего поколения народов Алтая. Даже у современных охотников — алтайцев среднего поколения — названия как всех основных промысловых, так и хищных лесных зверей, являющихся объектами охоты, подлежат запрету (табуированию) и замене их другими словами-эвфемизмами. Ср., например, алтайск. *kiš* 'соболь' замещалось на промысле эвфемизмом *albuɣa* 'дичь, добыча'; *ajuu* 'медведь' — эвфемизмом *abaɣaj* 'дедушка'; *bögü* 'волк' — эвфемизмом *kök ijt* 'серая собака' и т. д.

В связи с обычаем наречения мальчиков именами, обозначающими названия животных, табуирование распространилось первоначально на эти имена, а в дальнейшем уже и на все мужские имена (старших в семье и роде), независимо от их происхождения.

Имена мужчин, старших в семье и роде, не должны были произноситься женщинами и замещались соответствующими эвфемизмами. Так, например, мужское имя *Qoj* 'Овца' замещалось описательным эвфемизмом *Maɣaaɣu* 'Блеющий', *Soɣqo* или *Qaɣaj* 'Свинья' — эвфемизмом *Türt-kün* 'Роющий'; *Maɬta* 'Топор' замещался именем *Keziɳer* 'Режущий' и т. д.

В современном алтайском языке табуированная лексика (*baj sös, bajɬaɣan sös||söstör*) представлена двумя лексиконами: а) промысловым охотничьим лексиконом и б) женским лексиконом.

Табуированная лексика охотничьего лексикона распространяется на всех промысловых зверей, но особенно характерен постоянный запрет названий следующих зверей: медведь, волк, соболь, лиса, белка, заяц, марал. Наибольшим же разнообразием эвфемизмов отличаются названия медведя и волка.

Эвфемистические замещения табуированных названий животных в семантическом отношении характеризуются наличием следующих разрядов:

1. Замещение табуированного названия животного — родственным именем человека или почтительным обращением к старшему мужчине — характерно только для названия медведя. Например:

ajuu 'медведь' > *abaɣaj||abaaj* 'дедушка по отцу'; *aɬtyn tüktü* *abaɣaj* 'дедушка с золотой шерстью'; *aɣys djüɳer* *abaɣaj* 'дедушка, который живет далеко'; ср. также фразеологию: *ajuuny bajɬaɣan — ulus* *abaɣaj||abaaj — dep ajdat* '(слово) «медведь» запрещено — люди называют (его) «дедушкой»'; *aɬaatybaɣaŋ* *abaɣaj aɬbaz* 'если не зазева-

ешься, то медведь не тронет'; čartyγanпуη djužynda abayaјdyη ičegeni bar 'в чаптыганском лесу есть медвежья берлога'; ајуи 'медведь' > taadaq 'дедушка по матери'; taadaq ičegezine djadyqlardy tazyγan emtir 'оказывается, валежник натаскал в свою берлогу дедушка'; ајуи 'медведь' > taaj 'дядя по матери'; djortyp ła bratsam, taaj aјdynda turu 'еду я (на лошади), а передо мной стоит дядя'; ајуи 'медведь' > арšyjaq||арšaq||арčaq 'дедушка' (обращение к мужу); арšyjaq bałтуγandy djip туγу 'дедушка ест дягиль'; ајуи 'медведь' > öbögön 'старик' (почтительное обращение к старшему мужчине); čymalыпуη uјazy öbögön čaсур ałұyrt 'старик кричит и разгребает муравьиное гнездо'; ајуи 'медведь' > qajraγan 'господин'; qajraγan möštö aјruγa keptele le ölip qałтуγ 'господин застрял в развилке кедра и, оказывается, умер'.

2. Замещение табуированного названия зверя названием по признаку, характеризующему положительные свойства данного зверя. Например:

ајуи 'медведь' > kezeg 'могучий богатырь огромного роста'; kezeg maјdyη djalmažып иužарсақтуγ 'могучий, огромный богатырь помял ноги (бедр)а скота'. Сравнение с могучим, огромным богатырем объясняется тем, что бурый алтайский медведь отличается значительными размерами: ајуи Altajda ončo aηdardыη djaаны 'медведь — самый большой (старший) из всех зверей на Алтае'; baatyrdaј čaqtuu kiži djoq aјуudaj djaан aη djoq 'подобного батыру нет среди людей, подобного медведю нет большого зверя';

ајуи 'медведь' > külük 'сильный, известный своей силой'; külük djenі-ženip ol dјerdі qorquštu tepseptir 'силач в поисках еды то место ужасно потоптал'.

3. Замещение табуированного названия зверя названием по признаку, характеризующему нейтральные свойства данного зверя. Например:

ајуи 'медведь' > madјalaη 'ковыляющий'; bögü 'волк' > bööstöј 'сероватый'; qoјon 'заяц' > tułaj 'попрыгун'; tijiη 'белка' > čyγbaq 'растопыра'.

4. Замещение табуированного названия зверя названием по признаку, характеризующему отрицательные свойства данного зверя. Например:

ајуи 'медведь' > taηma 'пакостник, шкода'; meniη tapqan tydynda adaryпуη mödin taηma таар ałтуγ 'пчелиный мед, который я добыл на лиственнице, нашел и захватил пакостник — шкода'; bögü 'волк' > tudaсy 'захватчик, хватающий'.

5. Замещение табуированного названия зверя названием другого похожего зверя или общим названием подобных зверей. Например:

ајуи 'медведь' > djek aη 'хищный зверь'; bögü 'волк' > kök iјt 'серая собака'; dјerdіη iјdi 'земляная собака'; dјerdіη küčügü 'земляной щенок'; kiš 'соболь' > ałbaγa 'дичь, добыча охотника'; syууп 'марал' > aη 'зверь'; tülkü 'лиса' > arγaсy 'хитрый'.

Женский лексикон, развившийся в связи с запретом произносить имена мужа и его старших родственников — мужчин, характеризуется наличием развитой синонимии, поскольку мужское имя, восходящее к названию животного, растения или какого-либо бытового предмета, замещается в различных родовых подразделениях разными словами, так как каждое родовое и даже семейное объединение при замещении табуированных слов исходит из собственных принципов. Эти принципы сводятся к следующим наиболее продуктивным модификациям:

1. Замещение табуированного слова — мужского собственного имени — эвфемизмом по ассоциации с той или иной функцией. Например:

Соҫо 'Свинья' > Türtkün 'Роющий'; Bögü 'Волк' > Uluuču 'Воющий'; Qoj 'Овца' > Магааҫу 'Блеющий'; Ijt 'Собака' > Üreçi 'Лающий'; Маҫта 'Топор' > Keziner 'Режущий'; Руҫақ 'Нож' > Kestik 'Резун'; Suu 'Вода' > Аҫаҫу 'Текущий'; ҫај 'Чай' > ҫаар 'Кипящий', 'Бурлящий'; Тут 'Лиственница' > Туғаҫу 'Стоящая'.

2. Замещение табуированного слова — мужского собственного имени — эвфемизмом по ассоциации со смежным смыслом. Например:

At 'Конь' > Упа 'Подвода'; Uj 'Корова' > Qunadjyn 'Тёлка двух лет'; Ахҫа 'Деньги' > Саазун 'Бумага'; Валуқ 'Рыба' > Suunıñ qurtu 'Водяной червяк'.

3. Замещение табуированного слова — мужского собственного имени — эвфемизмом, выражающим отношение части к целому. Например:

Töñtek 'Бедро' > Djilik 'Костный мозг'; Oçoq 'Очаг' > Туҫа 'Таган, Треножник'; ҫар 'Шкаф' > Napolqa 'Полка'.

4. Замещение табуированного слова — мужского собственного имени — эвфемизмом-синонимом. Например:

Uj 'Корова' > İnek 'Корова' (синоним — диалектизм); Маҫта 'Топор' > Kerki 'Кирка' (синоним — заимствованное слово); Djüstük 'Кольцо' > Kolečko 'Колечко' (синоним — заимствованное слово); Маҫу 'Скотовод' > Küdüçi 'Скотовод — пастух' (неполный синоним); Bolušta 'Полуштоф' > Cetuşqa 'Четвертинка'; ҫаҫуқ 'Шкалик' > ҫили 'Склянка, Бутылка' (неполный синоним); Öş 'Злобный человек' > Djabys 'Низкий, подлый человек' (неполный синоним).

Табуированные мужские имена собственные замещаются также другим типом эвфемизмов — вторыми собственными именами, чаще всего прежде ими нарекали миссионеры при крещении, в настоящее же время они даются при регистрации рождения. Таким образом, каждый мужчина имеет два имени — одно алтайское, данное при рождении, а второе — русское, полученное при крещении или регистрации рождения. Например:

Adys (букв. 'деревянная решетка для сушки сыра') и Анаҫу (<Анашка<Ананий); Аҫуш (букв. 'вилы') и Тимекеј (Тимофей); Аңсу 'Охотник' и Arsane (<Арсений); Воқтуу (букв. 'пачкун') и Mokuşuş (<Николаша<Николай); Ijt-Qulaq (букв. 'собачье ухо') и Pabлуş (<Павлуша<Павел); Qamdu (букв. 'выдра') и Djermej (<Еремей); Qojoпоқ (букв. 'зайчик') и Vanuş (<Ванюша<Иван) и т. д.

Первые — алтайские имена обычно были известны только узкому кругу членов семьи, преимущественно мужчинам, имевшим право употреблять их. Жене главы семьи запрещалось произносить эти имена, так же как и названия предметов, обозначенных этими словами. Вторые же, обычно русские собственные имена, данные при крещении или регистрации рождения, были общеупотребительными, и называть этими именами мужа и его старших родственников разрешалось.

Так, в одной из больших алтайских семей, живущих в настоящее время в Горном Алтае и насчитывающей шестнадцать человек, существует следующая система собственных имен:

Piktir (<Виктор), он же Соҫо (букв. 'носик чайника' или 'трубка примитивного перегонного аппарата'); по родственному отношению к опрашиваемой женщине — брат мужа;

Djiban (<Иван), он же Patqaj (букв. 'пусть поместится, вместится') — муж;

Pałamуг (<Владимир), он же Tergiş (букв. 'корзинка для шишек') — брат мужа;

Eleskej (<Алексей), он же Tabul (букв. 'найдишь') — брат мужа;

Eleskej (<Алексей), он же Екеј (букв. 'э-эх! — междометие сожаления') -- брат мужа;

Kiriš (<Гриша<Григорий), он же Şуqар (букв. 'шкаф') — сын;

Piktir (<Виктор), он же Ulužaj (букв. 'блудник, проказник') — сын;

Apsilej (<Василий), он же Saduu (букв. 'торговля') — сын;

Sarybun (<Серафим), он же Soroq (букв. 'торчащий') — сын;

Saryu (<Сафрон), он же Soroq (букв. 'сапог') — отчим мужа, свёкор;

Muqulej (<Михаил), он же Qazpaçu (букв. 'казначей') — родственник по мужу;

Muqulaš (<Николаша<Николай), он же Sapabaј (букв. 'с большим умом') — родственник по мужу;

Muqulaј (<Николай), он же Salamaг (букв. 'самовар') — родственник по мужу;

Muqulaј (<Николай), он же Sorqо (букв. 'курок ружья') — родственник по мужу;

Ildes (<Илюша<Илья), он же Uke (букв. 'филин') — родственник по мужу;

Soroјо (<Самойло<Самуил), он же Voqtun ködön (букв. 'прямая кишка') — родственник по мужу.

В качестве общеупотребительных имен фигурируют только русские собственные имена. Женщины, входящие в эту семью, либо называют старших мужчин соответствующими русскими именами, либо прибегают к эвфемизмам, чаще всего различного рода описательным именам, в основе которых лежат те или иные свойства или признаки, характерные для данного лица.

При выборе эвфемизмов наблюдаются определенные тенденции, отражающие следующие принципы:

1. Табуированное имя мужа обычно замещается эвфемизмом, представляющим собой соответствующее родственное наименование мужа по отношению к тому лицу, к которому обращается жена.

Обращаясь к племяннику мужа, она называет мужа Таајуң 'Твой дядя'; обращаясь к внуку (сыну дочери) — называет своего мужа Таадаң 'Твой дед по матери'; обращаясь к сыну или дочери — Адаң 'Твой отец'; к младшему брату мужа — Ақаң 'Твой старший брат'; к отцу — Djesteң 'Твой зять', то есть муж старшей дочери; к свекру — Uulyң 'Твой сын'; к какому-либо из кровных родственников — Qaгyндаžyң 'Твой родственник' и т. д.

2. В других случаях жена заменяет запретное имя мужа эвфемизмом, представляющим собой обращение по какому-либо признаку. Например: Bistiң djaan öbögön 'Наш старейшина'; Bistiң qaгyуаң 'Наш старина'; Bistiң kiži 'Наш мужчина'; Bistiң qajraqaң 'Наш господин'; Bistiң aјyl eezi 'Наш хозяин дома'; Balđardуң adazy 'Отец детей'; Balđardуң таадazy 'Дедушка детей (когда в доме остаются только внуки)'; Djurtуң töözi 'Основа дома'; Uqtуң djaanu 'Старший в роде'.

3. Наконец, встречаются эвфемизмы — замещения табуированного имени, окрашенные эмоционально и выражающие ласку. Например: Bistiң||Meniң baraqsan 'Наш||мой бедняжка'; Bistiң||Meniң körkijim 'Наш||мой красавец'; Bistiң||Meniң kezer||kezerim 'Наш||мой строгий' и т. д. Некоторые эвфемизмы выражают упрек, например: Bistiң edü 'Наш деспот', Bistiң ürüt 'Наша душа' (привидение); Bistiң таңма 'Наш выдумщик'; Bistiң üspekči 'Наш ангел смерти, вынимающий душу' и т. д.

Что касается других старших родственников мужа, то замещающими их эвфемизмами служат прозвища по тем или иным характерным свойствам лица, к которому они относятся, а именно:

а) по профессии, например: *Üs-uu*↓ ‘Кузнец’ (букв. ‘мастер’); *Aŋzaq-uu*↓ ‘Любитель охоты, охотник’; *Adaquu*↓*u-uu*↓ ‘Пчеловод’;

б) по тем или иным свойствам, например: *Djadyq-uu*↓ ‘Лентяй’; *Qyrs-uu*↓ ‘Скупой’; *Сuɫmus-uu*↓ ‘Боевой’; *Ters qara*||*Tas-Qara*||*Qara tas* ‘Черным — черный’ и т. п.;

в) по прочим признакам, например: *Djeren beeniŋ eezi* ‘Хозяин рыжей кобылы’; *Aju*↓*daš-uu*↓ ‘Земляк по аулу’; *Tördö-qajraqaŋ* ‘Сосед’ (букв. ‘господин на почетном месте’) и т. д.

Если старшие родственники мужа (прадеды и др.) уже умерли, то запрет произносить их имена, а также названия предметов, к которым они восходят, снимается.

Обычай табуирования названий животных и имен старших родственников мужа способствовал выработке специальных охотничьего и женского лексиконов. Образовались своеобразные жаргоны, зачастую непонятные даже для одноязычной окружающей среды.

Существует известный на Алтае анекдот о том, как женщина обратилась к группе старших родственников мужа, носивших имена *Suu* ‘Вода, река’, *Tyt* ‘Лиственница’, *Bögü* ‘Волк’, *Qoj* ‘Овца’, с просьбой помочь ей отогнать напавшего на овец волка. Вместо того чтобы сказать: «По ту сторону реки у лиственницы волк напал на овцу и терзает ее», она вынуждена была сказать *Ayaçunpŋ oɫ djanunda, Tuğaçunpŋ törinde mağaçunu ııçu kele le djip djat*, то есть «По ту сторону текущего, около стоящего прибежал воющий и ест блеющего».

Таким образом, при анализе формирования лексики конкретных языков необходимо учитывать явления табуирования.

Табуирование лексики в языках народов Алтая затрагивает разнообразные лексические пласты. Кроме названий животных, птиц, рыб, насекомых, а также названий растений, с обычаем табуирования связано появление эвфемизмов при назывании частей тела, предметов быта, их признаков и свойств, а также названий профессий и т. д.

Словесные запреты необходимо учитывать при изучении всех процессов развития и формирования лексики конкретных языков. Так, при установлении лексических изоглосс на территории расселения тюркоязычных народов, у которых когда-то бытовал данный обычай, необходимо учитывать географическое смещение некоторых названий животных и бытовых предметов, используемых в качестве собственных мужских имен. Традицию табуирования следует принимать во внимание в связи с проблемой изучения синонимии, особенно при установлении этимологии отдельных слов и разработке проблем, связанных с историей формирования конкретных языков. В этом случае табуированная лексика предстает как специфический экстралингвистический фактор, обуславливающий все процессы развития лексики в данных языках. Связанные с табуированием словесные замещения способствуют развитию словарного состава данных языков, содействуя обогащению лексики за счет диалектов и соседних родственных языков. В результате замещения запретных слов и появления различного рода переводных калек, расширения значений отдельных слов — возникают новые слова, происходит перегруппировка значений внутри слова, активизируются процессы лексического развития языков.

Что касается структурных особенностей замещающих слов, то последние оформляются, как правило, строго в рамках существующей грамматической и фонетической структуры языка. В связи с этим следует

лишь отметить, что замещающие слова по форме не всегда идентичны табуированным. Наряду с идентичным замещением имени существительного именем же существительным, имени прилагательного — прилагательным же и так далее нередки случаи замещения одних частей речи или словообразовательных моделей другими. Наиболее продуктивными замещениями слов по их структуре являются следующие:

а) имя существительное замещается также именем существительным, например: ајуи 'медведь' > абаqај 'дедушка'; kiš 'соболь' > ађбауа 'дичь, добыча';

б) имя существительное — прилагательным, например: ајуи 'медведь' > күлүк 'сильный'; bögü 'волк' > bööstöj 'сероватый';

в) имя существительное — причастной формой глагола, например: bögü 'волк' > tudaçu 'захватывающий';

г) имя существительное — подражательным именем, например: ti-jîŋ 'белка' > şugbaq 'растопыра'; qoj 'овца' > тагаçu 'блеющая';

д) имя существительное — определительным словосочетанием, например: ајуи 'медведь' > djek aŋ 'дикий, хищный зверь', bögü 'волк' > kök ijt 'серая собака' или djerdiŋ kücügü 'земляной щенок', или djerdiŋ ijdi 'земляная собака' и т. д.

Проблема изучения табуированной лексики и эвфемизмов — весьма важная и актуальная проблема лексикологии, раскрывающая скрытые факторы развития лексики конкретных языков.

В. М. АНИСИМОВ

УДВОЕНИЕ СОГЛАСНЫХ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В литературе, посвященной проблемам фонетики якутского языка, отмечается, что в последнем наряду с краткими (простыми) фонемами существуют и долгие согласные фонемы¹. С этим, однако, некоторые исследователи не соглашаются. Нет единого мнения и по вопросу количества согласных фонем в якутском языке. Так, Л. Н. Харитонов пишет, что в собственно якутском народно-разговорном языке существует 20 согласных фонем². П. П. Барашков считает, что якутский язык содержит 30 самостоятельных согласных фонем³, и признает существование следующих долгих согласных: *pp, mm, tt, ss, nn, ηη, ngng, ll, žž, kk, xx* — всего одиннадцать⁴. Т. П. Самсонова отмечает в якутском языке всего 27 согласных фонем, из которых семь считает долгими: *tt, čč, nn, ll, mm, kk, xx*⁵.

Сторонники существования долгих согласных в якутском языке считают, что долгие и краткие согласные служат «семантической дифференциации слов». Так, например, «в слове *otop* — ‘ягода’ согласный *t* произносится короче, чем *tt* в слове *otton* ‘а’ (союз)»⁶. Артикуляция так называемых долгих согласных отличается от артикуляции кратких большей силой⁷. Н. Д. Дьячковский пишет, что в якутском языке долгота и краткость согласного являются его фонематическим признаком, например: *xałāp* ‘половодье’ — *xallāp* ‘небо’, *apa* ‘апоплексия’ — *appa* ‘низ’ (чего-нибудь), *otop* ‘ягода’ — *otton* ‘а’ (союз) и т. д.⁸ Т. П. Самсонова в данном вопросе разделяет точку зрения П. П. Барашкова⁹.

Однако действительно ли в якутском языке имеются долгие согласные фонемы, или же их следует рассматривать как сочетание двух согласных, полностью уподобившихся друг другу?

¹ П. П. Барашков. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953, стр. 9; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 125; Н. Д. Дьячковский. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск, 1962, стр. 26; П. А. Слепцов. Русские лексические заимствования в якутском языке. Якутск, 1964, стр. 93; Т. П. Самсонова. Изучение фонетики в 5 классе якутской школы. — В сб.: «Вопросы методики преподавания русского языка в 5—8 классах якутской школы». Якутск, 1967, стр. 9.

² Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 47.

³ П. П. Барашков. Указ. раб., стр. 17.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Т. П. Самсонова. Указ. раб., стр. 9.

⁶ П. П. Барашков. Указ. раб., стр. 8.

⁷ Там же, стр. 10.

⁸ Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 26.

⁹ Т. П. Самсонова. Указ. раб., стр. 9.

В якутском языке употребление согласных в начале, середине и конце слова связано с известными ограничениями. Так, в начале и в конце слова обычно стоит один согласный¹⁰. Сочетания согласных *rt, lt, lk, mp, ngk* в конце слова встречаются крайне редко (*bärt* 'хороший', *bult* 'охота', *čolk* — звукоподражательное слово, *änp* 'лекарство', *sýngk* 'сопля')¹¹. И в этих случаях допустимо выпадение одного из согласных. Сочетание из двух согласных можно встретить в середине слова¹². Однако в таких сочетаниях участвуют не все якутские согласные. По мнению исследователей, признающих наличие в якутском языке долгих согласных, последние встречаются в корне слова, возникнув в результате регрессивной ассимиляции конечного согласного корня первым согласным суффикса «на стыке корня и аффикса»¹³. Следовательно, речь идет не о сочетании двух одинаковых согласных фонем, а об одной долгой фонеме. С точки зрения фонологии, для того чтобы долгие согласные были восприняты как таковые, они должны быть противопоставлены кратким¹⁴.

В русском языке также имеются долгие согласные, причем более длительные из них могут противопоставляться согласным с нормальной длительностью и, следовательно, имеют фонематическое значение. Например, в таких словах, как *стенной* (*стеной*), *странна* (*страна*), *поддать* (*подать*) и т. д.¹⁵ Кроме того, долгие согласные встречаются в начале слова и имеют смыслоразличительное значение, например, *ввоз* — *воз*, *сжать* — *жать*, *сшить* — *шить*, а также и в конце слова: *кросс*, *класс* и т. д.

Но «поскольку морфологическая членимость долгих согласных на две единицы наблюдается в подавляющем числе случаев, постольку в русской лингвистике принято считать, что долгих согласных фонем в русском языке нет»¹⁶. Возникает вопрос о количественном соотношении морфологически членимых и нечленимых долгих или удвоенных согласных в якутском языке.

Для выяснения этого нами был осуществлен статистический анализ употребления удвоенных согласных в якутском языке. Рассмотрев 1000 словоупотреблений в одном из художественных произведений¹⁷, мы зафиксировали 173 слова с удвоенными согласными, из них — 119 с морфологически членимыми, как, например: *tahaŋašcyttar* 'грузчики', *xälbyttar* 'остались', *balayangnga* 'в избе', *kuhyngngu* 'зимний' и т. д.

В 54 словоупотреблениях (20 разных слов) удвоенные согласные приходятся на корни слов, в современном языке не расчленяющихся на морфемы. Соотношение слов с удвоенными согласными, расчленяемых и нерасчленяемых на морфемы, в рассматриваемом случае равно 7:3. Следовательно, первые составляют большинство. Если рассматривать указанные 54 словоупотребления в историческом аспекте, то в 4 словах (11 словоупотреблений), являющихся заимствованиями (*biässär* 'фельд-

¹⁰ Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 62.

¹¹ Там же, стр. 62; Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 27.

¹² Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 62; Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 27.

¹³ П. П. Барашков. Указ. раб., стр. 11; Т. П. Самсонова. Указ. раб., стр. 9.

¹⁴ Р. И. Аванесов, В. И. Сидоров. Система фонем русского языка. — В сб.: «Из истории отечественной фонологии». М., 1970, стр. 273; М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, стр. 16.

¹⁵ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 165.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Амма Аччыгыя. Биэссэр нуучча. — Г. Р. Кардашевской, И. Н. Рожин. Саха литературата. Якутск, 1972, стр. 79—83.

шер', Södüöččüjä 'Федосия', akkās 'отказ' — из русского языка, pūčča 'русский' — из эвенского языка), удвоение произошло не по причине смысловозначительной необходимости, а согласно фонетическим законам якутского языка. В остальных 16 словах (43 словоупотребления) удвоение почти всех согласных произошло, с точки зрения сравнительно-исторической, в результате уподобления двух различных фонем. Например, слова хаппа 'где', тюрк. kanda¹⁸, узб. kajda, kajga¹⁹, слово халлāп 'небо' происходит от халуп+ап²⁰, otton 'а' (союз) — от onton²¹, узб. ундан²² и т. д.

Здесь уместно вспомнить замечание Л. В. Щербы о том, что если «морфологическая делимость неясна, ее всегда можно предположить в прошлом»²³.

Мы проанализировали также первую 1000 слов, начинающихся с буквы «а», якутско-русского словаря²⁴, из которых в 31-м встречаются удвоенные согласные. 22 из этих слов являются заимствованиями из русского языка, например: аммиак, антенна, апелляция, аппара 'опара', аппетит, аанньал 'ангел' и т. д.

К исконным якутским относятся слова с удвоенными согласными атуһууаг 'хворост', арра 'овраг', аррај 'приоткрываться', аррах 'выкидыш', агаллāп 'неразбериха', äттā 'именовать', allaj 'разевать рот', allar 'долбить', allыг-ballyг 'бугристость'. Однако и в этих словах удвоение явилось результатом уподобления согласных. Атуһууаг 'хворост' может произноситься и как амаһууаг (ср. амаһуука 'небольшая ветка лиственницы'), арра 'овраг', аррај 'зевать', аррах 'выкидыш' происходят от слова ат- 'приоткрыть', агаллāп 'неразбериха' от слова агалып- 'расходиться на две стороны', äттā- 'именовать' от слова äт 'имя' и т. д.²⁵

В фонетическом аспекте (артикуляционном), по мнению П. П. Барашкова, якутские удвоенные согласные «не являются двухвершинными»²⁶.

По определению М. И. Матусевич, под двухвершинными или удвоенными согласными следует понимать те, которые «встречаются в большинстве случаев между гласными. При их артикуляции мускульное напряжение, вначале очень сильное, идет на спад, а затем снова усиливается, что и производит впечатление двух согласных (по Щербе, двухвершинного), распадающихся на два слога»²⁷.

При решении вопроса о долгих и кратких согласных необходимо определить, «имеется ли налицо удвоенный согласный, т. е. фонематически двусоставный, распадающийся на две одинаковых согласных фонемы, или же долгий согласный, т. е. фонематически неразложимый, представляющий одну фонему»²⁸. Якутские удвоенные, на наш взгляд, являются именно двухвершинными.

По мнению Л. Р. Зиндера, в данном вопросе имеет значение и количественное соотношение слов с долгими согласными в корне и на сты-

¹⁸ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. III, 1959, стр. 3301.

¹⁹ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 598.

²⁰ Э. К. Пекарский. Указ. раб., т. III, стр. 3265.

²¹ Там же, т. II, стр. 1898.

²² «Узбекско-русский словарь», стр. 470.

²³ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 165.

²⁴ «Якутско-русский словарь». М., 1972, стр. 23—46.

²⁵ Э. К. Пекарский. Указ. раб., т. I, стр. 95—150.

²⁶ П. П. Барашков. Указ. раб., стр. 7.

²⁷ М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, стр. 91.

²⁸ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 126.

ке двух морфем. Если слова с долгими согласными на стыке морфем «имеют очень широкое распространение» по сравнению со словами с короткими долгими, то «можно считать, что долгое [s:] разлагается на две фонемы»²⁹. В исследованном нами якутском тексте наиболее часто встречается удвоение согласных на стыке морфем.

В якутском языке такие удвоенные согласные, видимо, возникли не в связи с необходимостью усиления различительной функции фонем (если рассматривать их «с точки зрения лингвистической экономии»), ибо наличие удвоенных не позволяет «уменьшить степень неопределенности» смысла слов³⁰.

Между тем и ранее исследователи отмечали наличие не долгих, а «удвоенных» согласных в якутском языке³¹. Л. Н. Харитонов признает, что «... сильное развитие ассимиляции приводит к появлению большого количества удвоенных согласных»³².

Явление удвоения согласных в якутском языке следует рассматривать не только в середине слова и на стыке морфем, но и на стыке слов. Исследуя явление удвоения согласных на стыке слов в русском языке, Л. В. Щерба пришел к выводу, что «в русском двухвершинные согласные все же встречаются на стыке двух знаменательных слов: *дом мой, кот такой, вкус соли* и т. п. При очень отчетливом произношении *от тока, без сада* и т. п. тоже произносятся, первое с удвоенным Т, второе — с удвоением С»³³.

В якутском языке на стыке слов также может возникнуть удвоение согласных, например: *ot toʔor* ‘сено сваливает’ (ср. *ottoʔor* букв. ‘среди тебя’), *itirik kãliã* ‘пьяным придет’, *yl lâmpata* ‘бери лампу’, *kus suolã* ‘след утки’, *хагах хагата* ‘зеница ока’ и т. д.

Согласно якутской графике в середине слова имеет место удвоение следующих согласных: *kk, ll, mm, nn, ngng, ηη, pp, ss, tt, xx, čč*. В середине слова, хотя на письме они и не фиксируются, могут удваиваться *d, ž*, например: *ogduk — odduk* ‘лучше’, *ałʒagxaj — ažʒagxaj* ‘беда’.

По нашему мнению, не удваиваются только согласные *h, g, ɣ*, обычно не употребляющиеся в конце слова, и *j*. На стыке слов может быть удвоение не только *d*, но и *b*, например: *yt daɣany — yddaɣany* ‘даже собака’, *sap bulla — sabbulla* ‘нашел нитку’.

На основании сказанного выше можно сделать вывод, что в якутском языке долгие согласные не противопоставляются простым согласным в фонологическом, смысловоразличительном значении. Имеющиеся в якутском языке удвоенные согласные фонетически двухвершинные, и находятся они обычно на слогоразделе, стыке морфем или стыке слов.

Якутские удвоенные согласные в подавляющем большинстве представляют собой один из видов сочетания согласных, подвергающихся при стыковке полной ассимиляции. Удвоение согласных без стыковки наблюдается в корнях отдельных исконных якутских слов и заимствований (*ikki* ‘два’, *sättã* ‘семь’, *sappãs* ‘запас’, *sappuɣu* ‘сапог’), что свидетельствует о широте сферы влияния фонетического явления удвоения согласных.

²⁹ Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 128.

³⁰ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 184.

³¹ О. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851, § 218; Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 10; Э. К. Пекарский. Указ. раб., т. 1, стр. 8.

³² Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 82.

³³ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1957, стр. 79.

Л. В. ДМИТРИЕВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ
РАСТЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
СОПОСТАВИТЕЛЬНО С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ
АЛТАЙСКОЙ СЕМЬИ
(ОДНОЛЕКСЕМНЫЕ НАЗВАНИЯ)

Фонематика и фонология

Из значительного числа рассмотренных нами корней тюркских названий растений и их производных только семь имели инициальные гласные, остальные начинались с согласных. В этом пласте лексики много заимствований. Причем и тюркизмы, и заимствования повторяют уже известные рефлексy исконых начальных гласных, однако в числе вторых их заметно больше. Эти рефлексy развиваются по линии характерных для тюркского вокализма переходов твердых гласных в мягкие, широких в узкие и наоборот, а также лабиализации гласных и дифтонгизации долгих гласных (якутский язык).

Рефлексy в заимствованиях, являющиеся дополнительными к известным, повторяют и умножают добавочные рефлексy передних гласных в тюркизмах. Среди тюркизмов с инициальным долгим гласным в рефлексy фиксируются переходы широкого гласного в узкий (тат. бараб.) и дифтонгизация (якут.). В рефлексy заимствований появляются протезы *v-*, *j-* (чув.), *γ-* (кумык.), *h-* (гаг.), *š-* (тат., башк. и их диалекты).

Относимые обычно к протезам *j-*, *h-* ~ *x-*, *p-* и другие в ряде тюркских корней, в том числе и образовавших наименования растений, рассматриваются нами как этимологические. При этом учитываются их архетипы по показаниям других алтайских языков, а иногда и по весьма редким фиксациям их в самих тюркских языках, их диалектах и говорах на широком историческом фоне, так как они дают закономерные рефлексy в тюркских и других алтайских языках¹.

Среди инициальных гласных в рассматриваемых тюркизмах встречаются *ā-*, *ō-*, в заимствованиях — *ā-*. На месте начального долгого гласного возникает дифтонгизация в якутском, наращение протетическим *v-* в чувашском² и протетическим *j-* в диалекте барабинских татар (с превращением последующего широкого гласного в узкий). При сравнении с другими алтайскими языками выясняется, что тюрк. **V-* ~ монг. **V-* ~ т.-маньч. **V-*, то есть подтверждается закономерность, отмеченная Г. Дёрфером³.

¹ Ср. случаи «выпадения» инициальных *n-*, *j-* ~ *ž-* (и другие рефлексy; в данном случае «выпадение» происходит только перед узкими гласными), *b-*, *q-*, *h-* < **k-* (Б. М. Юнусалиев. Заметки о выпадении некоторых согласных в основах слов тюркских языков. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV. Баку, 1960, стр. 23—27).

² Ср. М. Palló. Zur Frage der tschuwaschischen V-Prothese. — АОН, XII, fasc. 1—3. Budapest, 1961.

³ G. Doerfer. Die Entsprechung der türkischen Langvokale im Tungusischen. — UAJb, 40, Heft 1—2. Wiesbaden, 1968.

Анлаут тюркской растительной лексики содержит в своем архетипе (иногда праалтайском, а не в пратюркском) только глухие согласные. Лишь **p*- дает уже в ранних памятниках звонкий вариант *b*-. Рефлексы, отмеченные в соответствующих группах (**j*-, **t*-, **s*-, **č*-, **p*-, **q*-||**k*-), положенных в основу распределения исходных инициальных согласных, как правило, не расходятся с известными рефлексами последних. Добавления приходится в основном на заимствования и объясняются принадлежностью разных и даже одних и тех же заимствований в тюркских языках к различным языкам-посредникам, через которые шло заимствование, к фонетическим формам инициала в последних; рефлексы анлаутных согласных являются уже закономерными для их фонематики.

Анализ материалов показывает, что при каждой такой группе имеется много заимствований (**j*- — 32, **t*- — 25, **s*- — 30, **č*- — 8, **q*-||**k*- — 68). Видимо, в связи с преобладанием в данных материалах заимствований над тюркизмами соответственно неодинаков и рост числа известных и закономерных рефлексов для каждого из указанных согласных.

Необходимо особо отметить следующие рефлексы, дополняющие известные: **j*-: тюрк. *m*-, в заимствованиях **n'*- ~ **j*- ~ **l*- > *n*-; **t*-: в заимствованиях **d*- > тюрк. *l*-; **s*-: в заимствованиях монг. *c*-; **p*-: тюрк. *Vb*-; **q*-||**k*-: в заимствованиях **g*- > тюрк. *ø*-.

По-видимому, в последнем случае можно говорить о ларингале, имеющем, как известно, тенденцию к исчезновению. Причины этого для многих языков объясняют тем, что при образовании ларингалов в артикуляции активна гортань и пассивны или же вовсе бездействуют надгортанные полости⁴.

Материалы енисейских и ряда других языков позволяют предположить, что «изнашивание» заднеязычных и других ртовых смычных приводит к гортанной смычке — ларингальной фонеме, а затем к ларингальному тону (например, во вьетнамском языке)⁵. Типологически это можно отнести и к алтайским языкам.

Для нас в данном случае важна лишь возможность объяснить по аналогии причины исчезновения ларингалов особенностями их артикуляции (местом артикуляции), определяющими их слабость и неустойчивость.

Словообразование

В образовании тюркских названий растений и их частей, помимо словообразовательных аффиксов, принимают активное участие и аффиксы залогов — прежде всего побудительного [часто -*t*, реже -*r*, есть формы вдвойне побудительного залога -(*y*)*t*+*yr*], затем страдательного (-*l*), далее — взаимного (-*š*) и возвратно-страдательного (-*n*). Встречаются названия, включающие две разные залоговые формы (например, побудительную и страдательную).

Залог является исторически переходной категорией от словообразования к словоизменению, и поэтому аффиксы залогов должны стать предметом специального исследования, основанного на более широком материале, нежели растительная лексика. По этой же причине в данной статье не будем касаться и глаголообразующих аффиксов отыменных глаголов,

⁴ В. И. Царенко. К функциональной характеристике ларингальности в языке кечуа. — «Вопросы языкознания», 1973, № 3, стр. 81, 86.

⁵ Вяч. Вс. Иванов. О происхождении ларингализации-фарингализации в енисейских языках. — В сб.: «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского». М., 1971, стр. 134—135.

хотя они и отмечаются нами при рассмотрении интересующей нас лексики (-*la*, -*čü*).

В ряде исследований и словарей⁶ частично зафиксированы названия растений, заимствованные из других алтайских языков — монгольского и тунгусо-маньчжурских. Известно несколько большее число названий с монгольскими фонетическими формами словообразовательных аффиксов или аффиксами, употребляющимися только в монгольском языке при тюркских (<? общеалтайских) корнях-основах. Распространенность таких названий у территориально более близких монголам тюркских народов (тувинцы, тофалары, шорцы, алтайцы, хакасы и др.) позволяет говорить о монгольских заимствованиях, вошедших в тюркскую лексику столь давно и прочно, что они включились в исторический процесс ее развития⁷.

Совершенно прав Г. Д. Санжеев, писавший, что тюркизмы в монгольских языках могут быть выявлены морфологическим путем, тогда как фонетическим путем сделать это значительно труднее в силу большой близости в целом тюркской и монгольской фонетических систем. Г. Д. Санжеев предполагает существование в древности общих тюркско-монгольских слов, различавшихся лишь разными рядами гласных в них⁸.

Подобные названия могли со временем проникнуть и в другие тюркские языки (главным образом на запад и на юг, юго- и северо-запад). Поэтому названия с указанными аффиксами целесообразно условно рассматривать как возможные монголизмы. К последним можно отнести и названия с аффиксами: -*aj*, -*l*, -*mal*, -*γyr*||-*γyrsun*, -*γaj*||-*qaj*, -*γak*||-*qaq*, -*γana*, -*sun*. Судя по фонетическим формам и характеру распространения, к общеалтайским словообразовательным аффиксам и названиям растений относятся названия с аффиксами: -*čaq*, -*ma*, -*aq*||-*yq*, -*γ*||-*q*, -*γy*||-*qu*, -*y*||-*i*, -*ty*||-*ti*, -*m*||-*ym*. К периоду тюркской языковой общности исследователи относят аффиксы: -*γan*||-*kan*, -*q*||-*k*, -*ač*||-*č*, -*qy*||-*ki*, -*qyn*||-*γyn*, -*čak*||-*čyq*, -*čan*, -*čaŋ*, -*n*||-*an*, -*nč*, -*m*, -*ma*, -*maq*, -*myš*, -*t*||-*yt*, -*dyq*, -*l*||-*yl*, -*r*||-*yr*⁹.

В некоторых якутских названиях растений встречается тунгусо-маньчжурский словообразовательный аффикс -*kta*, характерный для тунгусо-маньчжурской лексики (часто — для названий растений). Такие названия представляют собой тунгусо-маньчжурские заимствования, что отмечается в литературе. Например: якут. *налбыкта* 'мох' < эвенк. *налбукта* ~ *налбука id*¹⁰; якут. *болбукта* 'лещина' < эвенк. *болгикта id*¹¹; якут. *сибиктэ* < эвенк. *сивикте* 'хвощ'¹²; якут. *мутукча* ~ *мучукта* ~ *мучукча* 'хвоя' < эвенк. *мучиктэ*¹³.

Из отмеченных 50 словообразовательных аффиксов тюркских названий растений 39 дают отглагольные образования. Наиболее распространенными являются аффиксы: -*q*||-*γ* — 7+22 (соответственно от имен и от глаголов). Наименее распространенные — по 2 названия: -*aj*, -*y*, -*ač*||-*č*, -*t*||-*yt*, -*myq*||-*miq*, -*qanaq*, -*myš*; единичные: -*čyl*, -*turuk*, -*mal*, -*γyr*||-*γyrsun*, -*γaj*||-*qaj*, -*ynč*||-*nč*, -*qač*||-*quč*, -*ty*, -*qyn*, -*dyq*||-*duq*. Только аффикс -*qan*||-*γan* (и заимствованный монг. аффикс -*γana*) образует и отглагольные имена, обозначающие названия мелких животных и растений.

⁶ G. Clauson. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962; M. Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuch der Türkisprachen. Helsinki, 1969.

⁷ В. И. Рассадин. Монгольские заимствования в алтайском языке. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 67.

⁸ Г. Д. Санжеев. О тюркско-монгольских лингвистических параллелях. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 77.

⁹ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 90, 92, 94 и др.

¹⁰ M. Räsänen. Указ. раб., стр. 350.

¹¹ Там же, стр. 79.

¹² Там же, стр. 420.

¹³ Там же, стр. 339.

В отыменных образованиях названий растений подавляющее число аффиксов с уменьшительным значением — 6 (-čaq||-čyq, -ča, -aq||-yq, -a, -an||-aŋ, -aj). Другие аффиксы этого вида словообразования имеют значения субстантивированных прилагательных — 2 (-laq||-dak ~ -alaq ~ -[lyŋ]||-ly, -čyl), абстрактно-собирающее — 1 (-lyq), орудия действия — 1 (-turiq). В отглагольных образованиях названий растений преобладают аффиксы со значением признака действия — 15 (-čaq||-čyq, -ča, -mal, -q||-γ, -y, -a, -qač||-quč, -aγan||-yγan, -laγan||-lyγan ~ -taγan||-tyγan, -jan||-čan, -qanaq||-γanaq, -qyn||-γyn, -yn||-in, -lan, -r||-yr). Другие аффиксы данной группы передают значения предмета, процесса, результата — 12 (-ma, -anaq||-naq, -yl||-al||-l, -γy||-qy, -γa||-qa, -ač||-č, -ty, -m||-ym, -maq, -myq||-miq, -myš, -dyq||-duq), субстантивированных прилагательных — 4 (-γyr||-γyrsun, -laq||-daq ~ -alaq, -lyγ, -γaj||-qaj, -γaq||-qaq), абстрактных имен — 2 (-yš, -t||-yt), увеличительно-усилительных — 1 (-man). Иначе говоря, словообразовательные аффиксы (помимо корней, основ) являются средством передачи характерных и для других языков мира семантических моделей названий растений: аффиксы с уменьшительным значением, видимо, служат передаче моделей подобия, сходства (по внешнему виду, особенностям строения); аффиксы со значениями предмета, процесса и результата действия, абстрактных имен — семантических моделей основного назначения, применения растений в жизни человека, животного и т. п.; аффиксы со значениями признака действия, субстантивированных прилагательных — моделей отличительных (ярких, бросающихся в глаза) особенностей растений; аффиксы с увеличительно-уменьшительным значением — модели собираемости, места скопления.

Связь словообразовательных аффиксов с семантикой растительной лексики должна изучаться в рамках специального семантического анализа последней.

Лексика

В ранее опубликованной нами статье¹⁴ указывалось, что почти для всех видов растений в каждой группе алтайских языков встречается несколько названий, причем в тюркской и тунгусо-маньчжурской группах таких наименований больше, чем в монгольской.

Обычно названия растений весьма удачно и лаконично отражают их реальные свойства и биологические особенности — форму, цвет, вкус плода, характер цветения, оттенки цвета листьев, ствола, их форму, свойства древесины и коры и т. п. Некоторые тюркские названия, например, получили широкое распространение, став общеботаническими (*кизил* и др.).

Примечательно, что растения, являющиеся исконными или хорошо знакомыми местному населению, по сравнению с малоизвестными отличаются богатством и разнообразием названий, разносторонностью семантической характеристики. Известны случаи, когда одни и те же названия обозначают разные виды растений и их отдельные части. Это объясняется не только внешним сходством некоторых пород растений или смешением их, но и определенной общностью их свойств. Нередко здесь играет роль и то, что плоды разных растений поедаются одними и теми же животными.

Большинство названий повторяется только в немногих или даже одном-двух тюркских языках, но некоторое количество наименований является общим для многих или почти всех тюркских языков. Например: qa-

¹⁴ Л. В. Дмитриева. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. — В сб.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972.

juṗ 'береза', tal 'тальник', 'ива', buṗdaj 'пшеница', taṗu 'просо', 'зерно', qaṗuṣ 'камыш', butaq 'ветвь', juṗač ~ aṗač 'дерево', jaṗraq 'лист', jaṗmiš 'плод', 'фрукт', čäčäk 'цветок' и некоторые другие. Как видно из перечня, это в основном названия, относящиеся к морфологии растений, то есть, по общему признанию, наиболее древняя часть лексики.

Следует отметить, что растения, имевшие еще в древности большой удельный вес в хозяйственной жизни народов (например, некоторые злаки, деревья, травы), носят, так же как и в других языковых группах (например, славянской), часто названия, общие для многих входящих в данную языковую группу языков, диалектов и говоров¹⁵.

Нередко многообразие названий обуславливается и заимствованиями: для тюркских языков характерны заимствования из языков иранских, арабского и других семитских, тибетского, санскрита, финно-угорских, редко — из польского, грузинского; для монгольских — из иранских, тибетского, санскрита; для тунгусо-маньчжурских — из китайского (в маньчжурском).

Заимствования из индоевропейских языков в алтайские (в основном, видимо, через тюркские) связаны, вероятно, с передвижением тохаров из Центральной Азии на восток, а других союзных с ними праиндоевропейских племен — на запад, в Европу¹⁶.

Значительный слой западноевропейских (из французского, латинского, греческого и др.) и собственно русских заимствований проник в тюркские языки в основном через русский. Что же касается огузско-тюркских языков, то в них западноевропейские заимствования попали скорее всего через турецкий, а в последний — через соседние юго-восточные европейские языки. В монгольские и тунгусо-маньчжурские языки такие заимствования попали, видимо, через тюркские и русский языки, причем в тунгусо-маньчжурские — в большинстве случаев через монгольские языки.

Контакты между славянами и тюрками (аварами, затем — хазарами, булгарами, печенегами, половцами и др.) начинаются, как известно, с VI—VII вв. н. э. Проникновение в тюркские языки славизмов отмечается с XI в. Отсутствие тюркизмов в общеславянском языке при наличии их в отдельных славянских языках дает основание предполагать, что после V—VI вв. н. э. начался распад славянской общности¹⁷. По-видимому, дальнейшее исследование славизмов или других иноязычных заимствований в тюркских и алтайских языках позволит сделать выводы и о характере общности самих алтайских языков и входящих в них групп.

Очень важен вопрос о внутриалтайских заимствованиях, связанный в основном с тюрко-монгольскими лексическими взаимопроникновениями, ибо тунгусо-маньчжурские заимствования в тюркских и тюркские в тунгусо-маньчжурских языках ограничены по числу и очевидны по характеру.

Выделение монголизмов в тюркских языках и тюркизмов в монгольском оставляет исследователям генетического родства алтайских языков

¹⁵ Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских народных говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936, стр. 151.

¹⁶ Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. — В сб.: «Тохарские языки». М., 1959; Цзи Сянь-линь. Тохарский язык: его открытие, расшифровка, значение для китайско-индийской культурных связей. — Там же; ср.: G. J. Ramstedt. The relation of the Altaic languages to other languages groups. — TSFOu, LIII. Helsinki, 1947; В. В. Иванов. Функции «тохарских» языков и «тохарской» литературы в Восточном Туркестане и проблема тюрко-«тохарских» контактов. — В сб.: «Центральная Азия и Тибет. История и культура Востока Азии», I. Новосибирск, 1972, стр. 168—170.

¹⁷ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 169—171.

именно тот слой лексики, в котором только и возможно нахождение общих лексем. На это, говоря о монголизмах в маньчжурском, обратил внимание еще Л. Лигети¹⁸. Однако сводить проблему тюркско-монгольских языковых связей только к вопросу о том, кто у кого заимствовал, как справедливо предостерегает «молодые генерации алтаистов» Э. В. Севортьян, конечно, нельзя¹⁹. Вопрос заключается в том, чтобы отдельно выделить генетически общее из пласта взаимозаимствований.

Специальных исследований, посвященных тюркско-монгольским фитонимам и фитонимической терминологии, нет. Однако в немногих статьях по тюркско-монгольским языковым параллелям иногда используется и фитонимический материал, на основании которого делаются некоторые предварительные выводы. Так, С. Садыков отмечает, что фитонимическая группа по сравнению с другими тематическими группами содержит сравнительно меньше тюркско-монгольских параллелей. Причем последние наблюдаются главным образом лишь в трех-четыре тюркских языках. Автор отмечает параллели для названий пшеницы (монг. *буудай*, хак. *пуьдай*), ячменя (монг. *ярвай*, тув. *арбай*), пырея (монг. *хиаг* 'пырей', алт. *қыйбақ* 'осока'), плода (монг. *жимс*, тув. *чимис*), гороха (монг. *буурцаг*, алт. *мырчақ*), чеснока (монг. *саримсаг*, кирг. *сарымсақ*), вишни (монг. *чий*, кирг. *чийе*), таволги (монг. *тавилга*, кирг. *табылғы*)²⁰.

А. А. Булакаева-Баранникова считает более плодотворным сравнение лексики современных тюркских и монгольского языков (вопреки традиционному сопоставлению с памятниками среднемонгольского языка: VII—XVIII вв., в которые тюркизмы могли попасть благодаря переводчикам, причем монгольское население могло и не употреблять этих тюркизмов), так как устная речь их современных носителей не могла не сохранить следов древних длительных и прочных контактов²¹.

Сравниваемые татарско-бурятские слова А. А. Булакаева-Баранникова относит к «жизненно-необходимым, широко употребительным, известным в основном и другим монгольским и тюркским народам» и предлагает большинство таких слов называть «общими». Заимствования из тюркских языков, по ее мнению, ограничиваются лишь «определенными пластами словарного состава», и им должны соответствовать их монгольские синонимы. В качестве «общих» тюркско-монгольских названий приводятся наименования ячменя (тат. *арпа*, бур. *арбай*), пшеницы (тат. *бодай*, бур. *будаа*), проса (тат. *тары* 'просо', бур. *тарьян* 'хлеба; зерно'), гороха (тат. *борчақ* 'горох', 'бобы', бур. *буурсаг* 'семя', 'плод растений'), почки (тат. *бөрө* 'почка растений', бур. *бөдрэ* 'почка' анат.), ковыля (тат. *қылған*, бур. *хилгана*)²².

Б. Я. Владимирцов и Г. Д. Санжеев отмечают, что источником тюркско-монгольских совпадений (параллелей) чаще всего являются тюркские, а монгольско-тунгусо-маньчжурских — монгольские языки²³.

Из тюркско-монгольских совпадений фитонимов и фитонимической терминологии, зафиксированных нами, должны быть прежде всего выде-

¹⁸ L. Ligeti. Les anciens éléments mongols dans le mandschou. — АОН, X (1960), стр. 231—248.

¹⁹ Э. В. Севортьян. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 45.

²⁰ С. Садыков. Тюркско-монгольские параллели. — В сб.: «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». Фрунзе, 1966, стр. 110—129.

²¹ А. А. Булакаева-Баранникова. Сопоставительные материалы по лексике современных татарского и бурят-монгольского языков. — «Сборник трудов по фонологии. Бурят-монгольский научно-исследовательский институт культуры», вып. III. Улан-Удэ, 1958, стр. 162.

²² Там же, стр. 162.

²³ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВОРАО, т. XX, вып. 2—3. СПб., 1911, стр. 169.

лены явные заимствования из неалтайских языков. Затем следует выделить заимствования из тюркских языков в монгольские и из монгольских в тюркские. Выделение тюркизмов и монголизмов методами фонетического анализа невозможно. Определенных результатов можно достичь лишь морфологическим путем и то лишь для второобразных основ²⁴, в отдельных случаях можно прибегнуть и к семасиологическому анализу. Поэтому естественно разделение заимствований на явные и предполагаемые. Основой для выделения явных заимствований служат фонетический облик слов, характер оформления второобразных основ (оформление второй части основы), степень распространенности слов и состав употребляющих их языков, ранее высказанные суждения специалистов. Для выделения предполагаемых заимствований используются те же критерии, но с меньшей долей уверенности в их наличии в каждом конкретном случае.

Приведем перечень рассмотренных нами корней и некоторых производных от них названий растений, восходящих к общетюркско-монгольским: *jemiš* 'плод, фрукт, ягода' (>монг.), *jomurt* 'черемуха', *tāy* 'гора, лес' — *tajya* 'тайга', *tagyū* 'просо', 'зерно', *tyq-* 'втыкать', 'жалить', *saḡmsaq* ~ *saḡymsaq* 'чеснок', *soḡan* 'лук', *sūt* 'молоко', *syg-* 'стегать', 'облеплять', *čaq-* 'жалить', 'вонзать', *čäčäk* 'цветок', **raj* ~ *baj* 'богатый', 'густой (о дереве)', *ölep* 'трава', *bür* 'почка', *böjürtlän* 'малина', *qaḡaḡan* 'рябина', 'акация', *qaḡaḡaj* 'ель', 'сосна', 'лиственница' (<монг.), *quḷan* 'ость (колоса)', *qūp* ~ *quḷ* 'футляр', 'стручок'.

Известно, что тюркские заимствования в монгольских языках относятся и к периоду до XIII в. Они проникли из различных тюркских языков в разные исторические эпохи. Среди этих заимствований выделяются проникшие из чувашско-булгарской группы тюркских языков²⁵.

Выше уже отмечались в списках заимствований и слова, проникшие из тунгусо-маньчжурских языков, выделенные по тем же принципам, что и монголизмы. К числу их относятся: *haḡyū* ~ *qaḡyū* 'тростник' (<т.-маньч. *ḡaga* 'ветвь', 'сук' + алт. афф. = *yū*), *meišč* 'виноград'; заимствования из эвенкийского языка в якутский; *maḡčāḡyū* ~ *maḡčāḡyū* 'осока', *muḡukča* ~ *mušukta* 'хвоя' 'игла (хвойная)', 'почка', 'листва', 'ветвь', *balbukta* 'лещина', 'кедровый стланик', 'кедровник', *sibiktā* ~ *si:biktā* ~ *čibiksāj* 'хвош'. В этих наименованиях содержатся тунгусо-маньчжурские словообразовательные аффиксы *-kta* (с его помощью обычно образуются названия растений) и *-ary*.

Вопрос о тюркизмах в тунгусо-маньчжурской растительной лексике будет изучаться нами в дальнейшем.

Как показывает анализ корней названий растений и производных от них, в их числе нет общих для всех трех групп алтайских языков, разумеется, исключая заимствования и взаимозаимствования. Однако отмечается некоторое количество общих алтайских и даже ностратических корней, легших в основу некоторых тюркских названий растений. Приведем перечень рассмотренных нами корней, восходящих к: а) общеностратическим — *aš* 'пища, корм', *jar-* 'прилеплять', 'цепляться', *jeg-* ~ *jig-* 'есть, кушать', *taḡa-* 'чесать', 'скрести', **rō:l* (<?wiḷ) 'влажный, сырой', **rös* (<?wi(š)ḷ-) 'расти', **rüg-* ~ *büg-* 'делать складку', 'стягивать',

²⁴ Г. Д. Санжеев. К вопросу о тюркских заимствованиях в монгольских языках. — «Лингвистический сборник». Ташкент, 1971, стр. 33; Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., стр. 169, 178.

²⁵ А. Рона-Таш. Общее наследие или заимствования? — «Вопросы языкознания», 1974, № 2, стр. 42—43.

ог < *? рог 'лес', қар- 'закрывать, покрывать', қар- 'хватать, ловить', қага 'черный, темный', қул 'волос', 'стебель', қуғ- 'скоблить', 'стричь', кег- 'растягивать, натягивать', көр- 'пухнуть, вздуться'; б) общеурало-алтайским — *ria 'лес', 'дерево', 'растение'; в) общеалтайским — altun 'золото', öz 'свой', 'сердцевина', ö:p- 'расти', jaq- 'свалиться', 'идти, падать (об осадках)'—jaҗaq 'орех', jalbu- 'веять', jar- 'раскалывать', jaš 'свежий', 'зеленый', 'зелень', jum- 'зжмурить (глаза)', tagu- 'возделывать землю', рој ~ böj 'тело', 'ствол'; *роғ ~ роу- 'давить', 'завязывать (узлом, крест-накрест)'—buҗdaj 'пшеница', рөг- 'плести', *rük ~ bük- 'сгибать'—buҗсақ 'горох', qaz- 'рыть', 'скоблить', көк 'синий, голубой, зеленый', 'зелень'.

Вспомним отмечавшиеся еще ранее «совершенно поразительные совпадения названий некоторых растений в алтайско-тюркских говорах с финно-угорскими данными»²⁶. Действительно, нами были указаны и прямые заимствования, обычно отмечавшиеся в литературе, и финно-угорские (уральские) параллели. Возможно, здесь следует говорить о наличии некоторых общих лексических пластов для алтайских и финно-угорских языков.

Чувашизмы в марийской сельскохозяйственной лексике (например, чув. *вир* > мар. *вир* 'просо', чув. *пәрҗа* > мар. *пурса* 'горох', чув. *ўлам* || *оләм* > мар. *олым* 'солома' и т. д.), обычно объясняются воздействием «древнего земледельческого народа» — чувашей на соседних марийцев, с которыми они находились в длительных и тесных контактах²⁷.

Семантика

При общем числе моделей 211 единиц (при 129 их видах) 132 восходят к глаголам, 79 — к именам (из них одна — к глагольно-именной основе). Модели, восходящие к именам, означают детали природы («болото» ~ «грязь», «гора», «небо»); части тела человека и животного («глаз», «волос», «голова», «рука, передняя конечность», «тело» ~ «длина»); части предметов («внутренняя часть», «нутро, сердцевина», «основание, дно, низ», «ручка, рукоятка», «футляр»); продукты питания («пища», «молоко»); прилагательные цвета («золотой ~ золото», «черный ~ темный», «голубой, синий, зеленый ~ зелень, небо», «красный», «серый ~ седой», «зеленый ~ свежий»); обилия и величины («богатый ~ густой», «короткий, тупой») и другие прилагательные («мокрый»).

Распространенность моделей, восходящих к глаголам, включая и глагольно-именные основы, свидетельствует о том, что как растения, так и животные часто назывались по характерным для них воздействиям на окружающую среду²⁸. К этим воздействиям относятся ставшие как бы постоянными признаки тех или иных растений [«вешать», «прицепляться»; «завязывать (узлом, крест-накрест)»; «бить», «резать»; «обвивать», «завертывать, обвертывать»; «гнуть»; «извиваться», «ползти»; «колоть»; «втыкать»; «жалить»; «отбрасывать»; «зудеть», «чесать», «палить, опаливать»; «гнуть», «ловить», «хватать»; «веять»; «прилеплять», «цепляться»; «обжигать», «прижигать»; «облеплять»; «морщиться»; «завертывать, обматывать»; «лежать»; «сжимать», «жмурить» и т. п.], или давшие в результате определенные виды растений и их части («возделывать зем-

²⁶ А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 39.

²⁷ М. Р. Федотов. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении. Автореф. докт. дисс. Чебоксары; 1969, стр. 49.

²⁸ Это уже отмечалось А. П. Дульзоном для тюркских названий животных и растений. (См.: А. П. Дульзон. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 94).

лю», «сажать»; «выравнивать», «делать плоским»; «делить»; «пухнуть»; «делать складку», «стягивать», «развязывать» и др.), или же действия, орудиями которых как бы являются растения и их части («объяснять, толковать»; «закрывать»||«сосуд»; «натягивать, растягивать»; «скрести»; «вытягивать» и т. д.), а также действия, указывающие на специальное предназначение некоторых растений и их частей («кушать, есть»; «ободрать, снять наружный слой»; «стоять»; «сыпаться» и др.). Таким образом, отглагольные названия передают значения субъекта, объекта, орудия, результата, формы, признака действия.

В отдельных случаях, наряду с названиями растений и их частей, образуются (в совершенно одинаковой с ними фонетико-морфологической форме) от одних и тех же глаголов и иные названия, например, названия частей тела (анат. «кость», «почка»), предметов домашнего обихода («метелка», «ножны, футляр», «игла») и др. Эти названия, видимо, являются более древними. Они легли в основу ряда наименований растений и их частей по принципу внешнего сходства, уподобления, что типологически широко распространено во многих языках мира применительно к различным реалиям. Данное явление встречается чаще при отыменном словообразовании. Для этих случаев и в отыменном, и в отглагольном словообразовании обычны уподобительно-уменьшительные или увеличительные словообразовательные модели (об этом смотрите выше в разделе о словообразовании): тат. бараб. *йәшилчә* 'овощи' < *йәшил* 'зеленый' + афф. уменьш.-упод. -чә; туркм. *қабық* 'кора' < *қап* 'сосуд' + афф. уменьш.-упод. -ақ; хак. *хазалчық* 'колючка, шип' < *қас* 'рыть, копать' + -ал (афф. отгл. им.) + уменьш.-упод. афф. -чық и т. п.

Во всех случаях основные значения корня слова переходят в производные от них названия растений и их частей, как и в любые, образованные от данных корней, виды названий²⁹. При этом названия активных признаков древнее пассивных. В более старых наименованиях, естественно, нашли отражение и более старые значения корня, со временем изменявшиеся, исчезая в одних и обнаруживаясь в других образованиях³⁰.

Причиной растительной синонимии является параллельное употребление литературных и диалектальных (например, казах. *масақ* ~ *келдек* 'колос', *сабак* ~ *пакал* 'стебель'), а также оригинальных и заимствованных форм³¹.

Во многих языках мира между названиями некоторых злаков и дикорастущих трав-сорняков существует определенная зависимость (названия вторых произведены от названий первых): русск. *овес* — *овсюг*, *овсюган*; *жито* — *житец*, *рожь* — *ржанец*, **пыро* (вид пшеницы) — *пырей*³². Тюркские соответствия этому: узб. *бубдой* 'пшеница' — *бубдойик* 'пырей', ср. казах. *бидайық* 'тимopheевка (ржанец)' — *бидай* 'пшеница'; др.-тюрк. *агра* 'ячмень' — *аграҗап* 'дикий ячмень', ср. туркм. *арпабан* 'пырей' < *арпа* 'ячмень', уйг. *а(р)пихан* 'овсюг' < *арпа* 'ячмень'.

Очень изменчивы названия мелких растений: кустарников, трав. Видимо, в силу внешнего сходства наименования таких растений механи-

²⁹ Э. В. Севортян. Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков. (Обще- и межтюркские основы). М., 1966, стр. 7—10.

³⁰ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1965, стр. 11—14.

³¹ А. Шамшатова. Лексика злаковых культур в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966, стр. 9.

³² В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 75.

чески переносятся с одного вида на другой³³. Семантическая модель «гора» → «лес» характерна для многих языков³⁴.

* * *

Фонематико-фонологический, словообразовательный и лексико-семантический анализы растительной лексики в тюркских языках в сравнении с другими алтайскими языками указывают на наличие ряда черт, имеющих и в других языках мира. Г. Д. Санжеев отмечал в тюркских и монгольском языках черты общие у них с семитскими, японским, уральскими, новоиндийскими и другими языками. К этим чертам относятся несовместимость двух начальных согласных, отсутствие начальных *l*-, *r*-, гармония гласных, агглютинация и т. п.³⁵. Это — типологические явления.

Следовательно, анализироваться тюркские языки, так же как и другие алтайские, должны в типологическом плане. Иначе говоря, некоторые или даже все алтайские языки в определенные исторические эпохи могут частично менять свою типологию, что и должно стать предметом анализа на фоне широкого аналогичного материала других типологически родственных языков³⁶.

Нелингвистические данные

Хотя арабский географ IX—X вв. ал-Джахиз и отмечал, что «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли»³⁷, тем не менее изучение тюркской растительной лексики позволяет сделать некоторые обобщения историко-географического характера.

Как и их соседи — славяне³⁸ (и другие народы), древние тюрки (~ алтайцы) пищу тоже, вероятно, находили в окружающем растительном мире — в плодах деревьев и кустарников, ягодах. Видимо, поэтому наиболее распространенным из фитонимов среди почти всех тюркских племен (> тюркских языков, диалектов, говоров) является общее название плода (фрукта) *jemiš*, означающее и вообще еду, корм. Несколько меньшее распространение получило общее наименование ягоды — *jilek*.

Из фитонимической терминологии у тюрков являются общими наименования ветки (*butaq*), коры (*qar* ~ *qabuq*), листа (*jalbuḡaq* ~ *jarḡaq*), цветка (*šäšäk*). Это все исконные тюркские (~? алтайские) названия. Таким же общим является для тюркских языков и название дерева — *jaḡač* (~ *aḡač*), восходящее к корню, означавшему у алтайских и финно-угорских народов «бересту» ~ «березу». Можно предположить, что это название возникло в тех районах, в которых наиболее распространенным деревом издревле являлась береза (характерная необычным цветом своей коры — бересты), то есть в Восточной Европе, на Урале или в Западной Сибири. Что же касается веток, коры, листьев, цветов, то все это, видимо, было тем, что более всего использовалось тюркскими (~? алтайскими) племенами в их хозяйственной жизни.

Если слово *jaḡač* ~ *aḡač* уже с древности служило для обозначения дерева вообще, то для обозначения березы почти во всех тюркских язы-

³³ А. И. Попов. Указ. раб., стр. 29, сн. 3.

³⁴ Там же, стр. 86.

³⁵ Г. Д. Санжеев. Сравнительно-исторические и типологические исследования по алтанстике. — В сб.: «Лингвистическая типология и восточные языки». М., 1965, стр. 89.

³⁶ Там же, стр. 92, 102.

³⁷ Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, стр. 90.

³⁸ Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских народных говоров, стр. 44.

ках, диалектах и говорах получило широкое распространение наименование *кајуп*, в основе которого лежит финно-угорское название данного дерева ~ тюркско-монгольское обозначение коры и тюркско-монгольский словообразовательный аффикс *-уң||-ип*.

Другие широко распространенные среди тюрков фитонимы деревьев: *tal* 'ива ~ тальник', *tabylıy* 'таволга', *saqsaul* < монг. 'саксаул', *alma* < скр. 'яблоко (яблоня)', , *armut* < перс. 'груша', *şaptaly* < перс. 'персик'. Это все деревья Восточной Европы, Урала, Сибири, Алтая, Средней Азии (саксаул, персик), то есть той обширной территории, которую и ныне населяют тюркские народы.

Широко распространены в тюркских языках наименования таких кустарников, как можжевельник (*arča ~ artyş* < перс.), тутовник (*tut* < араб.), жасмин (*jasemin* < ар.), роза (*gül* < перс.). Почти повсеместно распространенным является и название винограда (*üzüm*), полыни (*jövşän ~ jemşän, ägmän*), камыша (*qamuş*).

Известно, что куст можжевельника, долгое время имевший культовое назначение, по сей день используется при копчении рыбы, а ягоды его — как лекарственное средство. Названия других упомянутых кустарников, лиан и трав получили распространение, вероятно, в связи с тем, что являются основными растениями широких степных просторов (полян), заболоченных местностей (камыш) и плодородных земельных участков (виноград), то есть тех огромных территорий, которые издревле были населены тюркскими (~? алтайскими) племенами.

Переход к сельскохозяйственным культурам характеризуется широким распространением названий ячменя (*агра* < перс.), проса (*taγy ~ taγy*), пшеницы (*buγdaj*) и, несколько меньше, овса (*sula*, ср. *julaf* < арм.), а из овощей — гороха (*buγçaq*). Источники сообщают, что основной злаковой культурой древних тюрков было просо (*taγy ~ taγy*) — оно отмечается для кимаков IX—XI вв.³⁹, огузов IX—XIII вв.⁴⁰, упоминаются еще пшеница и ячмень⁴¹.

Таким образом, на основании сказанного выше можно заключить, что тюркские (~? алтайские) племена издревле жили на территориях, покрытых лесами, кустарниками (включая и ягодные), степными и болотными травами, отведенных под плодовые деревья, декоративные кустарники (жасмин, роза), поля со злаками⁴², бахчи с овощными культурами, наконец — на южных засушливых (саксаул) и поливных землях (виноград и персики).

Наличие среди указанных выше наиболее широко распространенных у тюрков фитонимов большого числа заимствований позволяет предположить, что вместе с названиями заимствовались и растения, к которым они относились.

А. Рона-Таш по вопросу о генетическом родстве алтайских языков, обстоятельно проанализировав различные аспекты данной проблемы, пришел к исторически весьма оправданному, с нашей точки зрения, заключению: если исключить древнейшие заимствования, то при наличии

³⁹ Б. Е. Кумеков. Указ. раб., стр. 94.

⁴⁰ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 97. Просо является одной из древних злаковых культур и у монгольских народов. См.: Д. Г. Дамдинов. О земледельческих терминах в монгольских языках. — В сб.: «Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева». М., 1974, стр. 57.

⁴¹ Б. Е. Кумеков. Указ. раб., стр. 94.

⁴² В монгольском земледелии, как и в тибетском, сохраняются очень древние черты, уходящие своими истоками в Центральную Азию (*Л. Л. Викторова. Этно-культурные связи монгольских и тибетских племен в древности и раннем средневековье. — В сб.: «Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции». Новосибирск, 1972, стр. 66).*

генетической общности должны остаться алтайские соответствия, более ранние, чем эти заимствования.

Видимо, число таких соответствий будет невелико, и они будут охватывать лишь корневые морфемы, не всегда согласовывающиеся с зафиксированными фонетическими закономерностями алтайских языков. Родство алтайских языков может быть доказано не на основе алтаистических соответствий, а вопреки им. Решающими в данном случае явятся поиски и исследования не соответствий, а исторических контактов в период от начала II тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э.⁴³

Из предложенных А. Рона-Ташем методов алтаистических исследований нами были использованы в работе лишь применимые к растительной лексике в плане однокорневых названий⁴⁴. И общие наши заключения близки к выводам А. Рона-Таша: 1) предполагаемые алтаистические соответствия следует искать только в области корневых морфем; 2) зафиксированные в алтаистике фонетические инициальные соответствия предоставляют исследователю возможность подобрать соответствующий алтаистический (в том числе и внутри каждой входящей в алтайские языки группы — в данном случае тюркской) материал; на основе последнего можно в какой-то мере репрезентировать тюркскую (~ алтайскую) растительную лексику, однако нельзя установить изначальные древнейшие соответствия.

Из анализа тюркской растительной лексики сопоставительно с соответствующей лексикой других алтайских языков почти неизбежно следует, что по мере углубления изысканий и привлечения новых материалов (в плане типологии, субстрата, ареальной лингвистики и т. п.) все большее число предполагаемых ранее соответствий отходит в область заимствований и ностратических основ.

Нами рассматривается исторический период примерно начиная с VII в. н. э. лишь с эпизодическими проникновениями в более раннее время для установления иноязычных заимствований. Тюркских и других алтайских материалов начала указанного А. Рона-Ташем периода⁴⁵, к сожалению, не сохранилось.

Следовательно, вопрос о генетическом родстве алтайских языков, видимо, продолжает оставаться открытым. Однако характер накопленного по этому вопросу материала дает определенные основания предполагать не столько генетическое родство, сколько особую форму общности, — возможно, лингвистическую контактность, наблюдаемую и в других языковых общностях.

⁴³ А. Рона-Таш. Указ. раб., стр. 44—45.

⁴⁴ Там же, стр. 32—43.

⁴⁵ Там же.

И. В. КОРМУШИН

К ОСНОВНЫМ ПОНЯТИЯМ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

В июле 1892 г., почти за полтора года до дешифровки В. Томсеном (в конце 1893 г.) рунообразного письма на каменных стелах из Монголии и Сибири, В. В. Радлов в «Предисловии» к 1-му выпуску «Атласа древностей Монголии» сделал несколько замечаний о характере письменности и типе языка монгольско-сибирских надписей на основании составленного им «указателя слов... в алфавитном порядке». Характер письма В. В. Радлов оценивал так: «... знаки, наверное, силлабические, но употребляются и для обозначения начинающего слог согласного звука». Что касается языка, то «... язык этот урало-алтайский, который терпит только грамматические наращения в конце слова»¹.

Вероятно, в то время В. В. Радлов уже был уверен, что язык надписей не просто «урало-алтайский», но и более определенно — тюркский. После открытия Н. М. Ядринцевым в 1889 г. больших орхонских памятников китайские части надписей позволили заключить, что письмо это принадлежит ту-кюэ, которых многие ученые почти без колебаний считали тюрками, причем китайские надписи датировали и время составления памятников: 30-е гг. VIII в. Вот почему В. В. Радлов сразу же решительно обращается к изучению и дешифровке этого письма. В 1891 г. он лично отправляется в экспедицию для снятия эстампажей с орхонских стел и поисков новых памятников. Всю зиму 1891—1892 гг. идет напряженная работа по подготовке к изданию эстампажей, фотографий, рисунков и чертежей Орхонской экспедиции, и в июле 1892 г. выходит 1-й выпуск «Атласа древностей Монголии». Судя по уже цитированному «Предисловию», В. В. Радлов надеялся в недалеком будущем завершить дешифровку орхоно-енисейского письма. К осени 1893 г. он «... одновременно с Томсеном самостоятельно открыл 11 букв енисейско-орхонского алфавита, состоящего всего из 38 знаков...»². И все же удача и счастье великого открытия были на стороне В. Томсена. Ему принадлежит, по-видимому, решающая догадка о двух рядах знаков для большинства согласных фонем (см. ниже, раздел II), благодаря чему преодолевался феномен «количества знаков»: слишком большое количество букв для пофонемного письма (ср.: на 23 фонемы — 38 знаков, причем на 15 согласных — 31 знак) и слишком малое для слогового.

¹ В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии. Вып. I. СПб., 1892, б/нумерации стр. [стр. 1—2].

² А. Н. Самойлович. Вильгельм Томсен как тюрколог. — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. РГО», т. XV, вып. 1, 1912, стр. 18—19.

Кроме определения типа языка, в том же «Предисловии» к «Атласу» В. В. Радлов по существу продемонстрировал графемологические основы построения знаков рунического письма, расположив «39³ букв тукюэского алфавита» в следующем порядке:

При подобном расположении букв становится ясно, что если не все, то большая часть их составляет группы сходных между собой знаков, различающихся характером и расположением одних и тех же графических элементов, ср., например, различие первых шести букв, заключающееся в присоединении к вертикальной черте в разных местах и в разных направлениях косой маленькой черточки, или же отличие последних девяти графем, содержащих овалы, от остальных букв, состоящих из прямолинейных элементов.

Всего год с небольшим отделяют эти проницательные замечания В. В. Радлова от окончательного раскрытия тайны орхоно-енисейского письма. Понадобилось лишь несколько лет после декабря 1893 г., чтобы были прочитаны открытые к тому времени памятники: 1894 г. — памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, 1895 г. — большинство енисейских надписей, 1899 г. — открытый в 1897 г. памятник в честь Тоньюкука. Впоследствии тюркология обогатилась новыми руническими памятниками, расширилась их география, уточнялись лингвистические основы чтения и интерпретации текстов. В науку был введен большой исторический и собственно языковой материал. И с самого возникновения рунологических исследований было ясно, что письменные памятники, создававшиеся около тысячи лет назад на обширных пространствах Центральной Азии и Южной Сибири, содержат в себе различия и языковые, и собственно графические.

Однако палеографическая сторона изучения рунических памятников не получила в тюркологии должного развития. Исследователи сосредоточили свое внимание лишь на двух проблемах: происхождении орхоно-енисейского письма, а именно — какой алфавит и когда был положен в основу тюркских рун, и хронологическом соотношении орхонских и енисейских памятников. Классики рунологии — Томсен, Радлов, Мелиоранский и др. — неоднократно высказывались (правда, в основном в общем плане; несколько особняком стоит аргументация Радлова, о чем см. ниже) в пользу большей древности енисейских надписей.

Не решен окончательно и вопрос о происхождении тюркских рун. Большинство признается лишь общее положение о заимствовании или, точнее, изобретении тюрками алфавита на основе одной из разновидностей согдийского письма (по В. А. Лившицу обязательно согдийского курсива⁴), в свою очередь восходящего к семитическому арамейскому письму. В последней по времени работе на эту тему Дж. Клосон высказал гипотезу о том, что для рунического алфавита были взяты за основу иранские алфавиты — согдийский и пехлевийский — с добавлением греческих букв для согласных палатального ряда, а иранские буквы легли в основу знаков для велярных согласных и обоюдорядных (в нашей терминологии, см. об этом ниже) знаков, при этом часть рунических знаков не получила объяснения и помечена автором словом *invented*

³ На самом деле знаков всего 38. Третий по счету знак был выделен ошибочно.

⁴ Статья на эту тему подготавливается к печати.

‘изобретен’⁵. На наш взгляд, прояснению деталей и общей достоверности идентификаций рун и их прообразов должно способствовать решение вопроса о том, какие начертания тюркских рун являются самыми ранними, то есть палеографический анализ собственно тюркского материала. Что касается представлений о более древнем характере «енисейского алфавита», то ошибочность этого тезиса в настоящей статье будет обоснована с чисто палеографической стороны, что не предпринимает вопроса о правильности или неправильности хронологических построений Л. Р. Кызласова (подробнее об этом ниже) — первого ученого, отвергшего традиционное мнение о более древнем происхождении енисейских надписей по сравнению с орхонскими. Но как бы то ни было, независимо от того, достоверными или недостоверными являются те или иные положения о происхождении рунического алфавита или статуса енисейского дукта, в тюркологии до сих пор не осуществлена палеографическая проработка памятников с установлением изменений графических элементов букв в зависимости от времени и места применения алфавита, не дана классификация подобных изменений в виде датирующих графических примет. Поэтому мы вынуждены констатировать фактическое отсутствие тюркской рунической палеографии. Давно назрела необходимость сформулировать основные понятия графемологического анализа тюркского рунического алфавита и на этой базе подойти к постановке и решению палеографической проблематики орхон-енисейской письменности.

1. Топология тюркского рунического алфавита и номенклатура его графических элементов

Основные и дополнительные графы. Основными графическими элементами графем или основными графами⁶ целесообразно признать такие начертательные элементы, которые хотя бы в одном случае самостоятельно образуют графему. Дополнительные графы ни в одном случае самостоятельно не образуют графем; они участвуют в образовании графемы либо с каким-нибудь основным графом, либо в комбинации с самим собой или же другим дополнительным графом.

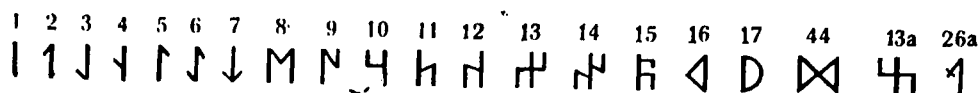
Согласно данному определению три графических элемента в тюркском руническом алфавите попадают в разряд основных графов.

1. **С т в о л** — «полновысотная», то есть равная высоте строки прямая вертикальная черта; без каких-либо других элементов ствол образует или является руной s^2 , а в сочетании с другими (основными и до-

⁵ G. Clauson. The origin of the Turkish «runic» alphabet. — «Acta orientalia», XXXII, Copenhagen, 1970, стр. 71 и табл. V.

⁶ Термин «граф», по словам А. А. Реформатского, «удачно найден Р. А. Кроссландом» (см.: А. А. Реформатский. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. — В сб.: «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 212). В развитие этого понятия мы подразделяем графы на основные и дополнительные, принимая за отдельные, самостоятельные графы линии сходного типа, устойчиво отличающиеся по величине, причем за единицу принимается высота строки, ср. ниже: граф ствол (= высоте строки) — древко (= от $3/4$ до $2/3$ ствола) — полуствол — острейко (= $1/3$ ствола) и т. п. Согласно А. А. Реформатскому «весь состав буквенных знаков русского алфавита в его печатном облике... можно свести к двум основным графам, видоизменения и комбинации которых могут выявить весь ассортимент буквенных знаков русской графики. Эти графы: „овал” (O) и „палка” (I)» (там же). Полагаем, что если признать «видоизменения» особыми графами, количество их даже для рубленной гарнитуры, анализируемой А. А. Реформатским (шрифта, близкого по типу линий к тюркским рунам), будет не менее семи: палка (или у нас: ствол) — древко — полуствол — седий (стежок) — овал (в буквах O, Ю) — полуювал (в буквах C, Э) — полукружие (в буквах Б, В, Р и др.), а также, возможно, наклонный увеличенный ствол (в буквах А, И, Л, Х и др.).

полнительными) графами он участвует в образовании еще шестнадцати рунических знаков⁷:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 44 13a 26a

2. **Круг** — окружность, диаметр которой обычно равен половине-высоты строки; в ряде памятников, в частности, как раз в «образцовых» КТ и БК⁸, знак для лигатуры NT имеет основным графом несомкнутый круг (№ 18a); иногда для букв под №№ 18б, 40а, 43а употребляется овал, вытянутый в горизонтальном направлении, но и в случае несомкнутого круга, и в случае овала нет необходимости вводить особые графы, поскольку оба эти признака — перерыв в окружности и эллипсоидность — иррелевантны в данном случае для графемы и являются лишь палеографическими особенностями: 18 18a 18б 21a 40a 43 43a

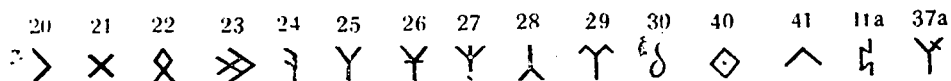

3. **Дуга** — кривая линия, высота (хорда) которой равна высоте строки, но воображаемый диаметр этой кривой обычно превышает высоту строки, то есть граф «дуга» меньше полуокружности: 19 39 (а также в № 17).

Помимо трех основных, можно выделить еще десять дополнительных графов, из них только первые три (графы 4, 5 и 6) имеют высокую частотность применения.

4. **Древко** — укороченная, равная приблизительно от 3/4 до 2/3 высоты строки, прямая черта; древко может занимать вертикальное и наклонное положения и участвует в образовании двенадцати рун:

20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 40 41 11a 37a

(а также в №№ 16, 44, 21a).

5. **Полуствол** — прямая черта, равная половине высоты строки (и половине графа «ствол»), может занимать вертикальное и наклонное положения, участвует в образовании девяти рун: 31 32 37б 37в

(а также в №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 24).

6. **Острийко** — короткая, меньше полуствола, то есть равная приблизительно около 1/3 высоты строки, прямая черта, занимает, за редким исключением, наклонное положение, участвует в образовании восемнадцати рун: 34 33 (а также в №№ 2—9, 22, 24—29, 32, 11a,

26a, 37a, 37б).

⁷ Номера от 1 до 38 имеют знаки алфавита орхонских (кошо-цайдамских) памятников, чей дукт принимается за исходный для описания; номера с 39 по 44 имеют знаки, встречающиеся, помимо основных букв алфавита, в енисейских, таласских и других памятниках, и не входят в число знаков, образованных с участием того или иного графа; знаки с дополнительными обозначениями при номерах буквами «а», «б» и «в» являются либо видоизменениями, либо совершенно иными по строению, но функционально соответствующими знакам с теми же номерами без буквенного грифа, и в указанный счет знаков также не входят.

⁸ Условные сокращенные обозначения (сиглы) памятников те же, что и в ДТС («Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. XXI и сл.). Другие обозначения оговариваются особо.

7. **Стежок** — короткая прямая линия, несколько меньшая, чем острыйко, равная приблизительно 1/4 высоты строки, может занимать любое положение — горизонтальное, вертикальное, наклонное, участвует в образовании двух рун: №№ 15, 26, а также №№ 11а, 37а, б, в, 43, 43а.

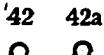
8. **Скоба** — кривая линия, по высоте (длине хорды) почти равна высоте строки; кривизна меньше, чем у графа «дуга», кроме того, скоба не всегда является линией правильной (равномерной) кривизны, то есть частью окружности, в таких случаях это — ломаная линия, составленная из линий разной кривизны: ^{35 36}

9. **Змейка** — кривая линия с двумя центрами обычно неодинаковой кривизны, расположенными с разных сторон от линии буквы, по высоте равна высоте строки: ³⁷

10. **Полудужие** — небольшая дуга, высотой (длиной хорды) приблизительно около половины высоты строки: ³⁸ (а также в № 31).

11. **Дужка** — короткая кривая линия, высота (длина хорды) которой равна примерно 1/4 высоты строки, встречается в №№ 30, 35, 36, 37; радиус кривизны и величина дужки в указанных рунах неодинаковы.

12. **Точка** — встречается в рунах №№ 18 и 40 во всех их модификациях в виде троеточия и точки; в виде двоеточия, поставленного по вертикали, является словоделителем.

13. **Кружок** — окружность небольшого диаметра, равная приблизительно 1/3—1/4 высоты строки; данный граф выделяется лишь по одной енисейской руне для согласного /m/; в ряде памятников кружки выписываются несомкнутыми: ^{42 42а}

Классы и типы линий. Из двух классов линий — прямых и кривых — в тюркском руническом алфавите в основном используются прямые; достаточно сказать, что 29 графем (свыше 75%) 38-значного орхонского алфавита составлены исключительно из различных графов класса прямых линий. Кроме того, еще в трех рунах наряду с кривыми в образовании графемы участвуют прямые линии, и только шесть графем построены полностью из кривых различного рода.

По положению относительно оси координат целесообразно различать три типа линий: вертикальные, горизонтальные и наклонные, соответственно — вертикаль, горизонталь, диагональ. Причем такая классификация применима не только к прямым, но и к кривым линиям, если учитывать лишь общее их направление.

Преобладающим типом линий являются вертикали. В двадцати шести рунах графы: ствол (в рунах №№ 1—17), древко (№№ 24—30), полуствол (№№ 31, 32) — занимают вертикальное положение. Прямолинейный граф в вертикальном положении будем называть штабмом, а руны, содержащие штабм, — штабмовыми. В перечисленных рунах, помимо прямолинейных графов, почти все криволинейные графы, а именно: дуга (в №№ 17, 19), скоба (в №№ 35, 36), зме́йка (в № 37), полудужие (в №№ 31, 38) располагаются, или пишутся, по вертикали, сверху вниз.

Конструктивные приемы. Сходства и различия в конфигурациях графем. Описанные выше графы сочетаются в графемах тремя способами

или приемами: сочленение, перекрещивание, соположение. Сочленение двух или трех прямолинейных графов под углом друг к другу происходит в одной точке; если же один из двух или оба графа криволинейны, то сочленение возможно в двух точках (руны №№ 17 и 35); сочленение прямолинейных графов в одной точке под углом друг к другу является наиболее употребительным конструктивным приемом в рассматриваемом алфавите (около 85% всех сочетаний графов). Перекрещивание, как и сочленение, возможно в одной точке (руны №№ 21—23, 26, 38), а также в двух точках (руна № 39, не входящая, впрочем, в статистику 38-значного алфавита). Соположение без касания графов друг к другу находим в рунах №№ 18, 31, 37.

По-видимому, всякий отработанный алфавит имеет сравнительно небольшой набор доведенных до стандарта элементов. Так как способы сочетания ограниченного числа элементов в свою очередь не беспредельны, неизбежно применение сходных и одинаковых конфигураций в различном функционально-фонетическом назначении. В тюркском руническом алфавите — возможно, это универсальный прием — тождественные по конфигурации графемы, использованные в качестве разных знаков, отличаются: а) одним-двумя дополнительными элементами, не затрагивающими конфигурацию в целом; б) зеркальным или перевернутым положением на плоскости. Наряду с тождественными широко используются сходные конфигурации. Можно сказать, что большинство графем составляют группы тождественных и сходных по конфигурации рунических знаков, тогда как рун с сугубо «индивидуальной» конфигурацией значительно меньше. Следует отметить, что тождественные конфигурации не используются для разных графем, если они отличаются только размерами очерчивающих их элементов. Рунический алфавит применяет совершенно различные конфигурации для наборов разных по величине черт, а одинаковые схемы построения создает только на базе идентичных по величине элементов. Объяснение этого явления, свойственного, на наш взгляд, не только тюркскому руническому алфавиту, можно усмотреть, по-видимому, в следующем. При практически малой высоте строки весьма трудно различить графы, разница между которыми составляет лишь небольшую часть этой величины (напомним, что соотношение, например, прямолинейных графов: ствол — древко — полуствол — острейко — стежок составляет 1: 3/4—2/3:1/2:1/3:1/4).

Ниже рассматриваются пять групп рунических знаков, в каждой из которых графемы имеют тождественные или сходные конфигурации.

А. Острийково-ствольные. Руны №№ 2—8 содержат острейко при полном штабле. Только один раз в № 4 для η острейко присоединяется к средней части ствола, а в остальных графемах — к вершине или основанию штабля. Другое конструктивное сходство графем в этой группе состоит в том, что острейко всегда направлено внутрь строки: при вершине — вниз, при основании — вверх. Принцип зеркальности в конфигурации можно отметить для Р и I (№ 2 и № 5) — они зеркально противоположны по вертикальной оси, проведенной через ствол; для Р и I¹ (№ 2 и № 3) — они зеркальны по горизонтальной оси, проведенной через половину высоты строки. Остальные графемы не имеют зеркальных антиподов, и это вполне оправдано, иначе данный конструктивный прием был бы «перегружен». Знак № 8 можно рассматривать как составной из знаков для Р (№ 2) и I (№ 5). Угол соединения острейка со стволом — приствольный угол — одинаков для всех рун данной группы в одном и том же памятнике и является почерковой, а возможно, и палеографической особенностью.

Б. Остриково-древковые, или рогатиновые. В рунах №№ 25—28 от конца неполного штамба — древка симметрично в разные стороны отходят два острия, образуя вместе со штабмом фигуру рогатины. От конца штамба, отстоящего от края строки (другой конец штамба вровень с противоположным краем строки), острия направлены наружу, к границе строки, в этом отличие данной группы от предыдущей, где острия идут внутрь строки. Зеркальными относительно горизонтальной оси являются знаки для l^2 (№ 25) и для C (№ 28). Графемы под №№ 26, 27, 37а образованы от основного знака данной группы № 25 присоединением заведомо дополнительной черточки — графа стежок — в разных частях знака. Объектом палеографических наблюдений в рунах этой группы являются угол между остриями и место присоединения стежка. К данной группе примыкает и знак для g^2 (№ 29), у которого явно можно вычленить рогатину с присоединенными по бокам еще двумя остриями, однако углы между остриями и длина штамба у этого знака часто отличны от таких же показателей знаков для l и C , поэтому палеографически графема № 29 стоит в рассматриваемой группе несколько особняком.

В. Остриково-волновые. Четыре острия, составленные под углом друг к другу, следующие один после другого по направлению сверху вниз, образуют фигуру, условно называемую волной. Две параллельные волны служат знаком для d^1 (№ 34), одна — является знаком-лигатурой для комплекса согласных N и C (№ 33). В этих рунах варьируются углы между остриями, возникают скругления внутри верхней и нижней пары остриев; волны в руне d^2 в некоторых памятниках состоят не из четырех, а из трех элементов. Аналогичную фигуру волны образуют острия в руне № 29 g^2 , но в g^2 никогда не наблюдается изменений, присущих рунам d^1 и NC .

Г. Крестовинные. Руны №№ 21—23 обнаруживают определенное сходство в конфигурации благодаря фигуре крестовина, образованной двумя скрещенными древками. Помимо прочих изменений, весьма важных (раздел IV), в крестовинных меняются углы скрещения, что может служить почерковой и палеографической приметой.

Д. Коленные. Руны данной группы — №№ 9—15 — одни из наиболее важных в палеографическом отношении. Коленом мы называем фигуру, составленную из двух прямых под углом друг к другу и присоединенную под углом к третьей прямой, в данном случае — к стволу. Четыре руны №№ 9—12 отличаются друг от друга в основном положением колена: влево или вправо от штамба, вверх или вниз направлена коленная вертикаль; здесь исчерпывается возможное количество графем с одним коленом, отличающихся одна от другой положением колена относительно штамба. Знаки №№ 13—14 обладают двумя разнонаправленными и расположенными по обе стороны от штамба коленами. В № 15 также два колена, находящихся справа от штамба и ориентированных в одну сторону — вниз.

Коленные руны весьма изменчивы и потому несут большую палеографическую информацию. Изменению подвергаются почти все элементы и их геометрия: величина коленной вертикали и горизонтали (диагонали), углы приствольный и коленный, наклон штамба в № 13, расположение колен в №№ 13 и 14, деформация и преобразование колен в петли в № 15.

Среди остальных рун, не вошедших в перечисленные группы, не наблюдается сходства конфигураций графем в целом, хотя в нескольких

рунах можно обнаружить единообразный конструктивный прием, заключающийся в том, что те или иные графы, которые могут быть в разных графемах различными, сочленяясь или перекрещиваясь между собой, образуют замкнутые со всех сторон участки пространства. Если один из замыкающих графов — криволинейный, то подобную конфигурацию можно назвать петлей (в №№ 17, 30, 35), причем в № 30 — несомкнутая петля. Прямолинейные графы замыкают собой ячейку (в №№ 16, 22, 23, 32).

II. Отражение звуковой стороны языка в руническом алфавите

Наиболее характерной особенностью рунического алфавита является наличие в нем пар знаков для большинства согласных фонем. Каждый знак такой пары употреблялся в зависимости от принадлежности гласных фонем слова к палатальному или велярному рядам. В уйгурском и арабском алфавитах, использовавшихся тюрками позднее, последовательно обозначались разными знаками лишь палатальный и велярный варианты /k/, в арабском еще и /g/, в старотурецком, кроме того, в течение некоторого времени и отнюдь не последовательно применялись разные графемы для вариантов /t/ и /s/. В руническом алфавите последовательно — за немногими исключениями, возникшими, вероятно, в силу неясных пока фонетических и фонеморфологических причин, — употребляются одиннадцать пар знаков для следующих одиннадцати согласных фонем:

/b/ δ - Ɱ, /ε/ ʎ - Ɱ, /d/ Ɱ - x, /j/ D - 9, /k/ n - ʎ, /k/ᵑ ↓ - R,
/l/ J - Y, /n/) - H, /r/ Ч - Y, /s/ ζ - l, /t/ δ - h.

Перечисленные знаки назовем *раздельнорядными*.

Восемь рунических знаков для согласных фонем, из них две руны-лигатуры¹⁰, обозначают звуко сочетания и употребляются независимо от состава гласных. Такие знаки назовем *обоядорядными*:

λ /č/, Ɱ /m/, ʎ /n+č/, Ɱ /n+t/, ʎ /ŋ/,

1 /p/, Y /s/, H /z/

Следующие четыре знака определим как *однорядные*, поскольку они употребляются в словах с гласными либо только палатального, либо только велярного гармонических рядов, и не имеют графемы-«антипода» в противоположном для себя ряду: Y /č/ — в палатальном

ряду, ʎ /j/, M /l+t/, Q /q/ — в велярном ряду.

Наличие в руническом алфавите пар знаков у большинства согласных объясняется «экономией средств» для передачи гласных. Четыре знака передают здесь, как принято считать, восемь гласных фонем, и

⁹ Обе следующие графемы для позиционных вариантов /k/ перед и после губных гласных.

¹⁰ Лигатурой называется не только буква, образованная соединением двух букв в одну, но и «один письменный знак, передающий сочетание букв» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 217).

каждый знак, таким образом, имеет два значения: \int /a/ и /ä/, \int /i/

и /i/, \int /o/ и /u/, \int /ö/ и /ü/. Первые два знака относятся, следовательно, к обоюдорядным, а третий и четвертый образуют соотносительную пару раздельнорядных рун.

Знаки \int и \int объединяют каждый по две гласные фонемы, принадлежащие двум рядам, противостоящим друг другу по гармонии гласных: задние a, i, передние ä, i. Подобное объединение в передаче гласных ориентировано на употребление двух рядов знаков для согласных, благодаря чему в контексте слова неясность значения рунических знаков \int и \int устранялась. Однако при передаче губных описанный принцип явно нарушается: следовало бы ожидать объединения в одном знаке o с ö, а u с ü, но не o с u, ö с ü, как имеет место в действительности.

Указанные особенности в передаче тюркской звуковой системы в руническом алфавите можно объяснить только тем, что создатели этого алфавита находились под влиянием письменности (системы письма) и языка (звуковой системы) народа, у которого они заимствовали идею (принципы) письма и, вероятно, с соответствующими изменениями, алфавит. Во-первых, был сохранен принцип консонантно-звукового письма¹¹, в котором писались только или преимущественно согласные. Как известно, такой принцип письма перешел во многие письменности из семитских языков, для звуковой системы которых характерен богатый консонантизм при бедном вокализме. Если «угадывание» гласных при малом их числе довольно несложно, то при богатом тюркском вокализме чтение текста с пропущенными гласными представляло бы значительные трудности. Принцип наличия в алфавите большого числа согласных был трансформирован на тюркской почве в принцип различения почти у всех согласных палатального и велярного позиционного варианта фонемы. Благодаря этому число угадываемых (в случае пропуска) гласных сократилось вдвое: с восьми до четырех, приблизившись к обычному для консонантно-звукового типа письма числу.

Следует заметить, что наличие особых графем для вариантов согласных фонем действительно несколько расширяет алфавит, что позволяет, как уже было сказано выше, применять консонантное письмо, в целом более экономное¹² (текст занимает меньше места), чем последовательно вокализованное письмо.

Вторая особенность, унаследованная, по нашему мнению, тюркским руническим письмом от его прототипа, касается упоминавшихся различий в системе подачи огубленных и неогубленных. По-видимому, вокальная система языка, употреблявшего алфавит — прообраз (ЯУАП), состояла по крайней мере из четырех гласных. То, что в ЯУАП было не менее четырех гласных, можно предположить исходя из наличия четырех графем в руническом алфавите, тогда как арабский язык, имевший три гласных — a, i, u, не считая долгих, обозначавшихся позиционно-ком-

¹¹ В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 258 и сл.

¹² Ср. иное понимание этого вопроса у И. Н. Кобешавидзе (И. Н. Кобешавидзе. К характеристике графики и фонемного состава языка орхон-енисейских надписей. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 42).

бинаторно, — передал три графемы тюркско-арабскому письму, где все тюркские огубленные — о, ö, и, ü — передавались одним знаком. Вокализм ЯУАП представляется вполне вероятным восстановить в следующем виде: передние i — $ö$ [œ]¹³, задние а — и, поскольку расстояния между гласными в такой системе наибольшие. Различение тюркских о и и (а также ö и ü), отсутствовавшее в ЯУАП, не стали проводить и в руническом алфавите, но противопоставление переднего и заднего огубленного (геср. передних и задних огубленных), бывшее фонематическим для ЯУАП, закрепили в особых рунах. Сказанное поясним таблицей.

Таблица 1

Реконструкция рунического вокализма и вокализма ЯУАП¹⁴

Степень подъема	Передние		Задние										
	Огубленные	Неогубленные	Неогубленные	Огубленные									
1	N {	y	i	ь									
2					œ	æ	ö						
3								α	o				
4										↑	↑		
5												↑	↑
6													

Как можно видеть из таблицы, система гласных ЯУАП является фонетически оптимальной, однако возможно, что это всего лишь фрагмент системы; реконструкция в таком случае наиболее предпочтительна, хотя опирается она, как уже указывалось, только на противоречия в принципах передачи гласных в руническом письме. С другой стороны, переход от реминисценции по поводу неизвестного нам языка, возможно, передавшего с какими-то модификациями свой алфавит древним тюркам, к более или менее точной реконструкции вокализма этого языка позволяет не только понять истоки столь загадочного в своем противоречии принципа передачи гласных в руническом письме, но и попытаться доказать или оправдать справедливость положения о наличии в языке, принявшем данное письмо, классического восьмифонемного тюркского вокализма.

III. Принципы передачи орхоно-енисейского письма: транскрипция и транслитерация

Готовя к выпуску в свет первое издание орхонских надписей, В. В. Радлов «приказал изготовить точно по форме отпечатков [оригинального написания] литеры» рунического алфавита¹⁵. При воспроизведении оригинала он ограничился тем, что текст памятников был набран

¹³ Здесь и далее в квадратных скобках даются фонетические значения фонем или звукогиппы.

¹⁴ Системы фонем приводятся в фонетической записи: для $ü=y$, $ö=œ$, $ä=æ$, $i=ь$, $и=ö$; фонемы ЯУАП обведены кружками; против фигурных скобок стоят рунические знаки, передающие соответствующие пары фонем; горизонтальное и вертикальное положение скобок наглядно показывают противоположный характер объединения пар фонем для передачи огубленных и неогубленных.

¹⁵ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. СПб., 1894—1895, стр. 1, примеч. 2.

стандартизованными литерами типографского шрифта, поскольку незадолго до этого вышел в свет упоминавшийся выше «Атлас древностей Монголии», где тексты были представлены фотографиями с эстампажей надписей. Помимо набора рунами, тюркский текст памятника у В. В. Радлова приводился дважды: в транслитерации латинскими буквами, а затем в транскрипции (так называемая «радловская транскрипция» на основе кириллицы) с разбивкой на слова и с добавлением гласных, пропущенных в соответствии с принципами рунической орфографии.

В изданиях С. Е. Малова тюркский текст воспроизводился всегда набором и лишь изредка иллюстрировался фотографиями памятников или эстампажей; текст приводился в радловской транскрипции, минуя стадию транслитерации. Такая подача надписей объясняется общим стремлением С. Е. Малова дать в своих книгах специалистам сводку текстов памятников, пригодных для первого этапа их изучения. Понятно, что подобное упрощенное издание может только предварять последующее многоцелевое научное издание, на принципах и практике подготовки которого нам хотелось бы остановиться здесь несколько подробнее.

Научное издание призвано предоставить тюркологам, в первую очередь лингвистам, полноценный текстовый материал для самостоятельной работы над ним, с учетом различных аспектов языка. Для этого в научном издании памятника наглядное и экономное отражение результатов лингвистической обработки текста должно сочетаться со столь же наглядной и точной подачей подлинника, лишь минимально палеографически препарированного, что необходимо для сравнения подлинного текста с его интерпретацией. Принцип наглядного отстояния подлинника и интерпретации В. В. Радлов осуществлял следующим образом: каждое слово транскрипции писалось непосредственно под транслитерацией этого же слова. Однако способ этот несколько громоздок. В настоящее время аналогичный эффект достигается интегрированием обеих записей в одну в системе транскрипционно-транслитерационной передачи древних текстов, исторически сложившейся в тюркологии и названной А. Габен «интерпретирующей транскрипцией»¹⁶. На наш взгляд, ее правильнее все же называть «интерпретирующей транслитерацией», то есть транслитерацией с частичной фонематической интерпретацией¹⁷. Техника подобной интегрированной записи и особенности ее деталей состоят в следующем.

1. Особо выделяются (впервые это ввел В. Томсен) вставляемые гласные, пропущенные в соответствии с консонантным характером рунического письма. Это достигается либо поднятием над строкой литеры меньшего кегля, либо заключением гласного в скобки, например: q^aγ^aп или q(a)γ(a)п.

2. Велярный и палатальный ряды вариантов согласных фонем начиная с В. Томсена традиционно обозначаются поднятыми над строкой цифрами меньшего кегля 1 и 2. Целесообразно сохранять в транслитерации, как это делал С. Е. Малов, указание на ряд согласных в случаях совмещения знаков обоих рядов в одном слове, а также в некоторых других случаях, когда может возникнуть неясное представление об оригинальном написании.

¹⁶ А. Gabain. Türkische Turfantexte. X. — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1958, № 1, стр. 8.

¹⁷ См. подробнее об этом у нас совместно с В. М. Надеяевым во Введении к ДТС, стр. XIII—XIV.

3. Указание на полифонность знаков. В связи с тем, что руническое письмо основано на принципе двух рядов знаков для палатальных и веллярных вариантов согласных фонем, благодаря чему особым образом строится и передача вокализма (см. об этом выше), полифонными приходится считать не только знаки для гласных, но и обоюдорядные руны для согласных, передающие одним знаком и палатальный и веллярный варианты фонем, выделяя такие знаки в транслитерации прописными литерами: C , M , η , P , S , Z и лигатуры NC , NT .

Знаки для огубленных гласных полифонны в другом отношении, чем знаки для неогубленных (см. выше), поэтому гласные передаются разными способами: неогубленные — прописными литерами A , Å , I , I ; в огубленных не различается подъем гласных, но различается ряд, поэтому целесообразно избрать для них знак U , служащий в фонетической транскрипции для передачи гласного промежуточного между o и u и подъема, отмечая ряд гласных умляутом, то есть имея для o и $\text{u} = \text{U} \text{ } \grave{\text{U}}$ для ö и $\text{ü} = \text{U} \text{ } \ddot{\text{U}}$.

Вставленный при интерпретации негубной гласный оказывается между согласными, определяющими его характер и лишаящими его тем самым полифонии, поэтому указание на полифонность гласного оказывается лишним; только в редких случаях слов, где согласные принадлежат к числу передаваемых обоюдорядными знаками и нет аффиксальных наращений, снимающих возникающую (лишь в чтении) полифонию, непоказательность вставляемого гласного отмечается дуктом прописной литеры, ср.: $\text{S}^{\text{a}}\text{P}^{\text{t}}\text{M}$ и $\text{S}^{\text{a}}\text{P}$ (то есть первое слово благодаря одному лишь t^1 читается все по твердому ряду, тогда как второе не ясно, может быть $\text{S}^{\text{a}}\text{P}$, а может быть $\text{S}^{\text{a}}\text{P}$).

4. Указание на текстовую и интерпретационную разбивку на слова. Интерпретационная разбивка — обычный пробел между словами; текстовая разбивка пробелом — одна вертикальная черта, текстовая разбивка знаком «:» в транслитерации заменяется двумя вертикальными чертами.

IV. Исторические изменения рунических букв и основные датирующие приметы орхоно-енисейского письма

Начала палеографии всякой письменности складываются, как известно, на основе наблюдений за изменениями в начертаниях букв в разных по времени датированных памятниках¹⁸. Устанавливаются некоторые характерные для определенного периода начертания графем — обычно характеристичные изменения претерпевают далеко не все буквы алфавита, — и стойкая для данного времени начертательная особенность выступает уже как датирующая примета. Некоторая совокупность обоснованно полученных датирующих примет и является палеографическим основанием для приблизительной (с той или иной точностью) датировки прочих недатированных памятников. Палеография стремится учитывать, кроме временных, и локальные особенности в написаниях букв, поскольку, во-первых, могут встретиться сугубо местные начертания или отдельные начертательные особенности каких-то букв и, во-вторых, одно и то же графическое изменение может произойти не одновременно в разных частях ареала данной письменности.

¹⁸ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 13—14.

Тюркская рунология располагает всего лишь несколькими твердо датированными памятниками: это КТ 732 г. и БК 735 г. — первая веха для палеографических наблюдений; вторая веха отстоит от первой приблизительно на четверть столетия — это МЧ, около 759 г.; третья веха — палеографические особенности нескольких осколков Кара-Балгасунского памятника (КБл), около 822 г. (по Л. Р. Кызласову)¹⁹; в качестве четвертой контрольной вехи избрана Суджинская стела (С), не имеющая, правда, даты в тексте, но, судя по содержанию, установленная в первом двадцатилетии после разгрома уйгуров, то есть в 840—860 гг. Необходимо учитывать, что вехи эти разнородны локально (правда, не всегда в буквальном смысле — по месту установки), поскольку указанные памятники принадлежат различным противоборствовавшим, хотя и родственным племенам: памятники «первой вехи» относятся к тюркам-тугю, второй и третьей — уйгурам, четвертой — киргизам. Однако при решении палеографических задач в первом приближении это обстоятельство может временно не учитываться.

Ряд важных памятников хотя и не датирован точно, но примыкает по времени создания к тем или иным указанным выше, что явствует из их содержания. Это прежде всего один из самых ценных памятников — Тон, составленный, по нашему мнению²⁰, между 712 и 716 гг. Онгинский памятник (О) по новой датировке относится не к концу VII в., как полагали раньше, а к 731 г.²¹, памятник Кули-чурю — к 721 г. Эти точные даты тем не менее отнюдь не являются бесспорными. Единственно достоверно лишь то, что памятники Тон, О, КЧ без сомнения примыкают по времени создания и относятся по содержанию к кругу памятников КТ и БК.

Турфанские рукописные фрагменты, изданные А. Лекоком и В. Томсенем, относятся, вероятнее всего, ко времени после переселения уйгуров с Орхона и Селенги в Турфанский оазис (после 840 г.)²² и примыкают палеографически к КБл. Таким образом, база наблюдений несколько расширяется, хотя все же количество и достоверность датировок для IX в. и особенно — позднее совершенно не удовлетворительны для решения палеографических задач. В этой связи заслуживает всяческого внимания опыт датирования енисейских памятников Л. Р. Кызласовым²³, причем для палеографа важен не столько общий вывод о том, что «типологический анализ тамговых знаков... позволяет датировать все основное количество памятников енисейской письменности... второй половиной IX и X веков», сколько возможность расположить в хронологической последовательности хотя бы некоторые памятники. В целом упозд-

¹⁹ Первые научные датировки были более ранними: между 785 г. и 805 г. (Цзун-лямынь), после 795 г. (В. П. Васильев), см.: «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. III. СПб., 1897, стр. 27.

²⁰ Это мнение основано на соображениях текстологического характера, рассмотреть которые в настоящей статье не представляется возможным. Традиционно Тон датируют временем Бильге-кагаца. См. подробнее о датировках: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 76.

²¹ G. Clauson. The Ongin Inscription. — JRAS, 1957, стр. 191—192.

²² Ср., например, мнение Дж. Клосона о том, что Irq bitig написана скорее в IX в., чем в VIII или X вв., см. его Notes on the «Irk Bitig». — UAJb, XXXIII, 3—4, 1961, стр. 218. Ср. также приводимое ниже примеч. 24.

²³ См.: Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 93—120; его же. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, стр. 38—49.

нение енисейки, предложенное Л. Р. Кызласовым²⁴, подтверждается теперь со всей очевидностью и палеографически, и, таким образом, эти памятники относятся к четвертому, намеченному нами этапу развития тюркского рунического алфавита (с возможным впоследствии подразделением на более дробные периоды).

Итак, рассмотрим наиболее характеристичные изменения в написаниях целого ряда рунических знаков, руководствуясь указанными выше хронологическими представлениями, и установим основные датирующие приметы орхоно-енисейского письма (см. текст и табл. 2 на стр. 42).

1. Начертание \uparrow t¹ с ромбом в основании и со штабмовым соединением ромба и шапочки (два прямолинейных графа, в данном случае — острийки, сочлененные под углом друг к другу) представлено в КТ и БК. Во всех остальных памятниках этого круга вместо ромба выписывается петля, несколько вытянутая по вертикали. Такое написание, по-видимому, является исходным, тогда как превращение кривых линий в прямые, как и в ряде других случаев (см. пункты 3, 4), может выглядеть как сугубо кошо-цайдамское нововведение; в случае t¹ кошо-цайдамское написание с точки зрения палеографии приходится рассматривать как ответвление, не имевшее продолжения. Наиболее старое начертание этой буквы сохранено, вероятно, в О — с сомкнутой петлей и несимметричной верхней частью, то есть \uparrow наряду с симметричным

написанием верхних черт в виде шапочки: \uparrow . В Тон, хотя он, как уже говорилось, возможно, старше О на 10—15 лет, наряду с написаниями t¹ в виде \uparrow есть такое же написание с несомкнутой петлей. Дальнейшее развитие графемы связано именно с этой деталью. В МЧ разрыв в петле увеличивается, а в ряде случаев не выбит штабм, то есть представлены варианты \uparrow и \uparrow . В КБл и турфанских рукописях t¹ пишется только

без штамба: \uparrow . Именно эта последняя модификация и послужила прототипом для енисейского прямолинейного написания t¹ в виде двух шапочек, расположенных одна над другой, причем каждая состоит из двух древков (№ 32а), — написание, господствующее начиная с С: \uparrow .

Одна эта примета — написание t¹ в виде \uparrow — надежно отделяет все енисейские и таласские памятники как памятники не старше середины IX в. от монгольских²⁵: Тон, КТ, БК, О, КЧ, ИА, Чйр²⁶, написанных до начала IX в. Однако данная примета согласуется и с другими нижеописываемыми приметами.

²⁴ За более позднее датирование ряда рунических памятников высказался недавно Г. Дёрфер. Так, он не считает возможным относить енисейские и таласские памятники к V в. н. э.; Irk bitig датирует XI в., см. его рец. на кн.: А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969. — «Orientalische Literaturzeitung», 1973, 7/8, стр. 38.

²⁵ Здесь и далее монгольский употребляется только в географическом смысле: найденный на территории Монголии.

²⁶ Чойрэнская надпись, недавно вновь изданная С. Г. Кляшторным со значительными уточнениями. См.: С. Г. Кляшторный. Руническая надпись из Восточной Гоби. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 249—258; ср.: С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. — «Язык и мышление», т. VI—VII. Л., 1936, стр. 251—259.

2. Начертание ζ s¹ в КТ, БК, О, возможно, следует рассматривать, во-первых, как курсивное и, во-вторых, как зеркальное по отношению к начертанию, встречающемуся в Тон, иными словами, $\zeta \rightarrow * \zeta \rightarrow \zeta$. По-видимому, таласское ζ s¹ развилось из древнего прямолинейного начертания. Начиная с МЧ и далее в уйгурских и енисейских памятниках для обозначения s¹ выступает знак Υ , который, вероятно, можно рассматривать как упрощенный вариант более раннего прямолинейного написания типа Тон. Расположение перечеркивающего штриха справа, а не слева как будто подтверждает возможность существования упомянутого прототипа: $\zeta \rightarrow \Upsilon$ (верхние короткие прямые отброшены справа и слева, вторая короткая прямая справа занимает место перечеркивающего штриха). Существуют написания и со штрихом слева Υ (например, Е6, Е7), как бы соответствующие прототипу в Тон.

Поворот знака вокруг вертикальной оси на 180° (зеркальное отражение) изредка наблюдается в рунических памятниках (для А, d¹, j¹, j², i \bar{q} , n¹, η, NС, см. Е11, Е2, Е41), особенно при бустрофедоне — перемене направления письма от строки к строке. Можно предположить, что это явление имеет место и в соотношении КТ, БК — Тон, что подтверждается ссылкой на зеркальность конфигураций знака для Z: в КТ и БК H

(правое колено направлено вверх, левое — вниз), в Тон H (наоборот, правое колено идет вниз, левое — вверх). Последняя конфигурация является, по-видимому, нормальной, так как она исторически сохранилась в подавляющем большинстве памятников (МЧ, КБл, С и многие Е) и более контрастна к знаку для n², тогда как в противном случае отличие n² от Z минимально, ср. в КТ, БК: H Z, H n².

Таким образом, вторая датирующая примета — начертание s¹ в виде Υ отделяет памятники моложе второй половины VIII в. (монгольско-уйгурские, енисейские и др.) от более ранних монгольско-тугуйских, датируемых первой половиной VIII в.

3. Начертание B Ük с прямоугольными коленами встречается только в КТ, БК; в Тон эта руна представлена в виде штамба с двумя петлями, не сомкнутыми со стволом: B . В О петли сомкнуты со стволом, но между ними нет еще общего участка линии, подходящей к стволу, — между петлями есть какое-то минимальное расстояние, и каждая из них самостоятельно доходит до ствола: B_1 . В дальнейшем петли ищутся сомкнуты, с общим участком в средней части знака, напоминая русскую букву В.

Третья датирующая примета — начертание $\ddot{u}k$ с петлями — говорит в пользу отнесения подобных памятников, аналогично второй примете, к периоду после середины VIII в., однако тщательные наблюдения над особенностями сочленения петель со штамбом позволяют усматривать более ранние или более поздние написания в самом начале этого изменения.

4. Начертание X b^2 без «навеса», то есть без продолжения прямых линий шапочки вниз, дальше места сочленения с крестовиной (в КТ и БК), более раннее, чем начертание с навесом, употреблявшееся во всех памятниках, начиная с МЧ. Начертание в Тон и ИА (последний датирован Л. Р. Кызласовым концом VIII в.)²⁷ с закругленными углами в местах соединения шапочки и крестовины можно рассматривать как курсивное и более раннее по отношению к кошо-цайдамскому. Начиная с МЧ знак для b^2 всегда пишется прямыми линиями, с навесом, причем изменение идет, по всей вероятности, в сторону удлинения линий навеса.

Возможно, что знак X для b^2 в О является разновидностью более раннего курсивного b^2 типа, встречающегося в Тон и ИА, с полным изменением прямых линий крестовины в кривые линии (дуги) и с последующим их продолжением за точку пересечения в вершине. Во многих енисейских памятниках аналогичный знак — две пересекающиеся друг друга в двух точках дуги, проведенные из центров справа и слева, — употребляется для гласного *e*. Поскольку раннее курсивное начертание b^2 в енисейских памятниках уже не встречается, эта руна имеет прямолинейное, слегка модифицированное (с навесом) начертание, то знак для *e* возник здесь, очевидно, совершенно самостоятельно.

5—10. Изменения в группе коленосодержащих рун целесообразно рассмотреть сначала в совокупности. Различия в начертаниях здесь сводятся к трем особенностям: а) место прикрепления колена к стволу (середина, близко к середине, вершина или корень штамба); б) углы коленный и приствольный (прямой, тупой, острый); в) величина коленной вертикали (полуствол, больше чем полуствол, меньше чем полуствол).

Для g^1 в памятниках первой группы (КТ, БК, Тон, О) колено отходит от середины ствола, углы прямые, коленная вертикаль равна полустволу; для q и t^2 колено отходит не от самой середины ствола, а чуть ниже, горизонталь слегка наклонна, угол в колене чуть меньше прямого, приствольный угол, соответственно, чуть больше прямого, коленная вертикаль равна полустволу; знак для n^2 имеет такие же колена, как q и t^2 , за исключением Тон, где колена особые: однонаправленные (либо оба вверх, либо оба вниз), коленные вертикали сильно уменьшены (до стежка), присоединение либо к середине, либо близко к середине ствола; знак для Z в первой группе памятников всегда имеет прямые колена, равные по высоте полустволу и отходящие от середины; \ddot{u} имеет принципиальное отличие; колено у этого знака всегда отходит из вершины, а не из середины (или близко к середине), как у всех прочих коленных, угол в колене острый, коленная вертикаль равна полустволу или чуть меньше.

На последующем этапе колена у g^1 и \ddot{u} становятся идентичными по месту соединения и углам с коленами у знаков t^2 , q и n^2 , то есть в КБл

²⁷ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 41.

и Турф. все эти руны отличаются лишь направленностью колена. В С имеет острое колено, как в КТ, но остальные три коленных знака одинаковы в указанном смысле.

Наиболее важная палеографическая особенность данной группы рун на стадии енисейской и таласской состоит в том, что конфигурация колена зеркально повторяет конфигурацию колена $г^1$; зеркально идентичны также колена t^2 и q , однако каждая пара имеет свои особенности. Знак для $г^1$ деградирует до начертания с коленом, исходящим из вершины и острым по углу, но от раннего позднеенисейское и таласское $г^1$ отличается сильной укороченностью коленной вертикали, длинной диагональю (бывшая горизонталь) и в связи с этим общей растянутостью колена. Такие же особенности и с теми же переходными стадиями наблюдаются в Е и Т и для . Знаки для q и t^2 в енисейских памятниках не изменяют места прикрепления колена, но укорачивают коленную вертикаль и придают ей несколько наклонное вонне направление. В таласских памятниках у этих рун колено, как и у пары — $г^1$, отходит от конца штамба, в данном случае от нижнего, но коленная вертикаль вырастает до размера высоты строки, и этим пара q — t^2 резко отличается от пары — $г^1$.

В знаке для $п^2$ еще в С, как и во всех более ранних памятниках, колена отходят почти от середины ствола, но в большинстве енисейских и в таласских они отходят уже от концов штамба, причем, например, в Е32 встречаются оба написания. Начертание в Тон знака с коленами, лишенными строгой симметрии и направленными в одну сторону — либо вверх, либо вниз (что свидетельствует о неустоявшемся начертании), с укороченными коленными вертикалями является, вероятно, самым древним.

В знаке для Z во всех памятниках — от КТ до Т — сохраняется единый принцип написания горизонталей правого и левого колена одной линией, перпендикулярно к штамбу, и с прямым углом в колене. Если в КТ и БК, как отмечалось выше, конфигурация идентична, хотя и зеркально противоположна конфигурации $п^2$, то дальнейшее развитие обоих знаков делает их совершенно непохожими. Начиная с уйгурских, коленные вертикали у Z — сначала правая нижняя, а затем и обе — пишутся как бы курсивно, с закруглением коленного угла и небольшой кривизной коленной вертикали. В ряде Е, в большей или меньшей степени, ствол принимает наклонное положение, а также несколько укорачивается.

11. Начертание М в Тон в виде резко отличается от , встречающегося в КТ и далее во всех енисейских памятниках. Вместо шапочки из двух прямых, составленных под углом друг к другу, выступает одна кривая дугообразная линия, а вместо крестовины из двух прямых, сочленяющейся с шапочкой симметрично в двух точках, к этой дуге (не к центру ее) присоединяется прямая, к середине которой, в свою очередь, подходит под углом еще одна короткая прямая. По сравнению с орхонским подобное написание можно квалифицировать как курсивное и несимметричное. В О начертание М принципиально такое же, как в Тон, но с симметричным расположением всех элементов: . Наиболее важ-

		Тон 720-е гг	О 730-е гг.	КТ, БК 730-е гг	МЧ 759г.	КБл 822г.	Турк После серэд. I вв	С 840- 860-е гг.	Е После серэд. IX в.	Т Не ранее X в.
1	t ¹	⊖ ⊖	⊖ ♂	⊖	⊖ ⊖	⊖	⊖	⊖	⊖	⊖
2	s	ʏ	ʏ	ʏ	ʏ	ʏ	ʏ	ʏ	ʏ ʏ	ʏ
3	ük	В	В	В	В	В	В	В	В	
4	b ²	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗	⊗ ⊗	⊗
5	r ¹	ʎ	ʎ	ʎ	ʎ	ʎ	ʎ	ʎ	ʎ ʎ ʎ	ʎ ʎ
6	ü	ʞ	ʞ	ʞ	ʞ ʞ	ʞ	ʞ	ʞ	ʞ ʞ ʞ ʞ	ʞ ʞ
7	q	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ ʟ ʟ ʟ	ʟ
8	t ²	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ ʟ ʟ ʟ	ʟ
9	n ²	ʟ ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ ʟ ʟ ʟ	ʟ ʟ
10	z	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ ʟ	ʟ	ʟ ʟ ʟ ʟ	ʟ ʟ
11	M	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ	ʟ ʟ	ʟ	ʟ ʟ ʟ ʟ	ʟ

ное наблюдение, вытекающее из анализа соотношения описанных трех начертаний, сводится к тому, что начертание в Тон является исходным, тогда как начертание в КТ (путем продолжения короткой прямой до сочленения с дугой и превращением дуги в угольник из двух прямых) и в О (симметризация прямых черт относительно дуги) развилось из него. В ИА встречаются обе буквы, причем чаще выписывается орхонская. По-разному пишется этот знак и в уйгурских памятниках. В МЧ в начертании явно видны следы написания типа Тон, но тем не менее это уже совершенно новое начертание: здесь все симметрично, к тому же внутреннюю часть знака занимает не крестовина, а дужка с подсоединенными к ней симметрично короткими прямыми стежками; дугообразность главной линии знака (дуга в Тон) сохраняется только в центральной части, а на концах это прямые линии. В КБл встречается написание явно типа КТ, в турфанских рукописях представлены написания типа Тон и типа МЧ. Можно сказать, что различные типы написания данной руны являются свидетельствами как локального, так и временного характера.

Таковы основные датирующие приметы тюркского рунического алфавита. Кроме них, источником для решения проблемы датирования памятников служат особенности написания некоторых других рун, неупотребление тех или иных рун, наконец, использование совершенно новых графем, отсутствующих в 38-значном орхонском алфавите. Эти датирующие приметы, в отличие от основных, не проходят по всем хронологическим группам памятников, и потому их следует считать дополнительными. Рассмотрим и эти приметы.

Некоторые руны различаются тем, что в одних памятниках для их начертания использованы кривые линии, в других — соответственно прямые. Это относится прежде всего к знакам для d^1 и \overline{NC} , где происходит, как уже отмечалось, скругление углов в сочленениях между 1 и 2 и между 3 и 4 остришками сверху, так что в некоторых начертаниях в результате этого, вместо четырех остришек, возникает сочленение двух дужек, например, в Е6 d^1 . На фоне прямолинейного написания этих рун в раннемонгольских памятниках подобная особенность для части енисейских и таласских памятников, безусловно, выглядит как примета более позднего письма. Руна для γ в КТ имеет соположение древка и двух полудужий, а в Тон вместо полудужий выступают прямолинейные древки. Написания с полудужиями характерны для уйгурских, таласских и почти всех енисейских, так что можно думать, что это более поздняя особенность, а в Тон снова мы имеем более старый вариант. В ИА встречаются оба варианта, но в этом памятнике несколько раз сочетаются более старые и более новые написания: как уже отмечалось, для М, для γ , а также для n^2 и Z. Несколько енисейских памятников (Е 3, 5, 6, 7) дают прямолинейное написание, что пока трудно объяснить, тем более что по ряду других примет они не принадлежат к числу самых древних среди этих памятников.

В случаях d^1 , \overline{NC} — бесспорно, а в случаях γ — вероятно, написание с применением кривых черт, условно названное нами курсивным, является признаком более поздней графики. Однако, по-видимому, совершенно обратное значение имеет в памятниках КТ и Тон соотношение прямого и курсивного написаний рун, вошедших в число основных датирующих примет.

Таблица 3

Курсивное начертание	Прямое начертание
t ¹ § Тон, О; далее Е, Т	⤴ КТ, БК (боковое развитие)
s ¹ ζ КТ, БК, О	γ ¹ Тон
ũk ^β Тон β О; далее Е, Т	⦶ КТ, БК (боковое развитие)
b ² ρ Тон ρ О (боковое развитие)	⊗ КТ, БК ⦶ Е, Т
М → Тон → О (боковое развитие)	⤵ КТ, БК; далее Е, Т

Представляется, что курсивные начертания Тон знаков t¹, ũk^β, b², М являются более ранними, чем соответствующие прямые в КТ и БК. При этом в начертаниях b² и М можно наблюдать непрерывное развитие: Тон — КТ — енисейские и таласские (уйгурские в настоящей таблице не учитываются из-за некоторой пестроты картины, о чем говорится в тексте), здесь О дает пример ответвления в развитии. В начертаниях t¹ и ũk^β руническая традиция развивает начертания Тон, а КТ и БК дают боковое развитие. [Наличие в КТ боковых линий развития графем (t¹, ũk^β) наряду с этапными, ключевыми для последующей руники (b², М) линиями говорит, на наш взгляд, о том, что не было большого временного разрыва между периодом формирования алфавита и периодом создания самих памятников]. Что касается знака s¹, то начертание его в Тон, возможно, более раннее, хотя это и не согласуется с общей картиной: более старые начертания — курсивные. Окончательно решить вопрос об исходных начертаниях рассматриваемых букв пока не представляется возможным. Если считать во всех случаях дукт данных пяти рун в Тон более древним по сравнению с их дуктом в КТ, то придется признать, что не все знаки первоначально имели курсивное начертание. Это положение как будто подтверждается, кроме дукта s¹, начертанием γ, так как в Тон оно прямое. Если же принять все курсивные формы за более древние, тогда прямолинейные начертания s¹ и γ в Тон следует интерпретировать как локальные инновации.

Одним из вспомогательных приемов палеографического анализа является установление отсутствия тех или иных из перечисляемых ниже рун в алфавите ко времени создания определенных памятников, так как они не употребляются в тех словах, в которых согласно орфографии старших монгольских надписей должны были бы употребляться. Это

руны γ i^ç э ж √ i^ç М ⦶ NT 1P γ § . Обычно

они в большинстве своем почти сразу же после старших письменных памятников выходят из употребления. Пожалуй, это и естественно, так как даже в ранних памятниках эти руны, за исключением Р, используются довольно редко: i^ç встречается в нескольких словах в БК и Тон, но отсутствует в КТ; § является сугубо кошо-цайдамской инновацией;

NT, j̄, lt̄ встречаются лишь в немногих словах, īq несколько более часто. Однако краткость многих последующих текстов наряду с встречаемостью отдельных из указанных рун в тех или иных памятниках более позднего периода заставляет быть осторожным в заключениях об употребительности данных рун и относить эти заключения к разряду скорее симптоматичных, нежели достоверных. Так, например, īc̄ встречается, помимо Тон и БК, в МЧ, Тойок I (руническая рукописная азбука), E41; lt̄ в старших монгольских, уйгурских, E32 и E41; NT̄ в старших монгольских, уйгурских, E11 и т. п.

К числу датирующих примет рунического письма относятся ювенильный слой рунических знаков, то есть совершенно новых, не связанных с преобразованием старых знаков, графем, изобретенных и введенных в алфавит в более позднее время. К ювенильным рунам относятся:

Ϫ e, ◊ η¹, ^ š², ☼ m², употребляющиеся в енисейских памятниках, а также таласские m¹, š¹.

Таков в первом приближении круг датирующих и, отчасти, локальных примет тюркского рунического алфавита. По совокупности особенностей написания целого ряда рун, квалифицируемых как основные и вспомогательные датирующие приметы, каждый недатированный памятник можно отнести к одному из трех периодов: 1) первая половина VIII в.; 2) вторая половина VIII — первая треть IX вв.; 3) не ранее второй половины IX в. Само собой разумеется, что необходимо особенно настойчиво работать над «разукрупнением» последнего этапа, находить дальнейшие датирующие палеографические вехи. Подступы к решению подобной задачи дает уже анализ палеографического материала. Исследуя написание рун, особенности которых составляют основные и вспомогательные датирующие приметы, в частности, написание коленных рун, d¹ и некоторых других, мы можем говорить, в рамках данного периода, о «более поздних» и «более ранних» памятниках. Но поскольку приметы иногда вступают в противоречие друг с другом (в этом для палеографии ничего необычного нет²⁸), то окончательное суждение по периодизации письма можно вынести, опираясь на лингвистические критерии: данные сравнительно-исторической грамматики. Палеография не может существовать в отрыве от лингвистики. В этом плане тюркологии необходима тюркская рунология²⁹ как комплексная дисциплина, соединяющая сравнительно-историческую грамматику, историческую лексикологию и палеографию.

В заключение хотелось бы еще раз остановиться на проблеме датирования енисейских памятников — одной из важнейших для тюркологической науки.

Теперь для нас очевидно, что **все без исключения** енисейские памятники написаны позже первой трети или даже первой половины IX в. Это их общая нижняя граница. Каким же образом в тюркологии установились представления о значительно более раннем времени создания енисейских памятников и архаичности их графики? Первым, кто определенно высказался по этим вопросам, был В. В. Радлов. И сделал он это строго научно, хотя и ошибся. Сегодня мы уже можем выявить истоки его ошибки.

²⁸ См.: В. Н. Щепкин. Указ. раб., стр. 17—18.

²⁹ См.: Э. А. Макаев. Язык древнейших [имеются в виду германоязычные. — И. К.] рунических надписей. М., 1965, стр. 5—6.

В. В. Радлов исходил в своих выводах из датировки Онгинского памятника. По текстологической интерпретации того времени выходило, что О написан до правления Бильге-кагана, тогда дата животного цикла, содержащаяся в тексте, приходилась на 692 г. (как мы теперь знаем, это неверно). Таким образом, В. В. Радлов получил опорные палеографические вехи: 692 г. О и 730-е гг. КТ и БК. Анализируя формы некоторых рун в О, В. В. Радлов говорит о более древнем их характере по сравнению с рунами КТ (что действительно верно!) и считает это подтверждением относительной древности О по сравнению с КТ (но соотношение архаичности графики и даты памятника вовсе не однозначно). Далее В. В. Радлов заключает, что буквы О, будучи древнее таковых в КТ, «... как будто являются связующим звеном (*bilden gleichsam Mittelglieder*) между этими последними и буквами енисейских памятников»³⁰. Представляется, что именно в этом и заключалась главная натяжка. Как мы видели из табл. 2 и 3 и соответствующего текста, в ряде случаев енисейские памятники продолжают традицию начертаний рун Тон и О, тогда как начертание в КТ стоит несколько особняком. При общей неверной датировке О это приводит к выводу о большей древности Е по сравнению с КТ. Однако в ряде других случаев енисейские начертания становятся объяснимыми только через стадии: от Тон, О к КТ и далее к Е. Здесь уже сказалась недостаточность или даже отсутствие конкретного графемологического анализа. К тому же в то время не был еще найден памятник в честь Тоньюкука. Правда, и этому открытию не суждено было изменить положения дел, поскольку Тон датировался тогда временем после КТ.

Данное построение В. В. Радлова было принято в тюркологии практически всеми учеными. Главенствующим стало положение о том, что великолепный язык, которым написан КТ, не мог возникнуть сразу, не опираясь на длительную письменную традицию. (Но почему именно письменную, а не устную?). Были и другие доводы. Тезис более древней датировки енисейки держался до наших дней, и даже совсем недавно, после появления работы Л. Р. Кызласова, выступившего с решительным пересмотром традиционного мнения, енисейские памятники продолжали относить к VI—VII вв., а таласские — к V в. Такую раннюю датировку давали в свое время руническим надписям А. Н. Бернштам и С. В. Киселев. Разберем в качестве примера всего лишь один, но показательный случай.

В курганах № 2 и № 6 Копёнского чаа-таса (Минусинская котловина) Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым были найдены золотые и серебряные сосуды и блюда. Курганы датировались VII—VIII вв.³¹, следовательно, к этому времени должны были быть отнесены и рунические надписи на двух золотых сосудах из кургана № 2 (эта дата в свое время была указана нами во Введении к «Древнетюркскому словарю», см. стр. XXV: E81, E82; кстати, эти же даты как наиболее ранние для енисейки наряду со стелой E32 поддерживает и Л. Р. Кызласов³²). На основании особенностей начертаний в данных надписях рун t¹ и b², формы колен, особенно у , знака для s¹ мы можем теперь отнести их палеографически только к третьему выделенному нами периоду, то есть ко времени не ранее середины IX в. Однако еще раньше нашего заключения

³⁰ W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften..., стр. 245.

³¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 599—603.

³² Л. Р. Кызласов. Новая датировка..., стр. 94.

Б. И. Маршак проанализировал орнамент на одном из кувшинов кургана № 2 и пришел к выводу, что кувшин имеет дату «около середины или второй половины IX в.»³³.

Таким образом, круг замыкается, и позволительно задаться вопросом: не следует ли пересмотреть датировки и перестроить некоторые исторические концепции не только для Тувы, как это было сделано, но и для Минусинской котловины, Алтая? Может быть, необходимо вернуться и к вопросу о времени проникновения кыргызов в Семиречье и далее на запад, исходя из большей «молодости» таласских памятников, относящихся, по всей видимости, к караханидскому времени? Для лингвистов-историков письма и для историков необходимо проработать версию о центрально-азиатском (монгольском) центре изобретения рунического алфавита и в период, не столь отдаленный от начала VIII в. По-видимому, в данных вопросах были допущены ошибки, которые необходимо исправить во имя дальнейшего развития тюркологической науки*.

³³ Б. И. Маршак. Согдийское серебро. М., 1971, стр. 56.

* Автор выражает благодарность Д. М. Насилову, С. Г. Кляшторному, В. А. Лившицу и Б. И. Маршаку за советы по ряду вопросов, затронутых в настоящей статье.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. М. ЧУМБЛОВА

ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ
РОМАНА ИВАНА ВАЗОВА «ПОД ИГОМ»

Роман выдающегося болгарского писателя Ивана Вазова «Под игом», написанный им в 1888 году, является самым значительным произведением замечательного прозаика. Этот роман по справедливости считается эпопеей национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецких завоевателей.

Крупный прозаик и драматург, Иван Вазов создал свой роман «Под игом», находясь в эмиграции в России. Говоря об истории создания романа, Иван Вазов писал: «Я поставил перед собой цель изобразить жизнь болгар в последние дни рабства и воссоздать революционный дух Апрельского восстания. В основу многих эпизодов романа легли мои личные наблюдения и воспоминания. Большая часть действующих лиц — это подлинные жители Сопота, выведенные под собственными или измененными именами».

В центре романа находится образ профессионального революционера Бойчо Огнянова (Иван Кралич), бежавшего из турецкой ссылки на родину и развившего бурную деятельность по подготовке вооруженного восстания.

Повествуя о жизни и деятельности своего главного героя, автор вводит в роман многих представителей провинциального города, крестьян и турок из соседних сел и воссоздает духовную атмосферу времени. Роман «Под игом» — это широкое художественное полотно, запечатлевшее жизнь различных слоев болгарского народа в период, когда борьба за освобождение родины достигла своей кульминации.

Вскоре после издания в Болгарии (1889—1890 гг.) роман И. Вазова был переведен на многие иностранные языки. В Советском Союзе это произведение неоднократно издавалось на русском, украинском, казахском и болгарском языках.

Наша статья посвящена исследованию тюркских лексических элементов в романе Ивана Вазова «Под игом».

И. Вазов прекрасно знал жизнь, быт и живой язык населения провинциальных городов и сел — болгар и турок. Язык болгар в описываемую в романе эпоху изобилует тюркизмами, что, естественно, нашло свое отражение в языке произведения И. Вазова.

В данной статье нами вводится термин «тюркский лексический элемент» (ТЛЭ), которым обозначаются слова, содержащие в своей структуре праболгарские, исконно-турецкие слова и все лексические единицы, пришедшие в болгарский язык через турецкое посредничество, а также содержащие тюркский корень (*балкан-ски, бакал-ин, будал-щина*).

Слова арабского и персидского происхождения в силу известных исторических причин могли проникнуть в болгарский язык только через посредство турецкого языка.

До последнего времени ТЛЭ исследовались только с так называемой качественной стороны. Цель нашей работы — рассмотреть содержащиеся в романе И. Вазова заимствования из тюркских языков в статистическом плане, что должно способствовать более углубленному исследованию языковых особенностей этого произведения¹.

С этой целью нами был тщательно просмотрен весь текст романа (около 116 тысяч словоупотреблений), причем авторский текст и реплики персонажей изучались отдельно. В просмотренном тексте было выявлено 506 различных тюркских лексических элементов. Из них с частотой 1 — 250 слов. Это в основном локально-тематические слова (по схеме, предложенной Л. Засориной²). С частотой от 2 до 10 было насчитано 214 слов, от 10 до 50 — 28 слов, от 50 до 150 — 14 слов. Частота употребления слов указывает на степень их необходимости при речевом общении. Очень высокой частотой обладают строевые слова: *ама* 'но' — 41, *макар* 'хотя бы' — 24, *бре* 'ну, ты', 'эй' — 34, *бе* 'оставь' — 46, *хайде* 'давай' — 12. Все они бытуют в современной разговорной речи болгар. Из высокочастотных нейтральных слов в современном болгарском языке сохранились следующие: *кесия* 'кошелек' — 8, *ерген* 'холостяк' — 8, *кър* 'поле' — 10, *торба* 'мешок' — 12, *ракия* 'водка' — 15, *джеб* 'карман' — 16, *бѳза* 'щека' — 20, *пара* 'деньги' — 23, *чичо* 'дядя' — 31, *хубав* 'красивый' — 56, *да забележа* 'заметить' — 97; из общетематических: *барут* 'порох' — 10, *българин* — 53, *куршум* 'пуля' — 54, *турски* 'турецкий' — 78, *турчин* 'турок' — 143, *бай* — 144.

Болгарские лингвисты обычно группируют тюркизмы по семантическим признакам. Например, Б. Цонев³ около двух тысяч выделенных им слов разбил на следующие семантические группы: природа, минералы, растения, животные, военные термины, прозвища и т. д. Нами предлагается алфавитно-частотный список, согласно которому слова распределяются на две группы по частоте их употребления: с частотой, равной единице, и с частотой, превышающей единицу. Тюркское происхождение слов мы устанавливали по «*Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ*» Ст. Младенова, «*Български тълковен речник с оглед към народните говори*» Ст. Младенова и А. Т. Балана и трехтомному словарю Болгарской Академии наук под редакцией академика Ст. Романовского «*Речник на съвременния български книжовен език*». В спорных случаях мы исходили из этимологий, предложенных Ст. Младеновым. Что касается слова *бай*, то мы вслед за Е. Боевым считаем его тюркского происхождения⁴.

При работе над текстом слова были проанализированы по частоте употребления, по частям речи, семантическим признакам, а также морфологической структуре и грамматическим категориям.

Для сравнения частоты употребления ТЛЭ в авторском тексте и репликах персонажей была подсчитана суммарная частота ТЛЭ отдель-

¹ Г. В. Ермоленко. Статистика тюркизмов в романе И. Вазова «Под игом» (на материале болгарского языка). — В сб.: «Статистическое и информационное изучение тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений». Алма-Ата, 1969.

² Л. Засорина. Частотные и учебные словари. — «Русский язык в национальной школе», 1969, № 2.

³ Б. Цонев. История на български език. София, 1940.

⁴ Е. Боев. За българско-тюркските езикови връзки. — «Известия на института за български език», кн. XVI, 1968.

но в авторском тексте (1.800), репликах персонажей-болгар (1.252), в репликах персонажей-турок (129). Была также определена протяженность: авторского текста (73.160 словоупотреблений), реплик персонажей-болгар (41.345), реплик персонажей-турок (1.343). Наконец, была подсчитана относительная частота употребления ТЛЭ в авторском тексте романа ($f_a = \frac{1.800}{73.160} = 0,0246$), в репликах персонажей-болгар ($f_b = \frac{1.252}{41.345} = 0,0302$) и репликах персонажей-турок ($f_t = \frac{129}{1.343} = 0,0960$).

В сплошном авторском тексте относительная частота употребления ТЛЭ примерно в 2,5 раза меньше, чем в репликах персонажей болгар и турок, вместе взятых. Следовательно, в устной речи ТЛЭ встречались чаще, нежели в письменной, что указывает на проникновение их в болгарский язык того времени в основном в результате устного речевого общения носителей языков.

Всего в сводном алфавитно-частотном списке насчитывается, как отмечалось выше, 506 различных ТЛЭ. В авторском тексте из них встречается 339, в репликах персонажей-болгар — 280, в репликах персонажей-турок — 61. Следует отметить, что сравнительно малое общее количество ТЛЭ в репликах персонажей-турок (61) по частоте употребления стоит на первом месте, превышая частоту употребления их в репликах персонажей-болгар в 3 раза, а в авторском тексте — в 4 раза.

Наиболее информативными частями речи являются имена существительные, прилагательные и глаголы. К наиболее употребительным относятся имена существительные — наименования лиц по национальной принадлежности и социальному положению, например: *българин* 'болгарин' — 53, *онбашия* 'полицейский начальник' — 51, *чорбаджия* 'господин' — 64, *зантие* 'турецкий полицейский' — 78, *ханджия* 'содержатель постоялого двора' — 105, *бей* 'титул мелкого феодала' — 124, *търчин* 'турок' — 143; существительные, обозначающие реалии, типичные для тогдашней действительности, например: *башибузук* 'солдат нерегулярных частей турецкой армии' — 22, *конак* 'турецкое полицейское и административное управление' — 32 и другие.

Прилагательные встречаются сравнительно в малом количестве. В основном они образовались от уже бытующих имен существительных, например: *балкан* 'гора' — *балкански*, *барут* 'порох' — *барутлив*, *българин* — *български* и т. д. Всего в сводном списке ТЛЭ 75 прилагательных. Из них наибольшей частотой характеризуются следующие: *хубав* 'красивый, хороший' — 66, *български* — 51, *балкански* — 20, *мухтар* 'свободный' — 15.

В сводном алфавитно-частотном списке ТЛЭ глаголов встречается всего 8, из коих чаще других употребляются следующие: *да забележа* 'замечать' — 97, *забелязвам* 'заметить' — 6, *търча* 'обращать в мусульманство' — 7.

Наречий также немного — всего 14: *алафранга* 'по-европейски' — 2, *нафиле* 'зря, напрасно' — 2, *по хамалски* 'грубо, нехорошо' — 1, *заарски* 'выигрышно' — 1, *сегиз-тогуз* 'время от времени' — 1 и другие.

К высокочастотным словам относятся, как отмечалось выше, прежде всего строевые слова, например: *мигар* 'разве' — 8, *хем* 'и, и затем' — 4, *зер* 'ибо, так как' — 4, *аман* 'выражение досады, мольбы' — 3 и др.

Всего строевых слов 23. Проникновение строевых слов является свидетельством весьма сильного влияния, оказанного турецким языком на болгарский: строевые слова не связаны и не могут быть связаны непосредственно с темой романа.

Остановимся на изменениях грамматических категорий ТЛЭ, вошедших в болгарский язык. Слова тюркского происхождения, войдя в болгарский язык, неизбежно подчинились грамматическим законам последнего. Существительные, например, приобрели грамматические категории, присущие этому классу слов в болгарском языке, в том числе категорию рода: *юмрѹк* — *тѣжѣк юмрѹк* (м. р.) 'тяжелый кулак', *ракѹя* — *блага ракиѹя* (ж. р.) 'приятная водка'. Слово *балкан*, как и другие существительные с основой на твердый согласный в болгарском языке, было отнесено к мужскому роду с членными формами *балканѣт*, *балкана*. К этой же группе слов принадлежат: *бакалин* 'торговец бакалейными товарами', *барѹт* 'порох', *бостан* 'огород', *векѹл* 'уполномоченный', *бѣлгарин*, *чардак* 'чердак', *денк* 'тюк' и другие.

Слово *ага* 'турецкий административный чиновник' по своему значению относится к существительным мужского рода. В эту группу входят слова: *делибашѹя* 'разбойник', *ааза* 'член совета', *авджѹя* 'охотник', *абаджѹя* 'портной', *будала* 'глупец'.

Образование множественного числа заимствованными тюркскими существительными также происходит по законам болгарской грамматики: *юмрѹк* (ед. ч.) — *юмрѹци* (мн. ч.). Здесь наблюдается чередование *к/ц* по закону 2-й палатализации.

Все эти слова приобретают также форму категории определенности: *юмрѹкѣт*, *ракиѹята*, *пердѣто*.

Среди заимствований встречаются слова различной морфологической структуры. Некоторые из них, перейдя в болгарский язык, сохранили свою первоначальную форму, например: *гюзѣл* 'красивый', *зияфѣт* 'угощение', *каяфѣт* 'внешность', *кьосѣ* 'безбородый', *палабуюклиѹя* 'человек с длинными, густыми усами', *файда* 'польза', *хабер* 'весть', *шашарма* 'суматоха' и др. Однако таких слов немного. В основном же слова тюркского происхождения претерпели под влиянием болгарского языка соответствующие изменения. Они не только приобрели присущие болгарскому языку грамматические категории, как это отмечалось выше, но и болгарские аффиксы. Возникли слова-гибриды, в которых к тюркской основе присоединен славянский аффикс: *абрашларски* 'белобрысый', *байрактарка* 'женщина-знаменосец', *бакалница* 'бакалейная лавка', *забелѣжка* 'заметка', *отбелѣжен* 'отличительный', *бостанче* 'огородик', *будалщина* 'глупость', *канарест* 'скалистый', *касипин* 'мясник', *кехлибарев* 'янтарный', *рахатец* 'спокойствие', *хубавелка* 'красавица' и др.

Встречаются и болгарские слова, к корням которых присоединяются тюркские аффиксы (всего 9 слов), например: *биволарче* 'пастушок', *ловджѹя* 'охотник', *лошотѹя* 'злость' и др. Такие слова мы не включаем в число ТЛЭ.

Что касается прилагательных, то они, переходя из тюркских языков в болгарский, приобретают категории, присущие прилагательным болгарского языка (категию рода, числа, определенности и степени сравнения), например: *балкански* (-а, -о), *бѣлгарски* (-а, -о), *кѣрски* (-а, -о) 'полевой'; *хубав* — *по-хубав*, *най-хубав*, *хубавия*(т), *хубавата*, *хубаво-то*; *камбурест* — *по-камбурест*, *най-камбурест* и т. д.

Глаголы тюркского происхождения, переходя в болгарский язык, также приобретают грамматические категории, свойственные этой части речи в болгарском языке, например, категорию вида: *да забележа* (сов. вид) — *забелязвам* (несов. вид), и соответствующие окончания: *варакладисвам* 'покрывать украшения золотом или серебром', *каносвам* 'красить хной'.

Для того чтобы определить, по какому закону распределяются ТЛЭ в романе «Под иггом», мы подсчитали количество ТЛЭ в 30 выборках из авторского текста по 1.000 словоупотреблений в каждой. Затем нами был произведен расчет по известной в статистике формуле

$$\frac{\sigma}{\rho} = 1,25 \quad (\text{где } \sigma = \sqrt{\frac{\sum m(x-\bar{x})^2}{\sum m}} \text{ — среднее квадратическое, а } \rho =$$

$\frac{\sigma}{\rho} = 1,40$. Следовательно, эмпирическое распределение ТЛЭ близко к нормальному. Как известно, этому теоретическому закону подчиняются лишь достаточно частые явления. Таким образом, можно предположить, что ТЛЭ в болгарском языке эпохи И. Вазова имели в целом большой удельный вес, что могло быть следствием билингвизма.

Возникновение билингвизма объясняется тем, что турецкие власти проводили соответствующую дискриминационную политику в отношении болгарского населения. Переселялись целые села, болгарское и турецкое населения смешивались. На это указывают и многие места романа⁵.

При составлении алфавитно-частотного списка ТЛЭ удалось выявить весьма интересную группу слов — тюркские лексические элементы, имеющие соответствия и в казахском языке; таковых оказалось 103:

ага 'турецкий административный чиновник' — 43 — *ага* 'обращение к старшему', *алкоран* 'коран, священная книга' — 1 — *құран*, *аллах* 'бог' — 4 — *алла*, *аршин* 'мера длины' — 4 — *аршын*, *аслан* 'лев' — 1 — *арыстан*, *ахмак* 'глупец' — 1 — *ақмақ*, *базиргян* 'торговец' — 1 — *базаршы*, *бай* 'уважаемый человек' — 144 — *бай* 'богатый человек', *бакал* 'торговец бакалейей' — 1 — *бақал* 'место продажи бакалейных товаров', *батак* 'болото' — 4 — *батпақ*, *башибузук* 'разбойник' — 22 — *басыбузык*, *бей* 'титул мелкого феодала' — 124 — *бек*, *боклук* 'мусор, отбросы' — 2 — *боқтық*, *вай* междом. 'ой, о, ай, ох, ах' — 1 — *пай*, *гарга* 'ворона' — 3, — *қарға*, *гюл* 'роза' — 2 — *гүл* 'цветок', *гурултия* 'шум, грохот' — 1 — *гуріл*, *демек* разг. наречие 'дескать, то есть' — 1 — *демек*, *денк* 'ящик, тюк' — 3 — *тең*, *джантм* обращ. 'душа моя' — 12 — *жаным*, *дувар* 'стена' — 1 — *дуал*, *душман* 'враг' — 5 — *дұшпан*, *дюкян* 'магазин' — 6 — *дүкен*, *зор* 'затруднение' — 1 — *зорлану* 'затрудняться',

йол 'дорога' — 3 — *жол*, *кадънски* 'женский' — 1 — *қатынның*, *кале* 'крепость' — 1 — *қала* 'город', *калпак* 'шапка' — 1 — *қалпақ*, *калтп* 'форма для отливки' — 2 — *қалып*, *камышик* 'бич' — 1 — *қамшы*, *кански* 'кровавый' — 1 — *қанды*, *капак* 'крышка' — 3 — *қақпақ*, *капан* 'капкан' — 1 — *қақпан*, *караул* 'охрана, караул' — 4 — *қарауыл*, *касабалия* 'горожанин' — 1 — *қос оба* 'пригород', *касапин* 'мясник' — 2 — *қасапшы*, *килим* 'ковер' — 2 — *кілем*, *кир* 'грязь' — 3 — *кір*, *кирлив* 'грязный' — 2 — *кір*, *конак* 'турецкое полицейское управление' — 32 — *қонақ* 'гость', *комишия* 'сосед' — 2 — *қоңсы*, *комишулук* 'соседство' — 2 — *қоңсылық*, *корем* 'живот' — 5 — *қарын*, *кьосе* 'безбородый' — 4 — *көсе*, *ктр* 'холм' — 10 — *қыр*, *кърмъз* 'алая краска, цвет' — 1 — *қырмызы*, *ктсмет* 'рок, судьба, удача' — 1 — *қызмет* 'дело, работа', *ктшла* 'зимняя кошара' — 7 — *қыстақ*, *маймуна* 'обезьяна' — 2 — *маймыл*,

⁵ См.: И. Вазов. Под игото. София, 1967, стр. 27, 164, 176, 321, 432 и др.

масал 'анекдот' — 2 — мысал 'басня',
 маскара 'безобразник' — 5 — масқара,
 маскарлѣк 'безобразие' — 3 — масқаралық,
 мемлекет 'государство' — 1 — мемлекет,
 мечет 'мечеть' — 3 — мешіт,
 мухтар 'избранный, независимый' — 15 —
 Мухтар 'имя собствен.',
 мюсюлман 'магометанин' — 1 — мұсылман,
 нокта 'точка' — 1 — нүкте,
 нишан 'знак' — 4 — нышан,
 орда 'союз племен' — 10 — орда,
 базар 'базар' — 4 — базар,
 базарен 'базарный' — 2 — базарлы,
 пара 'монета' — 23 — пара 'взятка',
 паша 'правитель' — 2 — патша,
 перде 'занавес' — 2 — перде,
 ракия 'водка' — 15 — арақ,
 рахат 'спокойствие' — 4 — рақат,
 сандѣк 'сундук' — 1 — сандық,
 сағат 'часы' — 1 — сағат,
 сеир 'веселое зрелище' — 2 — сейіл,
 султан 'почетный титул' — 14 — сұлтан,
 тайфа 'группа людей' — 2 — тайпа.
 талим 'военное обучение' — 1 — тәлім,
 тефтер 'тетрадь' — 2 — дәптер,
 топ 'мяч' — 22 — доп,
 торба 'мешок' — 12 — дорба,
 тояга 'палка' — 4 — таяқ,
 тупурдия 'шум' — 1 — тапыр-тұпыр,
 турски 'турецкий' — 78 — түрік,
 турчин 'турок' — 143 — түрік,

тютюн 'табак' — 3 — түтін 'дым',
 файда 'польза' — 1 — пайда,
 хабер 'весть' — 3 — хабар,
 хаджи 'паломник, побывавший в Мек-
 ке' — 105 — қажы,
 хаирлия 'благополучный' — 1 — қайыр-
 лы,
 халтав 'расслабленный' — 1 — қалт-
 құлт,
 хан 'монарх' — 7 — хан,
 ханѣм 'замужняя женщина' — 2 — ха-
 ным,
 хем союз 'и, и то' — 4 — һәм,
 ходжа 'мусульманский проповедник' —
 2 — қожса,
 чакмак 'огниво' — 2 — шақпақ,
 чапкѣн 'развратник' — 7 — шапқын 'на-
 падение',
 чепкен 'верхняя одежда' — 1 — шекпен,
 чобан 'пастух' — 3 — шабан,
 чорба 'суп, бульон' — 1 — сорпа,
 шалвар 'штаны' — 2 — шалбар,
 шекер 'сахар' — 1 — шекер,
 шекерлия 'сахарный' — 1 — шекерлі,
 юмрук 'кулак' — 2 — жұдырық,
 юрук 'быстрый' — 1 — жүйірік,
 юруш 'приступ, штурм' — 3 — ұрыс,
 яка 'ворот, воротник' — 1 — жаға,
 яр 'стремнина' — 11 — жар,
 сапун 'мыло' — 1 — сабын.

В заимствованных болгарским языком ТЛЭ наблюдается большая пестрота в чередованиях гласных и согласных звуков, что, вероятно, является следствием проникновения многих слов из диалектов, а не из официального литературного турецкого языка.

Приведем примеры:

I. Чередование гласных

1. йу—у (ү, ұ): гюрултия — гүріл, юруш — ұрыс,
 мюсюлман — мұсылман, юмрук — жұдырық,
 дюкян — дүкен, гюл — гүл, тютюн — түтін,
2. у—ы (і): юмрук — жұдырық, сапун — сабын,
 боклук — боқтық, башибузук — басыбұзық,
 маймуна — маймыл, комшулук — көршілік,
 юруш — ұрыс, юрук — жүйірік,
3. ъ—ы: кѣр — қыр, калѣп — қалып, бакѣрджийче — бақыршы,
 бақыршы, кѣшила — қыстақ, дѣсанѣм — жаным,
 кадѣнски — қатындық, маскарлѣк — масқаралық,
 сандѣк — сандық, ханѣм — ханым,
 чапкѣн — шапқын.

II. Чередование согласных

1. х—к (қ): ходжа — қожса, хаджи — қажы, халтав — қалт-құлт,
 ахмак — ақмақ, рахат — рақат, хаирлия — қайырлы,
2. с—ш, ш—с: синдѣжир — шынжыр, юруш — ұрыс,
3. м—п: чакмак — шақпақ, душман — дұшпан,
4. п—б: базар — базар, сапун — сабын,
5. в—б: шалвар — шалбар,
6. ч—ш: чалма — шалма, мечет — мешіт, чобан — шабан,
7. г—к (қ): тояга — таяқ.
8. т—д, д—т: торба — дорба, тефтер — дәптер,
 денк — тең, кадѣнски — қатынның,
9. дж—ж: синдѣжир — шынжыр, дѣсанѣм — жаным,
 ходжа — қожса, хаджи — қажы,
10. й—ж: йол — жол, яр — жар.

В ряде слов, имеющих соответствия в казахском языке, наблюдается перераспределение элементов слога. Например: *ракия* — *арақ* 'водка', *чепкен* — *шекпен* 'кафтан'.

Можно отметить некоторое различие в лексическом значении болгарских и казахских слов, например:

ага (болг.) 'турецкий административный чиновник',
ага (каз.) 'почтительное обращение к старшему';
конак 'турецкое полицейское управление',
қонақ 'гость';
бай 'обращение к уважаемому человеку; уважаемый человек',
бай 'титул богатого человека';
масал 'анекдот (неприличный)',
мысал 'басня';
пара 'деньги, монета',
пара 'взятка';
бакал 'продавец бакален',
бақал 'место продажи товаров';
мухтар 'избранный, независимый',
Мухтар 'имя собственное';
чапқын 'развратник',
шапқын 'нападение'.

Исследование ТЛЭ в языке романа И. Вазова «Под игом» позволяет сделать следующие выводы:

1. Количество, частота употребления и характер тюркских элементов в лексике романа указывают на степень тюркского языкового влияния на болгарский язык.

2. Широкое употребление тюркских лексических элементов в авторской речи достаточно убедительно говорит о распространении среди тогдашних болгар билингвизма, что подтверждается историческими данными, фактами из самого романа и осуществленными нами лексическими подсчетами.

3. Группу ТЛЭ, имеющих соответствия в казахском языке, безусловно, следует отнести к общетюркскому лексическому фонду, так как непосредственного общения, ни устного, ни письменного, между болгарам и казахами не было.

Наблюдающееся в заимствованных ТЛЭ большое разнообразие в чередованиях гласных и согласных позволяет предположить, что многие из них вошли в болгарский язык из различных турецких диалектов.

4. Тот факт, что частота употребления ТЛЭ в речи персонажей-болгар в 2,5 раза превышает аналогичный показатель в авторской речи, свидетельствует о проникновении тюркизмов в болгарский язык в результате устного речевого общения. Это подтверждается и соответствующими историческими фактами.

5. ТЛЭ, зафиксированные в романе, либо не сохранились в современном болгарском языке (*йол* 'дорога'), либо стали историзмами (*заптие* 'турецкий полицейский'), либо же из-за отсутствия болгарских эквивалентов до сих пор употребляются (*балкан* 'гора', *ама* 'но', *басмян* 'ситцевый', *шарен* 'цветастый' и др.), войдя в лексический фонд болгарского языка.

6. Проведение аналогичных наблюдений над лексикой произведений других болгарских прозаиков — современников И. Вазова дало бы возможность полнее осветить вопрос о тюркском влиянии на болгарский язык и выявить стилистическое своеобразие в использовании тюркских элементов различными болгарскими авторами.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. КОРОГЛЫ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «КНИГИ МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»

Одной из важнейших композиционных особенностей огузского героического эпоса «Китаби дадам Коркут»¹ является инкорпорация стихотворных партий в прозаический текст, характерная также и для дастанного эпоса потомков огузов. Проза «Китаби» отличается от прозы дастанов насыщенностью мысли и широтой содержания. Если в дастанах основную художественную нагрузку несет поэтическая часть, а проза лишь упрощенно излагает сюжет, то в «Китаби» прозаическая часть не менее стихотворной насыщена поэтическими образами, столь же эстетически действенна, к тому же все сюжетные коллизии отражаются именно в ней.

Структурной особенностью «Китаби» является обособленность каждого из двенадцати сказаний, связанных между собой в единую композицию образом Деде Коркута. Подобную же композицию имеет и «Кероглу», однако сказания этого эпоса связываются в единое целое образом основного действующего героя Кероглу. В отличие от последнего Деде Коркут выступает лишь в роли сказителя, рассказывающего о подвигах героев. Правда, в «Китаби», как это увидим ниже, многие сказания тематически группируются вокруг одного героя, что дает основание говорить о двух циклах *огузнаме*, объединенных именем Коркута-озана.

Можно предположить, что составитель «Китаби» объединил воедино 12 огузских сказаний, каждое из которых бытовало в свое время самостоятельно. Этим объясняется известная нестройность композиции, выражающаяся в нарушении последовательности и хронологии развития сюжета в отдельных сказаниях. В самом деле, второе *огузнаме* начинается циклом сказаний о Казане (три сказания на различные сюжеты). Здесь сын Казана — Уруз — самостоятельный бек, остающийся во главе 300 богатырей охранять *иль*, когда беки отправляются на охоту. Во втором же сказании этого цикла (в «Китаби» оно приведено четвертым) сын Казана едва достигает совершеннолетия — он еще не слышал свиста стрел. Отец берет его на охоту, чтобы научить его охотиться и воевать. Значит, это сказание как бы возвращает нас назад. Хронологию нарушает и расположение одиннадцатого *огузнаме* (третье сказание

¹ «Книга моего деда Коркута». Героический эпос огузов. Перевод акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. М.—Л., 1962 (в дальнейшем «Китаби»). Цитаты по изданию «Dede Korkut Kitabı», с. 1. Ankara, 1958 (в дальнейшем ДКК; дрезденское факсимиле — D, ватиканское факсимиле — V).

цикла), в котором сын Казана, попавшего в плен, представлен ребенком. Прошло много лет, пока сын вырос и случайно узнал правду о своем отце.

«Не помня своего отца, он считал себя сыном Байындырхана, деда по матери».

(Этот мотив имеется также в туркменском эпосе «Героглы»).

Еще более курьезным является то, что герои, убитые Дегегёзом в восьмом *огузнаме*, в последующих сказаниях, в частности в одиннадцатом *огузнаме*, активно выступают при освобождении Казана из плена, и в двенадцатом, последнем — в разгоревшейся междоусобной войне.

Исходя из содержания и предполагаемой хронологии создания «Китаби», было бы оправданным расположить сказания в следующем порядке:

8-е	расположить	1-ым	}	— туркестанский цикл ² ,
1-е	»	2-ым		
3-е	»	3-им	}	— туркестано-азербайджанский цикл,
4-е	»	4-ым		
11-е	»	5-ым	}	— казанский цикл (туркестано-азербайджанского происхождения),
2-е	»	6-ым		
5-е	»	7-ым	}	— азербайджанский цикл.
6-е	»	8-ым		
7-е	»	9-ым		
9-е	»	10-ым		
10-е	»	11-ым		

С точки зрения содержания, наиболее оправдано расположение последнего сказания, подводящего итог всему повествованию. В прошлом сплоченный и живший в согласии, большой огузский *иль* раздирают междоусобицы, рушится основа единства, необходимого для отражения врагов. Эта мысль, пронизывающая все сказания «Китаби», как бы символизирует конец огузского века.

Тематически в особую группу объединяются 5-е, 6-е, 7-е, 8-е и 9-е сказания. Они восходят к западной эпической культуре и были созданы, очевидно, на новой родине огузов. Особняком стоят 5-е и 8-е сказания, основу которых составляет мифологический сюжет.

Сказания «Китаби» композиционно мало отличаются друг от друга. Однако в ряде сказаний отсутствует экспозиция (например, в 5-ом, 6-ом, 8-ом и 12-ом) и изложению основного сюжета не предшествует какое-либо вступление. Остальные сказания по типу народно-эпических дастанов начинаются с экспозиции, являющейся вводной частью сюжета, которая как бы мотивирует развитие излагаемых в дальнейшем событий. Так, например, первое *огузнаме* начинается с описания пира в ставке Байындырхана, на котором происходит разговор о бездетности Дирсехана. Во втором *огузнаме* описывается аналогичный пир, устроенный Казаном. Возбужденные вином, беки отправляются на охоту, не позаботившись о надежной охране юрт. Далее разворачиваются события, логически вытекающие из зачина и составляющие основную сюжетную линию. Однако логическая связь между экспозицией и сюжетной канвой не всегда отчетливо прослеживается. Так, экспозиция первого *огузнаме* не имеет прямого отношения к дальнейшим событиям, описываемым в данном сказании. В экспозиции подчеркивается отрицательное отношение Байындырхана к бездетным бекам, что заставляет Дирсехана вымаливать у бога сына. Однако далее Байындырхан неожиданно исчезает с арены описываемых событий, и сюжет развивается уже в ином плане.

² «Туркестан» — условный термин, которым обозначается местопребывание огузов до их переселения на Запад.

В третьем *огузнаме* экспозиция аналогична описанной. На пиру у Байындырхана выясняется, что у одного из беков нет сына, а у другого — дочери. Байындырхан и другие беки своими молитвами вымаливают детей для этих беков. Дальнейшие события развиваются в логической связи с зачином.

Эмоциональная кульминация достигается в описании основной темы. Предельной выразительностью и экспрессией характеризуются песни озана.

Композиционно финалы всех сказаний строятся по единой схеме: Деде Коркут каждое из них заключает посвящением основному герою сказания. На финале некоторых сказаний явно сказалось влияние мусульманской мистической лирики, например:

Anlar dāxi bu dūnjaja g'āldi g'ečdi
 Kārvan kibi qondy kōčdi
 Anlary dāxi, āžāl aldy, jer g'izlātdi
 Fani dūnja kimā qaldy
 G'ālimli g'edimli dūnja
 Son užu ölümlü dūnja³

'И они пришли в этот мир и ушли,
 Как караван, остановились, снялись и ушли.
 И их похитила смерть, скрыла земля.
 А бранный мир стоит по-прежнему.
 О мир, в который приходят и уходят,
 О мир, конец которого — смерть'.

Столь печальные думы, как правило, завершаются традиционными обращениями Деде Коркута к богу с молитвой и мольбой.

Стройная композиция сказаний «Китаби» подчеркивает художественные достоинства этого произведения. Каждое сказание построено так, чтобы интерес читателя или слушателя к нему не ослабевал. Этому способствуют неожиданные повороты фабулы, острый сюжет. Так, например, в четвертом сказании Казан во время пира жалуется на молодость и неопытность сына в ратном деле. Эта сцена неожиданно сменяется нападением врагов на мирно охотящихся беков. Стремясь уберечь неопытного сына от опасности, Казан оставляет его на возвышенности, а сам бросается в сражение, как бы демонстрируя перед сыном и мастерство ведения боя. Здесь следует резкий поворот сюжета: сын нарушает запрет отца, присоединяется к сражающимся. Отец устремляется на выручку. И здесь новый неожиданный поворот сюжета: на помощь поспекает отряд воинов, возглавляемый женой героя. Подобная сюжетная острота характерна почти для каждого из двенадцати сказаний.

Сказания «Китаби» слагались, видимо, в период завоевательных походов огузских племен. Преобладающее большинство сказаний носит приключенческий, связанный с военными походами характер; только шестое и частично третье *огузнаме* отдаленно напоминают рыцарские романы. Но и в этих случаях, в соответствии с самобытной сказочной традицией огузов, в роли бесстрашного героя и рыцаря часто выступает женщина. В этом отношении характерны, например, третье *огузнаме*, повествующее о встрече героя с красавицей Бану-Чи-

³ ДКК, т. I, стр. 94 (D 34, V 19).

чек, и шестое *огузнаме*, показывающее физическую силу, выносливость женщины, знание ею ратного дела. Вместе с тем в «Китаби» последовательно проводится мысль о превосходстве мужской силы.

Военно-приключенческие сюжеты «Китаби» развиваются обычно с незначительными отклонениями от основной темы. Эти отклонения выражаются во введении нового эпизода или сюжетного мотива. Так, в первом *огузнаме* отклонением от основной темы, как уже отмечалось, можно считать экспозицию; в четвертом *огузнаме* — мотив бегства героя от врагов, навлекающего бесчестие на семью; в шестом — эпизод спасения героя его женой; в десятом — глумление Казана над покойниками и эпизод публичного поношения Казаном знати иноверцев — гяуров.

В некоторых случаях наблюдается вплетение в основной сюжет дополнительных сюжетных линий или возникновение параллельного сюжета: в первом *огузнаме* — пленение Дирсехана с его дружиной и последующее освобождение героев; во втором — бой пастуха Казана с гяурами; в третьем — основной сюжет четко расчленяется на два самостоятельных, однако с общим героем. Как правило, параллельные сюжеты хорошо сочетаются с основной темой, в известной мере дополняя ее, и, за редким исключением, не нарушают композиционной стройности повествования.

Сказания «Китаби» носят характер исторического повествования без излишней гиперболизации и идеализации. Только в двух из них (5-ом и 8-ом) доминируют фантастические и сказочные элементы. Так, в пятом *огузнаме* основной герой вступает в единоборство с мифическим (библейско-кораническим) Азраилем, который в соответствии со сказочной традицией обладает даром перевоплощения.

Особенно близко к волшебным сказкам и народным дастанам восьмое *огузнаме*, основной герой которого (Депегёз) — фантастическое существо, родившееся от женщины-пери (образ, присутствующей почти во всех волшебных сказках и дастанах) и пастуха.

* * *

Из художественно-изобразительных средств, свойственных сказаниям «Китаби», заслуживает внимания система традиционных эпитетов — имен прилагательных, определительных существительных или сложных определительных именных конструкций, выражающих типический признак предмета.

Наряду с единичными постоянными эпитетами типа «сирийский зонт», «орлиные кони», «породистые скакуны» и т. п., выделяющими определенные характерные качества или свойства предмета, в «Китаби» большую художественную нагрузку несут групповые постоянные эпитеты, обладающие яркой изобразительностью и поэтичностью. Эти постоянные эпитеты своеобразно дифференцированы по функциям. Иногда они состоят из двух элементов, каждый из которых подчеркивает то или иное качество предмета, например: *Tavla tavla šahbaz atlar* 'Табуны орлиных коней', *Qatar qatar qyzyl dävälär* 'Цепью идущие красные верблюды', *Wojny uzun bädävi atlar* 'С длинной шеей породистые скакуны'.

Наибольший интерес представляют развернутые эпитеты, часто сопутствующие именам выдающихся героев. Они перечисляют не только черты, присущие герою, но и его подвиги. Полный и колоритный развернутый эпитет характеризует Казана:

Tulu quşun javrusu, bāzā misqin ümüdi,
 Amit sujung aslany, Qaraşuyung qaplany,
 Qongur atyn ijāsi, xan Uruzung aʻasy,
 Bajyndyr xanyng g'üjäg'üsi, qalyn oʻyuzung dövlāti,
 Qalmyş jig'it arxasy Salur Qazan⁴

‘...детеныш птицы Тулу, надежда грешных бедняков,
 Лев с (берегов) реки Амыт, тигр из Карачука,
 Всадник каурого коня, отец хана Уруза,
 Зять Байындырхана, богатство всего огузского иля,
 Опра остальных джигитов — Салор Қазан’.

Аналогичный развернутый эпитет (цепочка эпитетов) предпосылается именам почти всех героев «Китаби». В некоторых случаях подобные эпитеты дают определенное представление об эпической биографии того или иного героя, однако они не характеризуют внешний облик и душевные качества героя, поэтому условно их можно было бы отнести к функциональным эпитетам.

В «Китаби» умело используются эпитеты для изображения внешних и внутренних привлекательных черт того или иного персонажа. Вот, например, описание внешности рабынь-танцовщиц:

Toquz qara g'özlü, xub jüzlü, saçy ardyna üzlü, köksy qyzyl düg'mäli,
 älläri bilag'indän qynaly, barmaqlary nig'arly mähbub kafyr qyzlary⁵.

‘Девять чернооких, прекраснлицых красавиц, дочерей гяуров, с волосами, ниспадающими на спину, с красными пуговками на груди, с руками, крашенными хной по самые кисти, с пальцами, разукрашенными перстнями’.

В этой цепи эпитетов нашло выражение представление о женской красоте древних огузских беков, перекликающееся с аналогичными представлениями других восточных народов, в частности соседей огузов — иранцев.

В отличие от дастанов почти все эпитеты в «Китаби» тюркские, об этом говорит и их лексический состав, например: «меч» определяется словом *kaqa pulad* ‘вороная сталь’, «ковер» — словом *ipäk* ‘шелк’. На огузско-тюркское происхождение этих эпитетов указывает грамматическая позиция определяемого слова. В соответствии с нормами тюркских языков эпитеты располагаются в препозиции, хотя в отдельных случаях они встречаются и в постпозиции (например, «пестрый ковер шелковый»), что можно объяснить лишь влиянием персидского языка.

В «Китаби» встречаются иногда эпитеты обличительного или порочащего содержания. Им также присущ постоянный характер. Эти эпитеты выражают негативное отношение огузов не только к врагу, но и к его вере. Часто враг определяется постоянным эпитетом *sasy dinlü kafyr* ‘вонючей веры гяур’.

Система сравнений в «Китаби», в противовес системе эпитетов, не очень обширна и в большинстве случаев вводится посредством союза «как»: «Остановились и снялись, как караван».

Прозаическая часть «Китаби» представляет собой повествование, ведущееся в прошедшем времени. Вступительная часть почти всех ска-

⁴ ДКК, т. I, стр. 95 (D 35—36, V 53).

⁵ Там же (D 36, V 53).

заний дана в давнопрошедшем времени с зачином: *bir g'ün* 'когда-то, однажды', подчеркивающим отдаленность излагаемых событий.

Приведем пример:

*Bir g'ün Qam Ған оғлы хан Байындыр јеріндән турмышды, шәми g'ünlüg'i јер жүзүнә дикдирмишди ала сажваны көк жүзүнә ашатмышды бин јердән ipäk халыҗасы дөшәнмишди*⁶.

'Однажды сын Қам-Гана хан Байындыр встал со своего места, велел поставить свой сирийский зонтик, велел поднять до небес пеструю палатку, в тысячи местах были расстелены его шелковые ковры'.

В этом отрывке глаголы употреблены исключительно в форме давнопрошедшего времени. На давность событий в «Қитаби» указывают и отступления от сюжета, выражающиеся в ремарках озана, например: *Bir јазуп bir g'üzin буғайла буғайу савашдығурларды* 'Однажды весной, однажды осенью верблюда заставляли драться с быком' или: *Оғуз заманында bir јиг'it ki evlänsä ox атарды оху нә јерә дүшсә anda g'ärdäk dikärdi*⁷ 'В век огузов, когда джигит женился, он выпускал стрелу, где падала стрела, там ставил свадебный шатер'.

Подобные ремарки свидетельствуют о том, что многие древнеогузские традиции к моменту их письменной фиксации в сказаниях были уже позабыты и стали непонятными современникам озана на новой родине огузов.

* * *

По языку и стилю «Қитаби» представляет собой произведение, написанное на материале фольклора огузов. К сожалению, до нас не дошло имя автора, нет сведений и о той среде, в которой сказания подверглись литературной обработке.

Первые строки памятника показывают, что автор был знаком не только с огузским фольклором, но и с литературой о прошлом огузов. Высказывания автора о Коркуте во введении «Қитаби» почти дословно совпадают с характеристикой последнего, встречающейся во многих исторических памятниках, в частности в труде Языджиоглу Али (XV в.). Материал введения обнаруживает много общего с книгой (также анонимного автора), известной в научной литературе под названием «*Atalar sözü*» («Пословицы и поговорки»).

В «Қитаби» немало фразеологизмов и лексических особенностей, свидетельствующих об использовании литературно обработанных фольклорных материалов. Первая фраза «Қитаби», например, представляет собой традиционное обращение к богу, которым начиналась любая книга на мусульманском Востоке (по аналогии с началом всех сур Корана): *Bismillah ägrähman ägrähim* 'Во имя бога всемилостивого, всемилосердного'. Однако анонимный автор дополняет эту формулу собственным: *vä bihi nästain* '... и к его помощи мы прибегаем'.

Если в начале введения использован материал, заимствованный из народного творчества, то два последующих больших его раздела не имеют ничего общего с фольклором огузов и написаны под влиянием многочисленных произведений апологетов ислама и широко распространен-

⁶ ДКК, т. I, стр. 77 (D 10, V 6).

⁷ Там же, стр. 129 (D 89, V 32).

ной в феодальной среде литературы, изображающей женщину в негативном свете.

Книжные элементы в «Китаби» часто представлены ритуальными выражениями, связанными с культом ислама. В то же время лексика «Китаби» не носит каких-либо явных следов литературного влияния, хотя она и не сугубо фольклорная. Так, например, часто смерть того или иного героя передается глаголом *šāhid oldy* 'пал жертвой', заимствованным из клерикальной литературы («пал жертвой за веру»).

В «Китаби» встречаются такие стилистические обороты, как «короче говоря», и другие, заимствованные из арабского языка и не свойственные языку огузского озана, фразы. Параллельно с этим употребляется и более образное, чисто тюркское клише: *At ajaу küläk ozan dili žüväk olug* 'Нога коня быстра, язык певца проворен'. «Китаби», возникшее у огузов в период раннего средневековья, наиболее полно сохранило лексико-стилистические особенности этой среды. Примерно из 2.500 лексем этого произведения около 300 арабского и 145 персидского происхождения. Вместе с мусульманским культом в язык огузов вошла и соответствующая лексика, например: *āmin* 'аминь', *kafyr* 'гяур', *dārviš* 'дервиш', *mūsūlman* 'мусульманин', *namaz* 'намаз', *mäsčit* 'мечеть', *kilisā* 'церковь' и пр.

Характерно, что иноязычная лексика заимствовалась не в результате литературного влияния. Войдя в фонд разговорного языка, она воспринималась слушателем любого уровня без особых затруднений. Лексика основного языкового фонда «Китаби» также исключительно народно-разговорная. По-видимому, анонимный автор лишь добросовестно воспроизвел услышанные от народных певцов древние сказания.

Огузы, приняв ислам, еще на ранней своей родине приобщились к общемусульманской культуре, утвердившейся в быту в форме религиозных обрядов и культовых предписаний, что находит подтверждение в «Китаби». Однако при этом огузы сохраняли в обиходе и старые понятия, связанные с их языческими представлениями.

Так, например, весьма часто в «Китаби» общемусульманский бог (аллах) именуется *tangry* 'небо'. Небу поклонялись домусульманские тюрки. Весьма примечательно, что при этом употреблялся и арабский эпитет *tāala*, как правило, сопровождавший слово *allah*. Таким образом, наряду с распространенным у мусульман обращением *allah tāala* огузы употребляли также и *tangry tāala*.

Мусульманское влияние на лексику «Китаби» можно видеть также и в характерном фольклорном клише, используемом при описании встречи героев с сильным врагом-гяуром:

*Qazanbäg' g'ördi kim kafyr qaty jaqlandy, atyndan indi ary sudan abdäst aldy, aу alnyn jerä qody, iki rükät namaz qyldy, ady g'örklü Muhammädi jad g'ätürdi, qara dinlü käfyra g'öz qarartdy*⁸.

'Казанбек увидел, что гяуры подошли очень близко; он сошел со своего коня, чистой водой совершил омовение, приложил свое белое чело к земле, совершил намаз в два поклона, вспомнил Мухаммеда, чье имя славно, метнул злой взгляд на гяура черной веры...'

Обряд мусульманской молитвы связан с новой для огузов арабо-персидской лексикой: *kāfir* (араб.), *abdäst* (перс.), *rükät* (араб.), *namaz*

⁸ ДКК, т. I, стр. 160—161 (D 132, V 73).

(перс.), *jad* (перс.). Встречается в этом тексте даже калька персидского глагола — *jad g'ätürdi* 'вспомнить' (перс. — *jad ävârdân*).

К традиционным мусульманским молитвам и пожеланиям восходят формулы, которыми Деде Коркут завершает многие сказания. Приведем наиболее полную из них:

Qarly qara taylarung jyqylmasun, kölg'äližä qaba ayažyng käsilmäsün, qamyn aqan g'örklü sujung qurymasun, qadyr tangry säni nâmärdä möhtaž etmäsün, çaparkän aγ boz atyng büdrimäsün, çalyşanda qara pulat öz qylyžyng g'edilmäsün, dartyşarkän ala g'öndärüng uvanmasun, aγ saqqallu babang jeri uçmaq olsun, aγ birçäklü anang jeri behişt olsun, axyr songy aru imandan ajyrmasun, ämin dejänlär didar g'örsün, aγ alnungda beş kälmä duä qylduq qabul olsun, allah verän ümüdüng üzülmäsün, jyuyşdursun dürişdürsin g'ünahlaryn ady g'örqlü Muhämmäd Mustafa jüzi sujuna bagyşlasun⁹.

'... твои снежные черные горы да не сокрушатся; твоё тенистое, крепкое дерево да не будет срублено; твоё ярким блеском текущая, прекрасная река да не иссякнет; да не заставит тебя всемогущий бог прибегнуть к (помощи) злодеев!¹⁰ Пусть твой светлосивый конь, скача, не устанет; пусть твой чёрный булатный меч, ударяя, не затупится; пусть твоё пестрое копьё, поражая, не сломается! Да будет жилищем твоего седобородого отца горная обитель; да будет жилищем твоей седокудрой матери рай! Да не разлучит их (бог) до конца с чистой верой; да увидят лик (божий) говорящие аминь! Ради твоего белого чела мы совершили молитву из пяти слов, да будет она принята! Да не будет обманута твоя данная богом надежда, да соединится в одно и стоит твердо! Да простит бог твои грехи ради лика Мухаммеда, чье имя славно.'

В первой части этой тирады упоминаются реалии огузского быта — горные кочевья, военные доспехи богатырей и дерево — тотем. Вторая часть воспроизводит мусульманские стилистические формулы, частично сохранившиеся и во фразеологии потомков. Характерно, что лексика первой части в основном тюркская, тогда как вторая часть насыщена арабо-персидскими элементами. Весьма примечательно, с этой точки зрения, обращение к богу с мольбой о помощи в схватке с сильным врагом:

*Jüžälärdän jüžäsin jüžä tangry
Kimsä bilmäz nežäsin g'örklü tangry
Sän ädama taž urdung
Sejtänä länät qyldyng
Bir suždan ötri
Därg'ahdan sürdüng
Ibrähimi tutdurdung
Ham g'önä çolgadung
G'ötürüb oda atdyrdyng
Ody bostan qyldyng
Birlig'ingä sygyndym
Aziz allah, xožam mängä määdä¹¹*

'Ты выше всего высокого, высокий боже,
Никто не ведаёт, каков ты, светлый боже.

⁹ ДКК, т. I, стр. 115 (D 66, V 68).

¹⁰ Эта фраза поныне популярна среди части азербайджанцев.

¹¹ ДКК, т. I, стр. 224 (D 251).

Ты возложил венец на Адама,
 Ты наложил проклятие на Сатану
 И за одну вину
 Прогнал из чертогов.
 Ты дал схватить Авраама,
 Ты дал завернуть его в сырую шкуру.
 Затем дал бросить его в огонь.
 Но огонь превратил в цветник.
 Я положился на тебя, единого бога.
 Светлый боже, господин мой, помоги мне'.

Это обращение изобилует мусульманскими формулами, именами из библейско-коранической мифологии и фарсизмами: *tāž* 'корона', *dārg'āh* 'престол', *bostan* 'цветник', *ха́жа* 'господин' и т. д.

Привлекает внимание и другая весьма любопытная деталь отрывка: начальная фраза *Jūžälärdän jūžāsın jūžä tangru* рождает ассоциации, связанные с доисламским верованием огузов; обращаясь к богу-небу, они употребляли, очевидно, именно этот эпитет, естественно звучащий в обращении к богу-небу, и несколько необычный при обращении к вездесущему, по представлениям ислама, мусульманскому аллаху. Здесь сохранилась не только огузская лексика, но и упоминаются древние языческие обряды. Соответственно этому в двух стихах обращения иноязычные слова полностью отсутствуют.

Иноязычная лексика входила в обиход у огузов в период создания «Китаби» главным образом через персидский язык. Даже арабские слова заимствовались огузами через персидское посредство. В тексте «Китаби» имеется немало персидских и арабских слов и терминов административного, социально-экономического и в меньшей степени бытового характера. Так, Байындырхан и Казан имеют каждый свой диван (*divān*), где принимают беков при решении важных вопросов. *Диван* — персидское слово, означавшее резиденцию шахов и крупных феодалов. Именно здесь разрешались все государственные дела и вершился суд. Очевидно, в этом же значении оно вошло и в лексику огузов. Интересную деталь сообщает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, описывая местность под названием *Divāni Qazan* («Диван Казана») в провинции Сиваса: «Карда — 12 часов от Кермаболы., там живут энергичные, видные, смелые турки. Все четыре стороны до южной части города Канкри — благоустроенные районы. Здесь проживает 40—50 тысяч тюрок... местности Кызыл Узу, Аладже Узу, Ала диван, Один диван, Два дивана, Три дивана., короче говоря, до семи диванов. Все они расположены на горах. Турки их называют диванами потому, что во времена Сельджукидов, когда султан Алаэддин, будучи беком Болы, завоевал эту горную местность, он здесь бил в барабаны и устраивал диваны для умиротворения населения. Вот почему и теперь эти места называются диваном»¹².

Помимо объяснения термина «диван», Эвлия Челеби дает и ценные сведения о далеких огузо-сельджукских временах и событиях, отражение которых мы находим в «Китаби». Часто иранцы слово *диван* употребляют в сочетании со словом *даргах* — *divān dārg'āh*. В «Китаби» второй компонент встречается лишь один раз и то в связи с обращением к богу. Слово *dārg'āh* 'престол', очевидно, в условиях кочевья было непо-

12

اولياچلبی سياحت نامه سی، استانبول ۱۳۱۴، جلد ۲، ص ۱۷۵

нятым. По той же причине в «Китаби» отсутствует и другой термин — *darbağ* 'дворец, царский двор'.

Само слово *kāfug* 'гяур, неверный', часто встречающееся во всех сказаниях «Китаби», заимствовано у арабов одновременно с принятием ислама, очевидно, еще на ранней родине огузов. Об этом говорит хотя бы то, что огузы так называли не только христиан, непосредственных и единственных соседей огузов в Малой Азии и на Кавказе, но и всех язычников. В частности, в девятом *огузнаме*, в диалоге между огузским богатырем Эмраном и так называемым гяуром, встречается слово *butxānā* (перс.) 'скопище идолов'. Так называли огузы на своей древней родине соседние территории, населенные буддистами, шаманистами и другими язычниками.

Так же через персидское посредство проникло в лексику огузских беков слово *tejxapā* 'питейный дом'. Как известно, у древних иранцев религия (зороастризм) не только не запрещала хмельные напитки, но и предписывала употребление обрядового напитка — *хома*. Недаром в «Шахнаме» Фирдоуси (кстати, и в огузском эпосе «Китаби», а также в «Кероглу») богатыри перед выступлением в поход и после его завершения устраивали пиры, на которых в огромном количестве поглощались хмельные напитки. Очевидно, этими традициями объясняется возникновение питейных домов — *майхане*, которые позднее получили у огузов широкое распространение¹³.

По всей вероятности, огузы принесли на Кавказ и слово *mālik* (араб.) 'правитель, феодал', употребляемое в «Китаби» иногда в качестве титула вражеских правителей. Своих вождей и правителей огузы называли исключительно тюркскими терминами: *хан, бек, беклербейи*, а героев и богатырей — тюркско-монгольскими: *эр, йигит, делю, бахадур*.

Иногда в «Китаби» Байындырхан величается персидским титулом *падишах*.

В «Китаби» некоторые вражеские правители, а также правитель Трапезунта именуются огузами армянским словом *таговор*.

Хотя основу сказаний «Китаби» составляют военные события, употребляемая в поэме военная терминология весьма скудна и преимущественно тюркская, однако встречаются заимствования, главным образом персидские. Так, наряду с чисто тюркским словом *qatı* 'заповедник', 'западня' встречается и персидская параллель *dam*. Пограничная служба у огузов обозначена тюркским словом *qaravul* 'караул, дозор'.

Оружие, которым пользовались огузы, было довольно примитивным: *ok* или *ox* 'стрела', *gundur* 'копье', с определением *al* 'пестрое', *jaj* 'тетива', с определением *aγ tozlu qatı jaj* 'сильно натянутая тетива, покрытая белой пылью' (определение *aγ tozlu*, вероятно, указывает на то, что в древности тетиву натирали каким-то белым веществом, оставлявшим на ней следы, возможно, канифолью или воском), *saban* 'праца'. Иногда стрела определяется как *iç rāglü* 'трехперая', *dāmügdān* 'наконечник из железа', *qalqan* 'щит', *quluç* 'меч' обычно с подчеркиванием его качества «меч из вороной стали». Единственным названием оружия, заимствованным огузами у иранцев, было *g'ürz* 'булава'. Возможно, это оружие отсутствовало у самых древних тюрков. При этом *гурз*, как правило, сопровождается определением *alti rāglü* 'шестиперая'. Слово *rāg* 'крыло' также персидское. Примечательно, что древние иранцы булаву также

¹³ Правда, не исключено, что огузы обывай предаваться веселью перед боем или походом заимствовали у своих новых христианских соседей. Эта традиция нашла отражение в европейских рыцарских романах.

часто называли шестиперой. Само понятие «оружие» у огузов выражается тюркским словом *jaḡaq*. Однако этим же словом ими обозначалось дорожное снаряжение *jol jaḡaqunu g'ördülär* 'снарядились в путь'. Понятие «воевать» у огузов «Китаби», как правило, обозначало священную войну с гяурами, поэтому война сама обозначается арабским словом *ḡāzā* 'священная война': *ḡāzā etmä* 'воевать'. «Конюшня» у огузов обозначалась словом *tavlä, tölä* (очевидно, от арабского *tävilä*), а старший конюх, видное лицо в огузском иле — персидским словом *imḡaxur* (метатезированное персидское *miḡaxur*). Персидским же словом *žāsus* 'разведчик, шпион' огузы называли вражеских лазутчиков и представителей пограничной охраны.

Текст «Китаби» весьма беден и коммерческой лексикой. Даже само слово *купец* заимствовано из персидского (*bāzārgan*); дары, подносимые хану, назывались персидским словом *ätmäḡān*.

Вместе с тем в тексте можно встретить и тюркское слово *sävqat*, и, очевидно, древнетюркское название купца и караванщика *aḡuḡš*:

Alang alçaq hava jerdän g'älän aḡuḡš
Bäg' babamung qadyn anamung sävqaty aḡuḡš¹⁴

'Из-за долин и высоких мест ты приходишь, купец.
Подарок от моего бека-отца, матери-государыни моей'.

Коммерция у огузов-кочевников не была развита. Об этом говорит и то, что в «Китаби» совершенно отсутствуют такие слова, как *караван*, водитель караванов *сарбан* и т. д., часто встречающиеся, например, в «Кероглу». Огузы «Китаби», очевидно, пользовались услугами пришлых купцов (возможно, из среды азербайджанцев-аборигенов), которых при необходимости отправляли за товарами в другие страны, как, например, в третьем *огузнаме*.

Социальная и географическая лексика произведения также небогата. Словом *il* (*эль*) обозначались огузские поселения в Малой Азии и Закавказье: встречаются также слова *tümän* 'область, район', *tajfa* (араб.) 'племя', *jurt* 'родина', вместо которого иногда употребляли и арабское слово *vätän*, вкладывая в него и понятие оседлости.

Кочевой образ жизни нашел отражение в таких словах, как *jajlaq* 'летовка', *qyşlaq* 'зимовка', и все это *qarşu jatan qara taḡ* '... на впереди лежащей Черной горе'¹⁵.

По существу экспозиции всех сказаний, как и описания пиров, насыщены лексикой, характеризующей кочевой быт.

Иноязычная бытовая лексика в «Китаби» встречается сравнительно редко и представляет собой главным образом персидские заимствования. Эта лексика используется лишь в художественно-стилистических целях — в образных выражениях типа *g'özününg jaşu gävān oldu* 'у него потекли слезы': здесь *gävān* персидское слово, а глагол *gävān olma* — калька персидского глагола *gävān šodän*. Встречаются и курьезные случаи, когда персидское слово приведено с тюркской параллелью этого слова: *Ol obada bir jaxşu xub jig'it sajru düşmüš idi*¹⁶ 'В том ауле заболел один добрый-предобрый красивый джигит'.

Здесь автор слово *jaxşu* решил, очевидно, усилить персидским синонимом.

¹⁴ ДКК, т. I, стр. 133 (D 95, V 35).

¹⁵ Там же, стр. 139 (D 102, V 40).

¹⁶ Там же, стр. 177 (D 155).

Кальки персидских слов, в особенности сложных и составных глаголов, в «Китаби» встречаются довольно часто. Определяющим в этом случае является образность выражения. Например: *zapum žušä g'äldi*¹⁷ 'Душа моя сотряслась (закипела)' (ср. перс. *bežuš ämäd*). Калькировались не только сложные глаголы, но также сравнения, эпитеты и прочие изобразительные средства персидского языка.

* * *

Народно-эпический характер «Китаби» нашел свое отражение в так называемых стилистических формулах, эпических клише, повторах и параллелизмах, присущих сказкам и дастанному эпосу. Отметим пример традиционного клише, вводящего песенные партии: *Sojlamuš g'örälim xapum pä sojlamuš*¹⁸ 'Запел, посмотрим, хан мой, о чем он запел'.

Фольклорно-стилистической формулой являются выражения «40 джигитов каждого бека» и «40 девиц-наездниц» жены Дирсехана и Казана. Число 40 имеет скрытый магический смысл и упоминается не только в связи с количеством всадников, но и в других случаях, например: *Oplanung qurq g'ündä jarasy öngldi* '... в сорок дней рана юноши зажила'. Другие магические числа 3, 7, 9 встречаются относительно редко. Число 3, как правило, указывает на троекратность действия, встречающуюся и в эпосе других народов. Так, в третьем *огузнаме* герой, много лет отсутствовавший, прибывает на свадебный пир и, выдавая себя за безумного, требует, чтобы перед ним танцевала невеста. Невеста танцует лишь третьей, но герой безошибочно узнает ее.

Почти каждое сказание начинается с эпического клише: *toqsan başlu ban evlärin qara jering üzärinä dikdirmişdi toqsan jerdä ala qaly döşämişdi*¹⁹ 'Велел поставить на черную землю свои девяносто златоверхих шатров, велел разложить в девяносто местах пестрые шелковые ковры' (713). Ковры, составлявшие основное домашнее имущество огузов, занимали большое место в их быту.

Со скотоводческим укладом связаны поговорки, пословицы и фразеологизмы, приводимые в «Китаби», такие, например, как: *A bäg' baba däväža böjümüşsän köşäkzä akling joq*²⁰ '... ростом ты с верблюда, о мой бек-отец, а ума в тебе меньше, чем у верблюжонка'.

Стилистические формулы используются при описаниях охоты беков. Так же как и выступление в поход, выезд на охоту начинается с фразы: *Qongur atun çäkdirdi* 'Велел привести своего бурого коня', далее говорится: *qara taylar üzärinä ava çuqdu* '... ушел охотиться на черные горы'. Затем следует описание действия: *Av avlady quş quşlady suypun kejik juqdu* 'поохотился, убил птиц, уложил упитанных ланей'. Финал охоты передается обычно фразой: *G'ök alang g'örklü çämänä çadur tikdi bir qaç g'ün bäg'lär ilä jedi içdi*²¹ 'На просторах прекрасных зеленых лугов поставил шатер. Несколько дней вместе с беками ели, пили'.

Как правило, в походах и на охоте главного бека сопровождают 300 всадников. Битва описывается формулой: *Başlar kāsdi qan dökdü* '... головы отрубил, кровь пролил'.

¹⁷ ДКК, т. I, стр. 178 (D 157).

¹⁸ Там же, стр. 81 (D 15, V 8).

¹⁹ Там же, стр. 95 (D 36, V 53).

²⁰ Там же, стр. 156 (D 125, V 70).

²¹ Там же, стр. 157 (D 126, V 71).

Употребительна формула сообщения недоброй вести с поля боя: *Qara qara taylardan xəbər aşdı, qanlı qanlı suvlardan xəbər keçdi*²² 'Вести переваливались через черные, черные горы, вести переплывали обогранные кровью реки'. Эта фраза эмоциональна и в интонационном отношении, выражая сильную тревогу. Озаны часто использовали ее в повествовании о трагических событиях. Описывая последствия боя, озан обычно говорит: «... порыдали, постонали».

За редким исключением стереотипно и описание боя. Приведем одну сцену.

*Bu mähəldə oğuz ärənləri alaj alaj g'aldi küpür küpür tavullar naqaralar çalyndy Qazan g'ördü kim läşkär öngünzä bir ağ boz atlu älämlü bæg' dämür tonlu oğuzung öngünzä g'aldi çadyryng dikdirdi alay baglady turdy anung ardynzä Qara Günä g'aldi alaj baylady häman burada Qazan at mejdana sürdi qarym diladi boz atlu Bejräk depdi mejdana g'irdi Qazan burada sojlamyş G'örälim xanym nä sojlamyş*²³ 'Тут пришли воины огузов, отряд за отрядом, громко забили в барабаны и литавры. Казан увидел, что впереди войска, впереди одетых в железную броню огузов прискакал бек на светло-сивом коне, с белым знаменем, велел поставить свой шатер, развернул отряд и занял позицию. Вслед за ним пришел Кара-Гюне, развернул отряд, занял позицию. Тотчас Казан направил коня на ристалище, вызвал борцов. Всадник на сером коне, Бейрак, ударил коня, выехал на ристалище. Казан тут запел. Посмотрим, хан мой, о чем он запел'.

Традиционная формула используется и в изображении потерпевшего поражение героя, и в описании подоспевшей к нему помощи: *Bu mähəldə qalyn oğuz bäq'ləri jetdi g'örälim kimlər jetdi*²⁴.

Перечисление достоинств пришедших на помощь беков завершается рефреном: «Ударь своим мечом, ... я пришел». Повествование достигает кульминации в описании боя:

*Ol g'ün žig 'arindä olan är jig'itlär bölürdi, ol g'ün muxannätlär sapa jer g'özätđi, ol g'ün bir qyjamat savaş oldy, mejdan tolu baş oldy, baş lar käsildi top kibi, šahbaz šahbaz atlar жүg'ürdi naly düşdi, ala ala g'öndärlär süsildi, Qara polat öz qylyčlar çalyndy jalmany düşdi, Uč jäläklü qajyp oqlar atyldy dämräni düşdi qyjamatyn bir g'ünü ol g'ün oldy, bæg' nökä-rindän nökä-r bæg'indän ajryldy*²⁵ 'В тот день герои-джигиты проявили свою доблесть, в тот день трусы высматривали себе укромное место, тот день был днем страшной битвы, поле покрылось головами, головы были отрублены, катились, как шары, скакали орлиные кони, их подковы отлетали; пестрыми копьями кололи, воронеными булатными мечами ударяли, их острие отпадало. Березовые стрелы с тремя перьями выпускались, их железный наконечник отпадал. Тот день был подобен дню страшного суда. Бек был отдален от своего воина, а воин — от своего бека'.

Выразительность описания достигается короткими фразами и точно подобранной лексикой, что сообщает прозаической речи ритмическую организацию.

²² ДКК, т. I, стр. 226 (D 256).

²³ Там же, стр. 240 (D 285—286).

²⁴ Там же, стр. 112 (D 59, V 65).

²⁵ Там же, стр. 114 (D 68, V 66).

Таким образом, даже этот краткий обзор показывает, что «Китаби» является высокохудожественным произведением. Анонимному автору удалось объединить в единое целое различные по темам многосюжетные сказания и воссоздать тем самым художественными средствами материальный и духовный мир кочевников, их социально-бытовой уклад, традиции, образы народных героев, в которых нашли свое воплощение наиболее яркие и характерные черты людей его племени. Этому способствуют также образный язык и строго выдержанный самобытный стиль произведения, развертывание событий в конкретном географическом районе и глубокое знание автором описываемой им среды.

ОНОМАСТИКА

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ

НЕКОТОРЫЕ НАЗВАНИЯ ЛОШАДЕЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Термины коневодства в тюркских языках весьма разнообразны и многочисленны, что объясняется тем местом, которое в прошлом занимали лошади в жизни тюркских народов¹. Анализ и систематизация этих терминов до сих пор еще не стали предметом специального исследования. В настоящей статье нами рассматриваются лишь татарские (литературные и диалектальные) названия и определительные слова, относящиеся к коневодству².

Термины, относящиеся к полу и возрасту лошадей, в татарском языке носят общетюркский характер: аҗуг 'жеребец', асау аҗуг или ййүг аҗугу³ 'племенной жеребец', 'жеребец в табуне кобыл', азтап 'жеребец-нутряк (трудно поддающийся выхолощиванию)', байтал 'еще не жеребившаяся или переставшая приносить потомство кобыла' (от тюркско-монгольского байу-, байта- 'остановиться, перестать, успокоиться'), биҗә 'кобыла' (вероятно, от биҗә, биҗә 'кобыла, имеющая жеребенка', букв. 'барыня, то есть освобожденная от работы'), ту биҗә 'кобыла, предназначенная на убой', қуҗақ 'бесплодная кобыла'; қүлүн, қүлкај, күлкәј, күләш 'жеребенок', қуғуқмуш 'стригунок', тај 'годовалый жеребенок', бағраҗ қүҗүҗ 'стригунок подростый' (букв. 'хвост ковшом'), јабауа тај 'двухлетняя лошадь в период линьки', алаша 'мерин' (в мишарском диалекте — 'лошадь вообще', ср. в словаре «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари ат-лоша 'лошадь вообще', при этом лоша 'мул, лошак')⁴.

Современное татарское ат 'лошадь' в старотатарском языке означало «мерин» (ср. пословицу аҗуг ашкынса ат булур 'если жеребец слишком горячится, быть ему мерином'). Интерференция значений «мерин» — «лошадь» связана с тем, что в древности мерин использовался для выездов, ездить же на кобыле или жеребце считалось неприличным. В прошлом существовало и другое название лошади — јүлқу, перешедшее

¹ См.: E. Hartenstein. Mit der Pferd durch die Jahrtausenden. Berlin, 1956, стр. 106—114; A. Zajaczkowski. Das Pferd nach dem arabisch-kiptschakischen Glossar. — «Central Asiatic Journal», v. 10, 1965, № 3—4.

² Материал для статьи отобран из тюркско-русских словарей, словаря В. В. Радлова, художественных произведений, а также диалектологических словарей татарского языка. Используются также материалы, лично собранные автором.

³ Транскрипция специфических звуков татарского языка й, ү, і, w дана по брошюре Н. А. Баскакова «О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков» (М., 1959).

⁴ Н. Н. Поппе. Монгольский словарь «Мунаддим-ат ал-адаб». М.—Л., 1938, стр. 103, 232.

в современном татарском языке в разряд архаизмов. В просторечии в качестве ласкательного названия лошади употребляется слово *baħbaĵ* (от междометия *baħ-baħ*, которым зазывают лошадей).

В татарском языке существует большое количество терминов, дифференцирующих лошадей по аллюру и назначению: *ĉabuŝqu* 'скакун', *juġu* 'ноходец', *juṛtaq* 'рысак' (*juṛt-* 'бежать рысью'), *ĉaman*, *ĉämän* 'медлительная, вялая' (только о лошади), *ĉaluq* 'резвая лошадь', *ĉagys* 'быстрая, живая, с хорошей реакцией', *mıŋgı* 'выездная', *külük* 'лошадь для упряжки', *jaġaw* 'обученная для состязаний', *aġataq* 'парадная лошадь', *dımli at* 'лошадь, обученная особым манерам', *subaj* 'боевая лошадь', *tulraġ* 'богатырская лошадь'. По внешнему виду различаются: *ĉabaj*, *jabaj at* 'коротконогая, невысокая лошадь', *subaj*, *subaġaj* 'длинноногая и поджарая лошадь', *bükäĉ* 'лошадь с округлыми формами туловища, тяжеловоз', *kümġü at* 'горбоносая лошадь', *jadaw* 'худая, заморенная лошадь', *ĉäläxä* 'кляча'. Одичалую, либо слишком норовистую лошадь называли *aġdaq*, *artaq*, отсюда русск. *артачиться*⁵. Необъезженная молодая лошадь называлась *imñik*, *imñik*⁶.

Названий культурных пород лошадей в татарском языке сохранилось немного. Различались лишь беговые лошади арабской породы *tazu* или *bädäw* (бедуинские). В сказках и легендах употребляются еще слова *dıldül* 'богатырская лошадь' и *ruġaq* 'райская лошадь'. Табун лошадей с жеребцом-вожаком назывался *tuṛ* или *taṛ* (эти слова разнокорневые). Хороший жеребец должен был находиться вблизи *taṛ'a*, но не внутри его (ср. пословицу *jaṛan ajuuġ tabynnan ajuġylmuġ* 'плохой жеребец не расстается со своим табом'⁷).

В татарском языке насчитывается свыше сорока названий мастей лошади: *ak* 'белая', *akbüz* или *buzĉa* 'белесая', *bülan* 'буланая', *buġly*, *buġyl* 'с беловатыми участками на спине', *buz*, *büz* 'пепельно-белая', *bürtä* 'темно-мухортая', *qaltar* 'с белой мордой (халтарая)', *qara* 'черная', *qaŝqa* 'с белой полосой на лбу', *kiġ* 'светло-мухортая', *qıla* 'буланая', *qıñuġ* 'каурая', *qıba*, *quwa* 'бледно-бурая', *kük* 'сивая', *kügät* 'сиво-чалая', *kü* 'светло-серая с еле заметными пятнами', *kügän* 'бурая', *ĉaġu* 'соловая, желтоватая', *taġuyl* 'черно-красная', *tuġu* 'гнедая', *ĉauġ* 'серо-белая', *ĉal* 'чалая', *ĉalqa* 'сиво-чалая', *ĉalqaŝ* 'с белыми пятнами над глазами', *ĉartar* 'с белыми ногами', *ĉil* 'совершенно белая', *ĉülkäg* 'сивая', *ĉuwaġ* 'чубарая', *ĉupu* 'ярко-пестрая', *ĉaġa* 'темно-красная', *ĉigän* 'гнедая; игреневая'. Широко употребляются и сложные образования: *timġil-kük* 'сивая с темными пятнами', *timġil-ĉuwaġ* 'пестрая с неяркими пятнами', *qara-tuġu* 'темно-гнедая', *qara-kuwa* 'черно-бурая (караковая)', *kük-ĉigän* 'сиво-гнедая' и т. д.

Заслуживает внимания наличие в татарском языке особой модели для образования названий оттенков мастей лошадей. Эта модель состоит из слова-детерминатива, означающего предмет, с которым сравнивается масть лошади, и примыкающего к нему слова — названия общей масти. Например, *alma-ĉuwaġ* 'лошадь пестрая, в яблоках', *quġaġ-*

⁵ Р. Г. Ахметьянов. Артачиться. — «Русская речь», 1972, № 5, стр. 115.

⁶ См.: И. Г. Добродомов. К этимологии марийского названия лошади. — «Советское финно-угроведение», 1970, № 4, стр. 253—254.

⁷ См.: «Татар халык мәкальләре», I. Казан, 1959, стр. 727.

čuwar букв. 'огуречно-пестрая (с продолговатыми крупными пятнами)', tǎnkä-čuwar 'монетно-пестрая (с мелкими круглыми пятнами)', jǘldǘz-qašqa 'с звездообразной белой отметиной на лбу', qaп-žigāп 'гнедая, с оттенком цвета крови', žig-qaга 'черная с землистым оттенком', timǘr-kük 'сивая, стального оттенка' и т. п. Эта модель в какой-то мере напоминает модель образования прозвищ героев в тюркском эпосе, согласно которой к слову ег или quz прибавляется слово-детерминатив, означающее либо масть коня, на котором ездит богатырь, либо одежду красавицы, например: Ег-qaга, Ег-таңаš, Ег-taгyул, Quz-žibek и т. п. «Связанными» (относящимися только к лошадям) являются следующие простые слова: burly, bürtä, qaltar, qǘla, күgät, tury, čalqa, čartar, čülkär, žaга. Слова qaška, qǘba (qǘwa), taгyул, čil, čuwar могут употребляться и по отношению к другим домашним животным (например, коровам), слова ak, buz, qaга, qǘгyуг, күk, күgāп, čaгyуг, čal, čuwar обозначают цвет вообще⁸. Слово būlaп означает «собственно олень», а в данном случае «оленьей масти», čil — мездру, которая у тюркских народов считается символом белизны (наряду со снегом и молоком), а слово kig — мамонта⁹ («мамонтной масти»). Слово čyпу в татарском языке вообще означает «китайский»; в киргизском языке čyпу — «блестяще-черный». Применительно к лошади оно употребляется редко (мы обнаружили его в произведениях писателя Г. Теляша). Возникло оно, по-видимому, в связи с встречающимися в Монголии и Китае ярко-пестрыми лошадьми.

В татарском и башкирском языках употреблялись также монгольские названия лошадей по возрасту — qǘпап 'трехлетняя лошадь' и dǘпап 'четырёхлетняя лошадь'.

Обилие названий мастей лошадей в тюркских языках вообще и в татарском в частности возникло в глубокой древности. В богатырском эпосе тюркоязычных народов эти названия встречаются чрезвычайно часто¹⁰. Культ коня не утратил своего значения и при переходе татар к оседлому образу жизни. Характерно, что название беднейшей социальной прослойки общества в татарском языке — jarly-jabaуaj включает слово jabaуaj 'человек без коня' (из монг. jabuуaj 'пеший'), а обобщенное название мужчин — ig-at включает слово at.

Особый интерес представляет историко-семантическая интерпретация названий лошади в тюркских языках. Ниже говорится лишь о названиях, особенно характерных для татарского языка.

1. **Kǘmrǘ.** В татарских диалектах Башкирии это слово означает «лошадь с покатою мордой». Имеется в татарском языке также слово kǘtgǘ, kǘtgu 'горлица (птица)'. По-видимому, эти слова являются лишь омонимами. Kǘtgǘ — название лошади восходит к тат. kǘtmǘgāj 'горбиться в борьбе', башк. kǘtmǘgǘ, kǘtmǘgǘj 'горбатый'. В башкирском,

⁸ О таких названиях мастей см.: Г. Ф. Саттаров. Татар ономастикасында ак һәм кари сүزلәре. — «Татар тел белеме мәсьәләләре». Казан, 1972, стр. 29—41.

⁹ См.: С. В. Иванов. Мамонт в искусстве народов Сибири. — «Сборник Музея антропологии и этнографии». М., 1949; А. И. Новиков. Некоторые аналоги к мамонту из области алтайской этнографии. — Там же.

¹⁰ См.: P. Aalto. Zu den Pferdennamen des Orchon-Inschriften. — «Finno-Ugrische Forschungen», 26, 1946, Heft 3—4.

кроме того, имеется словосочетание *k̄m̄t̄ḡǖ kǖr̄iḡ*, переводимое как «горбатый мост». Таким образом, *k̄m̄t̄ḡǖ at* может, в известной степени, ассоциироваться к Коньком-Горбунком русских сказок.

В татарском языке имеется слово *ḡǖb̄ǖrl̄ī baqa* 'жаба', букв. 'лягушка с *ḡǖb̄ǖr̄*', но что именно означает последнее слово — остается неясным¹¹, хотя и встречаются слова того же корня: *ḡǖb̄ǖr̄ka* 'бугорок на теле жабы', *ḡǖb̄ǖrl̄ä* 'делать бугристым' и т. д. Ср. башк. *ḡǖb̄ǖrḡäj̄el̄*, ног. *k̄ǖbirtkeili* 'жаба, черепаха', тат. диал. *ḡǖbḡän*, *ḡǖb̄ǖḡän* 'большой мешок (из целой шкуры)', кирг. *k̄ȫm̄t̄ḡēi* 'сундучок из верблюжьей кожи', балк. *k̄ǖb̄ǖr̄* 'сундук'. Таким образом, можно заключить, что *ḡǖb̄ǖrl̄ī baqa* или *ḡǖb̄ǖrḡäj̄il̄* означает «лягушка с сундуком». В общетюркском же и монгольском *k̄ör̄iḡ*, *k̄ȫb̄ǖr̄*, *k̄ȫv̄ǖr̄*, *k̄ȫḡǖr̄* означают «кожаный мешок, мех», отсюда и общетюрк. *k̄ȫv̄ǖḡük̄* > *k̄ȫḡǖk̄* 'кузнечный мех' (ср. тат. диал. *k̄ǖḡük̄* ~ чув. *k̄ēḡēk̄* 'шуба'). Переход значения «кожаный мешок» > «сундук» вполне естествен для народов, сменивших занятие кочевым скотоводством на оседлое земледелие. Вполне понятна также связь кожаного мешка с мехом в кузнечном деле. Однако остается не совсем ясным перенос значения этого слова на земноводных и лошадей. Попытаемся дать этому объяснение.

Древние кочевые народы использовали для переправы через большие реки специальные понтоны — связанные между собой кожаные мешки, наполненные воздухом. Сверху на эти мешки настилали доски. Все это сооружение называлось *k̄ȫv̄ǖr̄*, *k̄ör̄iḡ*, откуда и общетюрк. *k̄ör̄iḡ* (кирг. *k̄ȫm̄t̄ḡük̄*) 'мост'.

Таким образом, башкирское *k̄m̄t̄ḡǖ kǖr̄iḡ* означает «мост из кожаных мешков» (а не «горбатый мост»); значение же «горбатый» возникло благодаря уподоблению мешка горбу, а *k̄m̄t̄ḡǖ at* означает, собственно, «лошадь с мешкообразной мордой».

2. *Bädäw*. В ареале первоначального расселения тюркоязычных народов, как известно, обитало несколько подвидов диких лошадей: тарпан, лошадь Пржевальского, чигетай и др. Древняя тюркская домашняя лошадь была их прямым потомком. Это было коренастое животное с несколько непропорционально большой головой и короткой шеей. Со временем здесь стали разводить более крупных породистых лошадей, в том числе аргамаков и арабских. Характерно, что слово *bedcw* у каракалпаков и ногайцев обозначает не только бедунскую (арабскую) лошадь, но и бесплодную женщину. По-видимому, завезенные для разведения арабские кобылы в северных широтах оставались бесплодными.

3. *Bürtä* 'мухортый' имеет параллель в чагатайском — *burta*, *bor̄ta* 'мухорта; вьючная лошадь; олень'¹², в восточных диалектах татарского языка (Сибирь) — *r̄ȫrt̄ǖ*, *b̄ȫrt̄ǖ*, *m̄ȫrt̄ǖ*¹³ 'караковый, мухортый' (очевидно, из монгольского *bōurtaj* 'чалый, серый'; ср. азерб. *būyug* 'верблюжонок', др.-тюрк. *bōyurda* 'лохматый'). Итак, значения этого слова: «вьючная лошадь», «олень»(?); «слабый, хилый» (ср. русск. *мухортый*).

¹¹ См.: А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 153.

¹² См.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 275; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стлб. 1665.

¹³ В. В. Радлов. Указ. словарь, стлб. 1302 и др.

*мухортный*¹⁴). Сюда же относится, вероятно, калмыкское *муурч* (<*moçurti) 'слабый'. Следует поэтому думать, что мухортные (гнедые с подпалинкой) лошади не отличались выносливостью и использовались главным образом как вьючные для транспортировки небольших грузов¹⁵. То есть это была особая разновидность лошади.

4. У тюркоязычных народов имеется и другое слово для обозначения непородистых лошадей: тат. диал., башк. *žabaj, jabaj* 'низенькая, непородистая (о лошади), дикая' ~ каз. *žaba, žebe*, хак. *šaba* (из казахского), кум. *jebe* 'низкая, слабая (о лошадях)'. В ногайской песне поется:

Jal-qıjryk tez biter dep,
Jebeden ajuug qojmaңыз —
Jawça minmege at tuwmas¹⁶

'Не оставляйте племенным жеребцом
Лошадь породы jebe для войны,
Хотя у jebe быстро и густо растут грива и хвост'.

О недостатках лошадей с пышной гривой говорится и в татарских пословицах¹⁷. Нетрудно обнаружить полное тождество признаков *jabaj, jebe* и *bürtä*. Слово *jabaj*, *jabaj* происходит от персидского *jāvai* 'дикий, некультурный' (ср. тат. диал. *jabaju* 'дикорастущая розь', *juwa, jawa* 'дикий чеснок' и т. д.). Следовательно, *jabaj* — это лошадь дикой породы, то есть одомашненная дикая лошадь. Лингвистические данные позволяют составить представление о внешнем облике дикой лошади евразийских степей: небольшая, низкая (коротконогая), с пышной гривой и хвостом, небольшими ушами (ср. межтюрк. *jabalaq* 'филин' < *jabaj qılaq* 'птица с ушами *jabaj*'), мухортой (гнедой с подпалинками) масти.

Можно ли эту лошадь идентифицировать со знаменитым тарпаном? Само слово *tarpan* имеет тюркское происхождение, ср. тат. *tarbylda* 'двигать передними ногами, как бы загребая воздух', кирг. *tagru* 'бить передней ногой', *tarpan* 'лошадь с плохим ходом'. «Плохой ход» тарпана вполне объясняется невысокими породными качествами *jabaj at*, однако более определенные сведения об особенностях тарпана отсутствуют.

5. *Külük* 'лошадь для упряжки (пахоты), обозная лошадь' в татарском языке ныне малоупотребительно. Нам это слово встретилось только у М. Гафури в повести «На золотых приисках поэта» в предложении *irtan külük žigär waqytqa kilir žit*. Однако в прошлом оно употреблялось весьма широко, о чем свидетельствуют значения этого слова в родственных языках: кирг., каз. *külük* 'верховая лошадь', др.-тюрк., туркм. *kölük*, ног., ккалп. *kölik*, каз. *kölik* 'вьючное животное, вьючная лошадь'¹⁸, др.-тюрк. *kölük* 'спина животного' (?), хак. *kölig* 'запряжка', тув. *xülüg* 'связка', бурят. *xülüg, xüleg*, чагат. *külük* 'хорошая рабочая лошадь', монг. *xölög* 'судно; обоз'; 'лошади, запряженные цугом', алт. *kölkö* 'лошадь в упряжке' и ст.-каз. *külük* 'дальняя дорога'; 'телега, обоз'; 'корабль'¹⁹. Особенный интерес представляет наличие вариантов: бурят.

¹⁴ В русской этимологии *мухортный* не рассматривается как тюркское заимствование. См.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 23.

¹⁵ О том, что слабые лошади у тюрков использовались для навьючивания, см.: В. О. Витт. Лошади пазырыкских курганов. — «Советская археология», XVI. М.—Л., 1952, стр. 189—191.

¹⁶ См.: «Ногай халык йырлары». М., 1969, стр. 97.

¹⁷ «Татар халык макальләре», т. 1, стр. 744—746.

¹⁸ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, стр. 131—162.

¹⁹ Там же.

хүлег, якут. көлө 'лошадь, обоз', др.-монг., др.-чагат. kelec (Замахшари, словарь Н. Поппе) 'лошадь', тув. хөл 'путники, гость издалека', 'ездовое животное' и т. д. Это слово восходит, очевидно, к общетюркскому көл- 'запрягать, запрягать цугом, связывать' (отсюда тат. күлүм 'упряжка', период работы на пахоте от запряжки до распряжки); см. чув. күл-, хак. көл- 'запрягать', алт. күл-, күлү-, тув. хүлү 'связывать', монг. хөли, бурят. хүли- 'связывать, запрягать цугом' (монг. хөлле- 'запрягать'), отсюда бурят. хүлиге 'связка, вереница' (см. также русск. *кулига* 'стая птиц') и т. д.

Таким образом, слово күлік первоначально означало «обозную лошадь и обоз». В татарском языке есть и слово күлә 'обозный мешок, куль', очевидно, связанное со словом күлік, а также слово күлча, күләчә 'лепешка, гостинец с дальней дороги'. Судя по параллелям в других тюркских языках, последнее означало когда-то «дорожную провизию». Ср. башк. күлсә, күләсә, кирг. күлчө, туркм. күлче, каз., ккалп. күлше, узб. күлча, уйг. күлчә 'лепешка, тесто, раскатанное для приготовления лапши', 'большой круглый кусок сыра, кругляки сыра, нанизанные на веревку', кирг. күл азык 'провизия для дальней дороги'. Весьма возможно, что слова күлә 'обозный мешок' и күлча, күләчә восходят к древнему күлә-г 'обоз'. Во всяком случае, несомненно, что слово күлік 'обозная лошадь' приобрело значение «лошадь для пахоты» после того, как предки татар перешли на оседлый образ жизни и занялись земледелием.

6. **Бүкәч**. Это слово, очевидно, связано с общеалтайским бөкү 'силач, страшилище, медведь', имеющим в татарском языке следующие филиации: бүгә 'силач, здоровяк'²⁰, мүкәж 'черт', тиҗәј, биҗәј 'страшилище'. Слово бүкәч образовалось, вероятно, путем прибавления к основе бөкә ласкательно-уменьшительного аффикса -ча||-чә и последующей утраты конечного гласного: бөкәчә > бүкәч.

Основа бөкө||бөкү в алтайских языках распространена весьма широко. Ср. якут. тоҥај, шор. тоҗәј, кирг. бөкү, эвенк. биҗи 'медведь, страшилище, силач'; др.-тюрк. (Махмуд Кашгари) бүке 'дракон' и т. д.

7. **Димли ат** означает «лошадь, идущую на зов хозяина». Слово dimli происходит от dim 'уговоры', 'зов, призыв, приглашение', диалектальное значение также «обучение, выучка лошади» (ср. поговорку ат җахшы түгил, җим җахшы, җим үстәнә dim җахшы 'не лошадь хороша, а корм хорош, к тому же выучка хороша'²¹).

Сравните также чув. tim 'охота, желание, стремление, усердие, сознательность', timle 'старательный, внимательный', башк. tim 'уговоры, приглашение', timäwlі 'аккуратный', ног. dem, demew 'помощь, внимание к человеку', каз., ккалп. deme- 'помогать, приглашать, обратить внимание', алт. tem 'пример, обычай, манера, сноровка', teme- 'подражать, проявлять понимание'. Ср. также кирг. dem 'сила, мощь, храбрость, мужество, дисциплина', хак. tim 'готовность, готовый', тув. dem 'совместные усилия, содружество', монг. dem 'способ действия; умение, подход; находчивость; бег лошади, описывающей дугу (о лошади пастуха)'.

²⁰ Ж. Вәлиди. Татар теленең тули аңлатмалы сүзлеге, II. Казан, 1928, стр. 454. Остальные примеры взяты из диалектологических словарей.

²¹ См.: «Татар халык мәкальләре», стр. 744.

Вероятно, сюда же относятся: тат. диал. *dämsen* – ‘почувствовать, проявлять понимание’, *dätmäk* ‘шутка, шутник, балагур’ и лезг., кум. *tet*, *det* ‘танец в кругу, приглашение на танец’. Исходным значением слова *dīm*, *tet*, очевидно, является «взаимопонимание, согласие (между отдельными лицами, между лошадыю и хозяином и т. д.)». Отсюда можно заключить, что *dīmli at* первоначально означало «лошадь, обученную сложным маневрам (например, для военной службы и т. п.)».

Что же касается происхождения слова *dīm*, то этот вопрос требует дальнейшего исследования. Во всяком случае, можно думать, что оно, скорее всего, имеет тюркско-монгольскую этимологию. Возможна, например, связь его со словом *te-* (тат. *dī-*) ‘говорить’.

8. **Sybaј** и **subaј**. Эти термины, относящиеся к лошадям, отнюдь не являются дублетами или фонетическими вариантами одного и того же слова. *Sybaј* обозначает не только боевую лошадь, но также и конного воина. В татарских говорах Башкирии *sybaјly*, башк. *hybaјly* означает «всадник, верховой». Слово *sybaј*, очевидно, имеет исходное значение «конный воин» и восходит к персидскому *širāhi* ‘воин, солдат’, отсюда же и тат., башк. *uspaј*, *uspaјu* ‘аккуратный’. В словаре К. Насыри «Ләһжәи татари» приводятся оба значения слова *širāhi*: 1) «солдат», 2) «аккуратный, скромный, исполнительный»²². Те же значения имеют узбекское *široh*, таджикское *širohi*, а также соответствующие слова других тюркских языков: чув. *sāraј*, *sāra* ‘скромный, аккуратный’, ‘конный воин’, ног. *uspaј*, кум. *usbaјu*, каз. *uzbaј*, *uspaјu*, *suрајu*, кирг. и туркм. *suрајu* ‘конный воин’, ‘благородный, воспитанный, вежливый’. Что касается слова *subaј*, *subaуaј* ‘поджарая, вытянутая, с длинным туловищем’, то оно происходит от монгольского *suba-уaj* (<тюрк.-монг. *suba* ‘быть вытянутым’), ср. совр. монг. *subaј*, *subaуaј* ‘холостой, бесплодный’, кирг. *subaуaј* ‘вытянутый’, *subaј* ‘яловая’, алт., каз., тув. *subaј*, *suvaј* ‘яловая’, карач.-балк., кум. *subaј* ‘тонкий, длинный, стройный, одинокий, непарный, единственный’ и т. д.

9. **Čalyq** (диал. *čalaq*) ‘резвая, задорная»²³ имеет следующие параллели: кум. *čalyq* ‘порывистый, пылкий’, каз. *šalyq* ‘головокружение’, чув. *čalaq*, *čalaq* ‘резвый’, тур. *čalaq* ‘быстрый, юркий’, кумандинск. *čalyq* ‘вздорный’, алт. *čalyq* ‘очень быстрый’, ‘дикий’, чаг. *čalyu*, уйг. таранчинск. *čelig* ‘дикий, горячий’, калм. *saуa*, монг. *čaуaj* ‘очень быстрый; торопливый, живой’.

Из татарского языка это слово проникло в соседние финно-угорские языки: удм. *čalaq* ‘быстрый, внезапный, немедленный’, мар. *calaq* ‘горячий, юркий’. Очевидно, это слово восходит к общетюрк. *čal-* ‘махать’, ‘косить’, ‘быстро нестись’ (со множеством побочных значений во всех тюркских языках).

10. **Čagys** ‘быстрая, очень живая, норовистая’ (впервые зафиксировано в «Ләһжәи татари» К. Насыри). Это слово в татарских диалектах (*čagys*, *čärsän*) имеет различные значения: «дикий», «пугливый», «бешеный», «свирепый» и т. д. Ср. чув. *čigäs* ‘заносчивый, дерзкий, упрямый, норовистый’, узб. *čags* ‘не подпускающий (о лошади)’, кирг. *čagys* ‘скандалист’ и т. д. Марийское *čaguš* ‘бойкий, резвый (о лошади)’ заимствовано из татарского. Это слово, вероятно, связано с общетюрк. *čagča-*, *čärgä-*, *čagsu-* ‘стать невоздержанным; устать; замерзать; застыть в экстазе (о шамане); воодушевляться’.

²² К. Насыри. *Ләһжәи татари*, т. I. Казан, 1894, стр. 191.

²³ Впервые зафиксировано в «Словаре татарского языка» А. Троянского (т. I. СПб., 1833, стр. 481).

11. ^vЗага 'темно-каштановая'. Это слово, по всей вероятности, заимствовано из болгарского, ср. чув. s'ujga, s'угу 'светло-коричневый, каштановый' (о цвете вообще) ~ древнетюрк. jaуuz 'бурый, темный (о масти лошади)'. Следует отметить, что почти все названия лошадей по масти и норову в татарском и чувашском языках совпадают или близки по звучанию, в то время как более общие определения лошадей сильно различаются как фонетически, так и семантически; см. тат. at ~ чув. laža (ср. тат. alaša) 'лошадь', тат. ајууг ~ чув. ујаг 'жеребец', тат. bijä ~ чув. kisge (ср. тат. qusqaq) 'кобыла' и др. Эти лингвистические данные свидетельствуют о том, что близкие контакты между татарами и чувашами установились в более позднюю эпоху, ранее же эти народности жили разьединенно.

Другие слова татарского языка, связанные с характеристикой лошадей, имеют либо общетюркское, либо монгольское происхождение.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Н. КОНОНОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В журнале «Советская тюркология» № 1 за 1974 г. опубликованы две близкие по теме статьи, посвященные проблемам происхождения и образования аффиксальных морфем. Авторы этих работ придерживаются во многом не совпадающих точек зрения на происхождение аффиксов в тюркских языках.

Н. З. Гаджиева и Б. А. Серебренников в статье «Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках», анализируя этимологический состав аффиксов, исходят из следующего положения: сложные аффиксы в тюркских языках состоят из соответствующего числа простых аффиксов (см., например, стр. 3, 8, 9). Эта точка зрения нашла свое отражение и в книге Б. А. Серебренникова «Вероятностные обоснования в компаративистике» (М., 1974, стр. 158, 163—165 и др.).

Этот феномен, позволяющий взглянуть на образование аффиксальных морфем как на фузию, понимаемую как нанизывание однофункциональных аффиксов¹ — нового, продуктивного, на старый, непродуктивный — впервые исследовал В. В. Радлов, назвавший соединение однофонемных формантов в сложный аффикс — гиперагглютинацией².

Образование сложных аффиксов путем сращения однофункциональных формантов широко распространено в языках разных систем и является одной из многочисленных языковых универсалий.

Опубликованная в том же номере статья А. М. Щербака «Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках» начинается следующими словами: «Прежде чем говорить о методах и задачах этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках, необходимо четко и определенно ответить на вопрос о том, осуществимо ли вообще такое исследование и, если

¹ А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 108—120; *его же*. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева». Баку, 1971, стр. 94—101; Г. Ф. Благова. Комбинация аффиксов множественности — исконно алтайская константа или типологический параллелизм? — В сб.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 351—361; И. В. Кормушин. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков. — Там же, стр. 362—365; Z. Korkmaz. Türkçede ek üyülməsi olaylarının meydana gelişi üzerine. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten». Ankara, 1960, стр. 173—180.

² W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie Türksprachen. St.-Petersburg, 1906, стр. 22, 30—33.

осуществимо, то в каком объеме и какова степень его целесообразности» (стр. 31). Указав, что «господствующая тенденция формального преобразования морфологических элементов заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука» (стр. 32), и приведя несколько известных примеров аффиксальной омонимии, А. М. Щербак приходит к весьма ответственному выводу: «Этимологические разыскания в области морфологии малоэффективны из-за того, что достоверность морфемных этимологий обычно не доказуема. Вследствие этого целесообразность сплошного, фронтального этимологического исследования аффиксов, наподобие исследования лексического состава, сомнительна» (стр. 33). И далее автор утверждает: не требует доказательств то, что «морфологические элементы находятся на разных уровнях формального преобразования, что в диалектах и в родственных языках сохраняются промежуточные формы и что поэтому нельзя исключать достижения положительных результатов в отдельных конкретных случаях» (стр. 33).

В этом, так сказать, программном заявлении существенным для понимания основной идеи автора является его указание на нецелесообразность «сплошного, фронтального этимологического исследования аффиксов, наподобие исследования лексического состава».

Говоря о возможных методах этимологических исследований аффиксальных морфем, А. М. Щербак категорически заявляет, что таковых «никогда не было, нет и не может быть, поскольку понятие фонетического закона, или вообще каких-либо закономерностей, к диахронической морфологии, как правило, не приложимо. Однако существуют частные методические приемы, используемые в большинстве своем стихийно для освещения истории преимущественно тех форм, происхождение которых кажется более или менее ясным» (стр. 33).

Утверждение А. М. Щербака о невозможности применения в данном случае морфологических закономерностей — исторических и фонетических, прослеживаемых на диахроническом и синхроническом уровнях как отдельных языков, так и их систем (тюркской ~ алтайской семьи языков), в целом несколько неожиданно. Методические приемы этимологических исследований аффиксальных морфем даны в основном в теории гиперагглютинации В. В. Радлова (см. выше) и развиты, в известной степени, в трудах современных тюркологов.

А. М. Щербак, с некоторыми незначительными оговорками, отстаивает давно подвергнутую сомнению теорию, согласно которой двусложные аффиксальные морфемы «в большей степени, чем односложные, близки к самостоятельным словам, разумеется, если не являются сочетаниями односложных морфем» (стр. 33). Последняя оговорка «если не являются сочетанием односложных морфем» разрушает всё предшествующее построение автора, стремящегося доказать, что ведущим способом образования аффиксальных морфем является грамматикализация самостоятельных слов. «Мысль о развитии агглютинативных показателей из самостоятельных слов, — писал А. М. Щербак в более ранней работе, — не вызывает никаких сомнений вплоть до настоящего времени»³.

Во многих, если не во всех, флективных и агглютинативных языках целый ряд словообразовательных элементов восходит к самостоятельным словам⁴; ср. русск.: *музык-о-вед*, *почв-о-вед* (<'ведать'), немецк.

³ А. М. Щербак. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 19.

⁴ См.: В. Д. Аракин. О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы. — «Филологические науки». М., 1959, № 4, стр. 107—118.

Kaufmann 'купец', *Seemann* 'морьяк' (< *Mann* 'мужчина', 'человек') и др.; это положение подтверждается рядом приводимых автором статьи примеров (стр. 35—36), в толкование состава которых, однако, следует внести следующие поправки: аффикс якутского сравнительного падежа *-tāyaq ~ -dāyaq*, по-видимому, состоит не из сочетания «исходного падежа с каким-то послелогом (*āyaq?*)», а из послелога-уподобления *-daǰ* (*-däg/-däk/-taj...*) > *dā + -yaq* — монгольский инструменталис (?)⁵ или (что более вероятно) тюркский направительный падеж *-yaǰu* > *-yaq*. «Полагают, — писал Л. Н. Харитонов, — что аффикс *-taaǰar* образовался из *-ta + -ǰary*, т. е. возник из аффикса исходного падежа и направительного падежа *-ǰary*»⁶. Что же касается возведения чувашского направительного форманта *-alla* к слову *alä* 'рука', то, конечно, более убеждает предположение И. Бенцинга (см.: стр. 34, сноска 9).

Говоря о необходимости при этимологизации (как слов, так и аффиксов) учитывать план содержания анализируемых объектов, А. М. Щербак в качестве примера наряду с аффиксом *-ǰa* приводит аффикс *-ǰaq*, сопоставляемый со «словом-частицей или послелогом» *āǰaq ~ aǰaq ~ aǰuq*, реконструируемое лексическое значение которого, по мнению автора, соответствует русским модальным словам «чуть-чуть, немного, едва, почти» (стр. 35). Однако, каким путем получены эти «реконструированные» значения, остается неизвестным; в тувинском и хакасском языках, из которых взяты примеры, модальное слово с указанным значением имеет форму *aǰaj* (*арай*).

Ряд тюркологов (О. Н. Бётлингк, В. Банг, Ж. Дени, М. Ряснен, К. Менгес) возводил аффикс *-ǰaq* к слову *ǰaq*, *ǰaq* 'далекий'⁷. По предположению Г. И. Рамстедта и К. Броккельмана, которое разделял и Я. Экманн (указ. раб., стр. 52), аффикс *-ǰaq* < *-ǰa* — аффикс, образующий глаголы от имен *+ -q* — аффикс отглагольных имен⁸. А. М. Щербак не принял во внимание еще одно предположение, согласно которому аффикс *-ǰaq* сопоставляется с уменьшительным аффиксом *-laq* (*~ -ǰaq*) < *ǰ:l + -°q* — два уменьшительных аффикса⁹.

При рассмотрении возможного состава аффикса так называемой «фамильярной» формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа *-ǰil||-ǰil* А. М. Щербак использует давнюю идею: *-ǰil/-ǰil* < *ǰul* 'делать', хотя «на пути указанного сближения, — по его собственным словам, — имеется много препятствий, самое серьезное из которых — отсутствие фактов служебного использования глагола *ǰul* в перифрастических образованиях, включающих деепричастия» (стр. 36).

Обязательным условием соединения двух глагольных образований в единое целое является наличие деепричастной формы первого компонента, чего в данном случае нет.

При попытках разъяснения состава любого слова или форманта непременно следует учитывать все известные формы данного слова, аффикса. Аффикс 2-го лица тюркского императива представлен следующи-

⁵ «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», I, стр. 681.

⁶ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 113. Ср. еще: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 409. *taaǰar* < *-mar + -pak*.

⁷ М. Räsänen. *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprache*. Helsinki, 1957, стр. 108; К. Н. Menges. *Qaraqalpaq Grammar*. Part one. New York, 1947, стр. 66; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 49, 66; см.: J. Eckmann. *Türkçede -ǰaq, -rek ekine dair*. — «*Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten*». Ankara, 1953, стр. 49—52.

⁸ М. Räsänen. *Materialien* ..., стр. 108.

⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 196; J. Denny. *Principes de Grammaire turque* («*Turk*» de Turquie). Paris, 1955, § 41.

ми формами: -γyl/-gil, -γуп/-gin, -γуг/-gir¹⁰; в татарском языке (для выражения различного рода проклятий) используется формант *-гыры/-гере, -кыры/-кере*, в котором «конечный -ы/-е... восходит, по-видимому, к аффиксу принадлежности»¹¹ (с чем, конечно, нельзя согласиться); в башкирском языке этот аффикс имеет формы: *-кыры/-кере, -коро/-көрө*, «напоминающие деепричастные образования»¹²; в диалектах азербайджанского и турецкого языков известны формы на *-гупан/-ginān; -гуна/-ginā* и др.¹³, а также на *-kilān*¹⁴.

В киргизском языке настойчивое побуждение к действию, обращенное ко многим лицам, выражается с помощью аффикса *-ғыла/-фула* (*оқу-фула* 'читайте же!'), который, по мнению И. А. Батманова, состоит из *-ғын+-лар*¹⁵.

Аффиксы -γyl, -γуп, -γуг, вне всякого сомнения, состоят из двух морфем: -γy+-l/-n/-г, первую из которых следует сопоставить с морфемой -γy/-qu, -gi/-ki (-γa/-qa/-gä/-kä) в составе аффиксов будущего-возможного (или предположительного): -γydyq(γ)/-gidik, -γydyj/-gidiy, -γadyq(γ)/gädik, -γadyj/-gädij (<-γy/-γa+-dyq ~ -dyj — аффикс сравнения, уподобления); -γalaq/-gäläk, -γuluq/-gülük [*<-γa/-γy+-laq/-luq — аффикс уменьшительности (?), аффикс собирательности (?)*], а также в составе аффикса многократного действия *-qyла/-kilä, -qala/-kälä*, состоящего из *-qu ≈ -qa+-la/-lä*¹⁶; последний, в свою очередь, по мнению Ж. Дени, разлагается на *-l+-a*¹⁷; фонетическим вариантом аффикса *-la* нередко выступают *-га* (ср. выше татарскую и башкирскую формы) и *-па*.

Формы умеренного приказа в тунгусском языке выражаются с помощью аффикса *-kaI, -keI*, в корейском — *-kega <-kaI+-la (-га)*, где *-kaI* — формант будущего времени=тюркск. *-γai*¹⁸, который в форме *-γa ~ -γy* сообщает основе глагола значение: а) настоящего времени желательного наклонения и будущего времени изъявительного наклонения; б) учащательности. В этой связи следует учитывать весьма важное замечание Г. И. Рамштедта: «Бессуффиксальное повелительное наклонение в корейском языке, как слишком категоричное и невежливое, вынуждено было уступить место другим, более умеренным формам приказа... Если же исходной формой для образования повелительного наклонения служит будущее время (разрядка наша. — А. К.), характер повеления смягчается и приобретает скорее характер волеизъявления, т. е. просьбы или совета»¹⁹.

Признавая, что «возникновение аффиксов не всегда происходило по формуле самостоятельное слово > служебное слово > морфологический элемент» и что «нередко аффиксальные морфемы оказываются сложными, состоящими из двух или трех простых морфем» (стр. 36),

¹⁰ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 206, 208.

¹¹ «Современный татарский язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 240.

¹² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 166.

¹³ М. Ш. Ширалиев. Об этимологии императивной формы второго лица единственного числа *-гупан/-ginān*. — «Советская тюркология», 1973, № 3, стр. 47—48.

¹⁴ Х. И. Мирзазаде. Историческая морфология азербайджанского языка. Баку, 1962, стр. 227—229 (на азерб. яз.).

¹⁵ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III. Фрунзе, 1940, стр. 47.

¹⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 103.

¹⁷ Подробнее см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., § 313.

¹⁸ Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1955, стр. 82; см. также: Ж. Н. Menges. The Turkic Languages and Peoples. Wiesbaden, 1968, стр. 139.

¹⁹ Г. И. Рамштедт. Введение., стр. 82.

А. М. Щербак допускает возможность применения подобного анализа «при условии соблюдения всей строгости доказательств» (стр. 36). Затем, осуждая частое несоблюдение этих обязательных условий, автор не без иронии высказывает сомнение в научной значимости этимологии аффикса множественного числа *-lar/-ler*, аффикса дательного *-ka/-ga* и аффикса исходного *-dan/-den* падежей (стр. 36), разлагаемых некоторыми тюркологами на два элемента.

Членение первых двух аффиксов (*-lar*, *-ka*) на два элемента (*-l+г*; *-k+а*) основывается на известном явлении фузионного сплавления двух или более однородных элементов идентичного или близкого функционального назначения, которое в настоящее время многие тюркологи считают наиболее вероятным путем происхождения агглютинативных формантов.

Наличие трех вариантов формы аффикса исходного падежа: *-da*, *-dan*, *-dun/-ta*, *-tan*, *-tun* «обусловлено, — как пишет А. М. Щербак, — скорее всего особенностями (какими? — А. К.) их происхождения...» И далее: «Имеющиеся в нашем распоряжении факты (какие же именно? — А. К.) дают, например, основание думать, что прототипом различных вариантов аффикса исходного падежа было некое деепричастие **tājyn ~ *tājan* с реконструируемым значением „сторонясь”, „оставляя в стороне” (ср.: послелог *tegin*, *sajyn*, *taγyn*, восходящие к деепричастиям от *teg-*, *saj-*, *tak-*) и что преобразование его происходило как в направлении стяжения (**tājyn > -tyn > -tyn*; **tājan > -tān > -tan*), так и по линии утраты последнего слога (**tājyn ~ *tājan > -tā > -ta*)» (стр. 38).

Примененный здесь А. М. Щербаком явно не удовлетворительный прием этимологизации, основанный на внешнем фонетико-морфологическом сходстве, находится в очевидном противоречии с декларированными им самим же в начале статьи методами этимологического исследования аффиксальных морфем.

А. М. Щербак поддерживает мнение В. В. Радлова, не считавшего, как он пишет, «отсутствие автономной формы исходного падежа в текстах рунической письменности изначальным и выразившего сомнение относительно ее связи с формой местного падежа» (стр. 37—38).

При этом вне поля зрения А. М. Щербака оказалось солидно аргументированное возражение Э. В. Севортяна против этого положения²⁰.

В словоформах типа *oγuzdantan*, *oγuzdajan*, известных из рунических памятников, морфемы *-tan*, *-dan*, *-jan* являются не падежными формантами, а послелогам, восходящими, по-видимому, к слову *jan* (**dan*) ‘бок’; ‘край’²¹; ср.: *bāridānjān*, *oñdānjān* (Тоңжуақ, 11). Кумыкскую словоформу *ердентин* Н. К. Дмитриев рассматривал как сочетание исходного падежа «с своего рода послелогом *тин*»²².

Существует и другая точка зрения, согласно которой «сочетания падежных аффиксов на базе исходного падежа с самого начала имели окказиональный, но никак не регулярный характер. Не раз отмечавшиеся в языке памятников древнетюркской письменности формы типа *taš-dun-dun* ‘извне’, *oγuz-dan-dan* ‘от огузов’ нередко истолковываются как

²⁰ Э. В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках. — «Ученые записки Военного института иностранных языков». М., 1948, № 6, стр. 95—97.

²¹ Г. Н. Рамstedt. Введение., стр. 43, 51; его же. Грамматика корейского языка. М., 1951, стр. 190—191; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 16; С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leyden, 1955, стр. 155—156.

²² Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. Л., 1940, стр. 57.

случаев присоединения „двойных окончаний”. Такая трактовка поддерживается фактами некоторых современных языков»²³.

Исходный п с широкими (-tān/-dan, -tän/-dän) и с узкими (-tīn/-dīn, -tyn/-dyn) гласными, равно как и другие аффиксы с подобным составом гласных, отражают диалектное членение древних тюркских языков²⁴, а потому появление словоформ типа *tasdyntan*, *oγuzduntan* могло быть продиктовано необходимостью их понимания представителями обеих диалектных групп. Г. И. Рамstedт полагал, что аффиксы -dan и -dyn разного происхождения²⁵, что, однако, маловероятно, ибо в таком случае пришлось бы согласиться, что все аффиксы, имеющие «параллельную» огласовку (узкий ~ широкий гласный), разного происхождения.

При разъяснении состава аффикса направительного ~ направительно-дательного падежа на -γaγu/-kaγu... А. М. Щербак отвергает ранее предложенное объяснение этого аффикса (-γa†-γu) «из-за отсутствия доказательств существования в тюркских языках наречного или падежного аффикса -га ~ -гü. Трудно также согласиться, — продолжает А. М. Щербак, — с тем, что данный аффикс появился вследствие переразложения или преобразования деепричастий. Более приемлема гипотеза Н. П. Дыренковой и А. З. Абдуллаева о развитии аффикса -γaγu ~ -kaγu... из самостоятельного слова» (стр. 39), каковым, по мнению названных ученых, является слово *kaγu* ‘предплечье’.

Аффиксы -га ~ -гü с директивным значением широко распространены в тюркских языках, например: *ebimrū bardī* ‘они пошли к моему дому || на мое становище’ (ДТС, 162)²⁶.

Кроме того, происхождение хакасского направительного падежа — -sa < -saγ < saγu ‘сторона’ не может служить подтверждением того, что дательный падеж на -γa ~ -a < -γaγ < -γaγu < qaγu ‘предплечье’. Утверждать, что будто бы все морфологические элементы суть не что иное, как грамматикализация самостоятельных слов, значит следовать проторенным путем давних заблуждений, возвращающим тюркологов (гесп. алтаистов) на бесперспективные позиции умозрительного осмысления непонятных явлений на основании простых звуковых сопоставлений.

Вернемся к статье Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебрянникова, в которой рассматриваются «глагольные аффиксы с модальным значением, характеризующиеся следующей особенностью: они обладают многочисленными омонимами, обслуживающими разные части речи. Исследование этих омонимичных аффиксов показывает, что одно значение логически вполне может быть (по мнению авторов. — А. К.) выведено из другого. Это, по-видимому, не случайное обстоятельство отражает исторический процесс последовательного развития значений аффиксов» (стр. 3).

Здесь несколько настораживает то, что авторы считают возможным логическим путем выводить одно значение из другого.

²³ Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения. (Опыт сравнительно-типологического изучения). — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 67; см. также: В. И. Асланов. (Выступление). — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», том III. Баку, 1963, стр. 209.

²⁴ Подробнее об этом см.: А. v. Gabain. *Alttürkische Grammatik*. Leipzig, 1950, стр. 5; О. Pritsak. *Das Alttürkische*. — *Handbuch der Orientalistik*. Fünfter Band. Altaistik. Erster Abschnitt: Turkologie. Leiden—Köln, 1963, стр. 27—31; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 17—26.

²⁵ Г. И. Рамstedт. Введение., §§ 10, 14.

²⁶ Подробнее об этом см.: М. Lewicki. *Przyrostki przysłówkowe -ra ~ -rā, -ru ~ -rū, -ri ~ -ri*. Wilno, 1938; Г. И. Рамstedт. Введение., § 11.

Аффиксальная омонимия является конечным результатом длительного фонетического развития; так, например, аффикс $\text{°q}/\text{°k}$ сообщает именам существительным значение уменьшительности (в этом случае аффикс имеет огласовку широкими гласными: $-\text{aq}/\text{-äk}$)²⁷, с одной стороны, и образует от глагольных основ имена существительные и прилагательные с большим диапазоном значений (в этом случае аффикс имеет две огласовки: узкую — $-\text{uq}/\text{-ik}/\text{-ük}$; широкую — $-\text{aq}/\text{-äk}$)²⁸; в обоих случаях эти аффиксы — в диахроническом плане или в зависимости от принадлежности к определенному языку — имеют форму с начальным согласным: $-\text{qaq}/\text{-yaq}$, $-\text{käk}/\text{-gäk}$ ²⁹.

Аффикс $-\text{qaq}/\text{-yaq}$... с уменьшительным значением состоит из двух уменьшительных аффиксов: $-\text{qa} + \text{-q} \sim -\text{aq} + \text{-aq}$.

Аффикс $-\text{qaq}/\text{-yaq}$., образующий от глаголов имена существительные и прилагательные, состоит из двух аффиксов: $\text{°q} + \text{-°k}$, причем первый, по всей вероятности, восходит к аффиксу $\text{-°q}/\text{-°k}$, сообщающему основе глагола залоговое — пассивное или медиальное — значение, осложненное оттенками интенсивности, а второй компонент ($\text{-°q}/\text{-°k}$) этого сложного форманта в составе имен существительных имеет ряд значений: имя места, имя орудия и другие, при именах прилагательных он соотносится с «причастным» -°q , сохраняющимся в составе аффикса $-\text{duq}$ ($\text{-°d}/\text{-°t} + \text{-°q}$)³¹.

Аффикс $-\text{taq}/\text{-mäk}$ в ряде тюркских языков известен как показатель инфинитива; в этом случае он этимологизируется как дательный падеж от масдара на $-\text{ta}/\text{-mä}$: $-\text{ta} + \text{-ya} > -\text{taq}/\text{-q}$ ³². Все другие — неинфинитивные — значения³³ этого форманта связаны с иным его этимологическим составом; наиболее вероятным является предположение, что в этих случаях аффикс $-\text{taq}/\text{-mäk}$ состоит из двух морфем: $\text{°m} + \text{-°q}/\text{-°k}$: тур. $\text{iltäk} \approx \text{iltik}$ 'бант', 'узел' $< *il + im + \text{-°k}$, где $il-$ 'слабо завязывать' $+im$ — масдарный аффикс $+äk \approx -ik$ — аффикс уменьшительности, утративший свое значение.

Указанное выше членение аффикса $-\text{taq}/\text{-mäk}$ подтверждается наличием форм типа тур.: kaçmak 'уклонение' (kaçmak 'убегать'), basamak 'ступеньки лестницы' (basmak 'давить', 'наступать'), tutamak 'ручка', 'опора', 'подпорка' (tulmak 'хватать', 'держать'), образованных не от учащательной формы глагола на $-a/\text{-ä}$, $-y/\text{-i}$ ³⁴, а от масдара на $-\text{°m}$, имеющего в этих случаях широкий соединительный гласный.

Сохранилось некоторое число слов на $-\text{taq}/\text{-mäk}$ со значением имени прилагательного, например: тув.: кыз-ы-мак 'усердный', 'старательный' (кыз- 'стараться') и др.³⁵; где $-\text{m}^{\circ}$ — так называемый «усеченный инфинитив» (часто близкий по значению к отглагольным прилагательным) $+äk$ — аффикс, образующий отглагольные прилагательные.

²⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 166—168.

²⁸ Там же, стр. 200—216.

²⁹ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik..., § 52.

³⁰ Там же, § 64.

³¹ Ср.: М. Räsänen. Materialien zur Morphologie, стр. 125; Г. И. Рамstedt. Введение..., § 72.

³² Подробнее см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 123; Б. А. Серебренников. К вопросу о происхождении элемента k (g , q , γ) в окончании дательного-направительного падежа в тюркских языках. — В сб.: «Краткие сообщения Института народов Азии». М., 1964, № 83, стр. 69—70.

³³ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 303—307.

³⁴ Там же, стр. 305.

³⁵ Там же, стр. 307.

Фонетическим вариантом аффикса *-taq/-täk* признается аффикс *-tuq/-tüq*; ср.: тур. *tirmik ~ tirmaк* 'крючок', 'борона'; *karmuk ~ karmak* 'крючок', 'удочка'³⁶. Точно так же, как и аффикс *-²taq/-²täk*, аффикс *-tuq/-tüq* тоже имеет форму с широким соединительным гласным: *-атуq/-атиq*. По наблюдениям Э. В. Севортяна, аффикс *-tuq/-tüq* образует имена от глагольных основ, аффикс *-атуq/-атиq* — от именных. Следовательно, аффикс: *-tüq < -²t* — масдарный аффикс *+ -²k* — уменьшительный (?) аффикс. Аффикс *-атуq* состоит из двух уменьшительных аффиксов: *-²t + -²k*, что подтверждается всеми примерами, приведенными Э. В. Севортяном³⁷.

Из сказанного следует, что аффиксальная омонимия, как правило, есть результат длительного исторического развития слово- и формообразующих аффиксов, а потому каждый случай аффиксальной омонимии следует подвергать тщательному морфологическому анализу.

Предложенные в статье Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова, казалось бы неожиданные, сопоставления при ближайшем рассмотрении, за некоторым исключением, оказываются приемлемыми. Сложный аффикс *-qaj/-yaj/-gaj/-gäj*, состоящий из двух уменьшительных формантов (*-²q + -aj < -²q/-²g*) и его составляющие *-²q/-²g*, *-qaj/-gäj*, *-aj/-äj*, *-a/-ä* (*-y/-i*), в глагольной сфере является, как справедливо замечают авторы статьи, «показателем желательного наклонения, или оптатива» (стр. 3). На это же обстоятельство в свое время обратил внимание Г. И. Рамстедт, отметивший: «С точки зрения психологической весьма любопытно, что это значение желательности, возникшее вследствие присоединения форманта уменьшительности, очень рано стирается и становится умереннее»³⁸.

С этим же аффиксом по происхождению, семантике и функции связан аффикс *-qu/-yu, -kü/-gü < *-quj*. Здесь мы имеем дело с известным в истории и в современном состоянии тюркских языков (связанным с историческим диалектным членением тюркских языков) соответствием в корневых и аффиксальных морфемах широкого (а, ä) и узкого (у, i, u, ü) гласных; ср. *al ~ il* 'перед'; *bardum ~ bardum ~ bardam* 'я ходил' (МК) и др.

Значительно труднее подтвердить возможность сопоставления форманта *-qaj/-gäj* с аффиксом *-aj/-äj*, образующим от имен глаголы со значением приобретенного качества (стр. 4): *az-aj* 'уменьшаться', *qagt-aj* 'стариться', так как то же значение сообщает именным основам аффикс *-ag/-äg/-g*: *jaš-ag-* 'молодеть', *aq-ag- ~ ayaj-* 'белеть' и аффикс *-al/-äl/-l*: *az-al-* 'уменьшаться', *dağ-al-* 'сужаться'. Благодаря этому обстоятельству можно поставить вопрос о связи аффиксов *-aj ~ -ag ~ -al* по аналогии с соответствием согласных l: g: (z): j. Однако вызывает сомнение сопоставление функций и исходного значения, приписываемое аффиксу *-²g*: аорист — собирательная множественность — постепенное накопление качества — ослабление или повышение качества (стр. 6—7).

Положение о приобретении аффиксом *-²o* модальности в связи с развитием его значений: профессия — привычка — склонность — уменьшительность (стр. 4—5) требует дополнительной аргументации.

Возможность генетической связи уменьшительного аффикса *-²q/-²k* (стр. 5) с омоаффиксом отглагольных прилагательных типа туркм. *ağl-*

³⁶ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 308.

³⁷ Там же, стр. 110; подробнее см.: А. Н. Кононов. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиева». Баку, 1971, стр. 94—101.

³⁸ Г. И. Рамстедт. Введение., стр. 88.

ак 'плаксивый' и «с древним тюркским аффиксом собирательной множественности -q(-k)» (стр. 5) полностью исключена по причинам как формально-морфологическим, так и семантическим. Кстати заметим, что тур. *ajaq* 'нога' является именем существительным со значением «орудия, средства действия», образованным от глагола *aj- ~ *ad- 'шагать'³⁹; слово *qulaq* 'ухо' < *qulıyaq* < *qul- 'слышать'⁴⁰.

Аффикс -l в составе формы желательного-повелительного наклонения *jaz-a-l-ıpt* 'напишем-ка' обычно сопоставляется с аффиксом собирательности-множественности -l.

Вопрос об этимологических связях аффиксов -*ča*q, -*ča*п (-*ča*п), -*çy*q (стр. 8) неоднократно ставился тюркологами⁴¹, однако до сих пор не получил убедительного решения; высказанное авторами статьи предположение о взаимной связи этих суффиксов следует подкрепить дополнительными изысканиями.

Аффикс -*çyl* (стр. 9) ~ -*şyl* при именах прилагательных означает ослабленную степень качества: тур. *aq-çyl* 'беловатый'; при именах существительных — 'склонность'; каз. *ıjqu-şyl* 'сонливый', 'соня'. По всей вероятности, и в данном случае это форманты разного происхождения, то есть омоаффиксы: аффиксы -*çyl*/-*şyl* ~ -*çyn*/-*şyn* с уменьшительным значением состоят из двух уменьшительных аффиксов: -*ç* ~ -*ş* + -l ~ -n; аффикс -*çyl*/-*şyl* со значением «лицо, склонное к чему-либо», состоит из аффикса имени деятеля: -*çy*+аффикс собирательности-множественности -l ~ -n; в этом же значении используется аффикс -*çy*q < -*çy*+ -g — аффикс собирательности-множественности, утративший (так же, как и аффиксы -l, -n) свое значение⁴².

Значение склонности, влечения, свойства лица или предмета в кыпчакских языках передается также с помощью аффикса -*ča*п ~ -*ča*п⁴³, восходящего, по-видимому, к причастию на -*ča*п⁴⁴, с которым, в свою очередь, связано причастие будущего времени -(j) *ağaq*/-(j) *eğek*.

Для объяснения состава того или иного аффикса недостаточно ограничиваться разложением сложного форманта, например: аффикс -*quç* (-*quç*) «состоит из аффиксов -q и -(y)ç»; аффикс -*qyl* (-*qyl*) «состоит из аффиксов -q и -(y)l» (стр. 9); см. также стр. 8, 10.

Аффикс -*ta*j/-*da*j (стр. 11) как омоаффикс используется в двух значениях: 1) уменьшительности (ср.: монг. -*daj*/-*dej*), который, по всей вероятности, может быть сопоставлен с аффиксом -*ča*q, -*çy*q; 2) сравнения, уподобления, сопоставления (*Casus comparationis*); в последнем

³⁹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 103—104; А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 15.

⁴⁰ Ю. Немет. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 127.

⁴¹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 98—122.

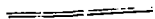
⁴² «Финаль -п в -*çip* (суффикс профессии) и в -*yçip*, -*gçip*, -*yaçip*, -*geçip* (суффикс имени деятеля) заслуживает особого рассмотрения. В средневековом монгольском это был суффикс множественности, который в китайском и параллельных тибетских текстах переводился множественным числом... В табгачских глоссах функция этого суффикса была несколько иной: он являлся своего рода показателем определенного падежа». Л. Лигети. Табгачский язык — диалект сяньбийского. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 1, стр. 116; *его же*. Le tabghatch, un dialecte de la langue sien-pi. — «Mongolian Studies» ed. by L. Ligeti. Budapest, 1970, стр. 308.

⁴³ Подробнее см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, §§ 110; 175; 176.

⁴⁴ См.: В. Г. Карпов. Прошедшее обычное время на -*çan*. — В сб.: «Вопросы хакасской филологии». Абакан, 1962, стр. 76—83; Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, § 84

значении известны его формы: -taj/-daj, -tāj/-dāj; -taq(γ)/-tāk ~ -dak(γ)/-dāk; -laj/-lāj, татарск. -lyj/-lī; -lajyn/-lājın⁴⁵. Аффикс -taq(γ) ~ -taj Ж. Дени сопоставлял со словом tāḡ/dāḡ 'количество', 'равный', 'одинаковый'⁴⁶, что, однако, маловероятно.

Приведенные выше данные о происхождении различных аффиксов ставят под сомнение заключение авторов статьи, гласящее, что «источники происхождения этих аффиксов следует искать не в глагольной, а в именной сфере» (стр. 12). По-видимому, это положение было бы правильнее сформулировать так: «и в глагольной, и в именной сферах». Этимологизация аффиксальных морфем, как с очевидностью следует из предшествовавшего изложения, выдвигает две важнейшие проблемы: омоморфизма, которой в тюркологии (resp. алтаистике) пока еще уделяется мало внимания, и разработки фузии как одного из основных способов образования слов⁴⁷ и словоформ.

⁴⁵ См.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», I, 799 (по индексу).

⁴⁶ Подробнее см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., §§ 367—369.

⁴⁷ Ср., например: qaj-, qajt- 'возвращаться', aj-, ajt- 'говорить', где аффикс понудительного залога -t вошел в состав основы глагола, изменив его структуру.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Ж. М. ГУЗЕЕВ

О ПРАВОПИСАНИИ УЗКИХ ГЛАСНЫХ (*u, i, y*) В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Правописание узких гласных — один из сложных и до сих пор недостаточно разработанных вопросов орфографии многих тюркских языков. Не получил он должного освещения и в работах по орфографии карачаево-балкарского языка. Так, ничего в этих работах не говорится о правописании узких гласных *u, i, y* в таких словах, как *uşqoq* 'ружье', *kilisa* 'церковь', *uşхийur* 'ужин', *topıraq* 'земля', 'почва', *qumıŷa* 'голый', 'обнаженный', которые в устной речи редуцируются или выпадают¹. Слова эти имеют в настоящее время двойное написание: *şqoq||uşqoq*, *klisa||kilisa*, *şхийur||uşхийur*, *topraq||topıraq*, *qumıŷa||qumuŷa*, что порождает известные трудности. Это делает необходимым включение в орфографию карачаево-балкарского языка специального раздела об узких гласных с научным обоснованием их правописания. Совершенно ясно, что данная задача имеет не только практическое значение. Совершенно прав К. М. Мусеев, который пишет, что «разработка и совершенствование орфографии должны иметь научно-теоретическую базу, это прежде всего научная, исследовательская работа»².

В настоящей статье будет говориться лишь об одной стороне вопроса, а именно — о правописании узких гласных в словах, употребляющихся наиболее часто, и написание которых представляет особую трудность.

Общезвестно, что стечение согласных в начале слова для тюркских языков не характерно. В связи с этим в устной речи карачаевцев и балкарцев слова с начальным сочетанием согласных, заимствованные из русского языка и через русский из других языков, подвергаются некоторым фонетическим изменениям, выражающимся в появлении перед сочетанием согласных или между согласными узкого гласного, например: *uшqол*, *yшqаф*, *qилей*, *quлуб* вместо *школа*, *шкаф*, *клей*, *клуб*. Эти слова, будучи заимствованы из письменного русского языка, пишутся согласно орфографическим нормам последнего, то есть в них не находят отражения узкие гласные. Однако наряду с подобными словами в карачаево-балкарском языке имеются и заимствования непосредственно из устной разговорной речи, давно уже осмысливаемые как слова родного языка: *pałatoq*, *buıus*, *guıŷaba*, *kiıristen*, *yıspas*, *paıay* вместо *платок*, *брус*, *круже-*

¹ См.: «Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы». Нальчик, 1970.

² К. М. Мусеев. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографии тюркских литературных языков. — «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973, стр. 14.

ва, христианский, спасибо, плов. Написание этих слов полностью соответствует нормам карачаево-балкарского языка. В аналогичном положении находится и орфографирование подобных заимствований и в других тюркских языках. Ср.: гаг. puluq (вм. *плуг*), башк. bŭgäpä (вм. *бревно*), ysniala (вм. *смола*), тат. östäl (вм. *стол*), узб. qarovat (вм. *кровать*), кум., ног. ystan (вм. *штаны*).

В карачаево-балкарском письменном языке часто встречаются следующие дублеты: šxildi||išxildi 'брусника', 'черника', šqoq||ušqoq 'ружье', stāyat||yustāyat 'стойбище', stelliste 'хотеть, желать', štap||yūštap (звукоподражание звуку пощечины), smarla||sumarla 'украшать', grajt||gyrajt 'осел', glož||gulož 'посох', 'клюка', trell||tīrel 'придвинуться вплотную, упереться', grušxa||gurušxa 'сомнение, подозрение', glān||gylan 'гвалт, шум. гам', sxat||ysxat 'подарки из вещей покойника и скот, раздаваемый в знак поминания', qlānž||qylanž 'зигзаг', sxarla||ysxarla 'сукно', granža||gyranža 'разновидность женского платка', rpiñž||piriñž 'рис', šqurpa||šyqurpa 'короста'. Причем выпадение узких гласных в карачаевском варианте языка наблюдается чаще, нежели в балкарском.

Выпадение узких гласных в первом предударном слоге встречается и в орфографиях некоторых других тюркских языков: азерб. blim (вм. *hīlim*) 'знание', Rza (вм. *собств. имени Riza*); башк. brus (вм. *burus*) 'чурка', ккалп. tli (вм. *tīli*) 'его (ее) язык, речь', qsyq (вм. *qysyq*) 'узкий'.

Весьма любопытно, что, с одной стороны, русские слова *спасибо, брус, кружева, платок, христианский, плов* настолько освоены карачаевцами и балкарцами в приведенных на предыдущей странице формах, что именно в этом виде закрепились и в орфографии, а, с другой стороны, слова родного языка типа *gylan, gyrajt, sumarla, ušxuyur, tīrel, iste* и так далее очень часто реализуются не только в устной речи, но и на письме без узких гласных *и, і, у*.

Это парадоксальное явление Е. Д. Поливанов объяснял тем, что ввиду нехарактерности сочетаний согласных для начала тюркских слов не возникает опасность и смешения комплексов *gul, gur, sum, ušx, tir, ist* и других с начальными сочетаниями согласных *gl, gr, sm, šx, tr, st* и т. п.³ Другими словами, причиной существования вышеприведенных дублетов является их нефонематичность, то есть варианты *glān* и *gylan, grajt* и *gyrajt, smarla* и *sumarla, ste* и *iste* и другие не противопоставлены по смыслу, как, например, в русском языке: *срок—сырок, стёк—истёк, стал—устал* и т. д. Поэтому карачаевцы и балкарцы не фиксируют внимания на отсутствии или наличии узких гласных при произношении и даже написании слов родного языка. Это подтверждается, в частности, и тем, что учащиеся-балкарцы на письме гораздо реже смешивают такие пары слов русского языка, как *стал—устал, срок—сырок, стёк—истёк* и им подобные, нежели *granža||gyranža, šqurpa||šyqurpa, šxuyur||ušxuyur, stelliste* и так далее в родном языке.

Однако то, что отсутствие или наличие узких гласных в словах не приводит к их фонематичности, ни в коей мере не означает, что эти гласные можно не передавать на письме.

Сложнее вопрос с правописанием узких гласных во втором предударном слоге: 1) между шумным согласным и *r* (*žarugaq* 'лист, листва, листья', *torugaq* 'почва, земля', *žoqugaq* 'ракушка', *sarygan* 'желтуха', *šayurej* 'знакомый', *tatyran* 'горчица', *axurat* 'загробный мир', *satygaž* 'шах-

³ Е. Polivanov. La perception des sons d'une langue étrangère. TCLP, IV, 1931, стр.83.

маты, шашки', žyгyга 'укроп', quduret 'сила, мощь, могущество'); 2) между *b* и *l* (šibil'a 'молния', qybyla 'юг', qybylama 'компас'); 3) между *b* и *z* (ebize 'сван', abizex' 'карачаевский и балкарский парный круговой талец'); 4) между *b* и *ž* (žibiži 'красный перец', ilbiže 'блюдо из курицы'); 5) между *m* и *ž* (žamyžu 'бурка', qamiži 'нагайка, плетка', тамуžu 'капля'); 6) между *m* и *ž* (хумиžu 'свежая сырковая масса', қумуža 'голый', қамуžaқ 'жук'). Эти слова пишутся и с узкими гласными, и без них. В упомянутой выше «Орфографии и пунктуации...» карачаево-балкарского языка нет объяснения этому явлению, и в словаре-приложении к этому изданию наряду с написаниями šayurej, ахугат, торугақ, қамиži приводятся и žарғақ, satraž, sarpan, qudret, žyга, хумžu⁴.

Выпадение узких гласных на письме во втором предупредительном слого, особенно в позиции между шумным согласным и *r*, широко распространено и в других тюркских языках, например: азерб. idrak 'познание, понимание', igra 'признание'; тат. ožraқ 'случай', tuğraқ 'почва, земля', jağraқ 'лист, листва, листья'; башк. täžgibä 'опыт, эксперимент', tuğraқ 'почва, земля', aqrup 'медленно, тихо||медленный, тихий'; тур. torraқ 'почва, земля, прах', jağraқ 'лист, листва, листья'; алт. abra 'телега', bedre 'искать'. К сожалению, в орфографии этих языков данное явление не получило обоснования.

По нашим наблюдениям, выпадение узких гласных в карачаево-балкарском языке в указанных фонетических позициях в настоящее время встречается гораздо чаще, чем это имело место лет восемь-десять тому назад. Так, например, в словах torugaқ, žoqugaқ, šayurej, ilbiže, тамуžu, žamyžu, қамиži, ахугат, abizex', ebize еще сравнительно недавно узкие гласные писались. В последние же годы случаи выпадения в ряде слов узких гласных, даже проверяемых ударением, заметно участились: žandraköz 'пучеглазый' (от žandýg 'зажигать'), kendraš 'конопля' (от kendir 'конопля'), emzik 'соска' (от emiz 'кормить, вскармливать'), emlik 'необученный, необъезженный жеребец' (от emil 'быть высосанным'), тамзуқ 'щепки или лучинки для разжигания огня' (от тамýз 'разжигать') и т. п.

На наш взгляд, при решении вопроса о правописании узких гласных во всех позициях, кроме позиции перед ударным слогом, следует учитывать специфику сочетания звуков в каждом отдельном языке⁵. Так, в русском и карачаево-балкарском языках шумные согласные сочетаются с сонорными *r* и *j*. Однако в русском языке *r* и *j* могут свободно употребляться как перед шумными, так и после них (*скорбить, образ, найти, статья* и т. п.), а в карачаево-балкарском и в других тюркских языках только перед шумными (arba, qajtar 'вернуть' и т. п.), то есть для русского языка характерными являются сочетания rb, jt и br, tj и т. п., а для тюркских — только rb, jt и т. п.⁶

Учитывая это, некоторые тюркские орфографии сохраняют узкие гласные между шумными согласными и *r*: кирг. torugaқ, žalbuғақ, каз. torugaқ, žаругақ, кум. torugaқ, žаругақ, ног. torugaқ, жаругақ, квалп. torugaқ, žаругақ.

Что касается слов šibil'a, qybyla, qybylama, ebize, қамиži, қумуža, қамуžaқ, abizex', žibiži, ilbiže, žamyžu, тамуžuқ, хумиžu, то и в них же-

⁴ См.: «Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы».

⁵ См.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 3; Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 274.

⁶ См. об этом более подробно: Ж. Гузеев. Сочетание согласных в русском и карачаево-балкарском языках. — «Сборник трудов аспирантов и соискателей (Серия гуманитарных наук)», вып. 8. Фрунзе, 1972, стр. 36—48.

лательно сохранить узкие гласные *i*, *u*, *y*, так как карачаево-балкарскому языку не свойственны сочетания согласных *bl*, *bz*, *bž*, *mž*, *mz*.

Нет в некоторых словах единообразия и в правописании узких гласных между согласными *j* и *t* (*qajt*||*qajyt* 'возвращаться, уходить, приходить (уезжать, приезжать) обратно'), *s* и *t* (*ešt*||*ešit* 'слушать, слышать'), *r* и *t* (*art*||*aryt* 'полоть, очищать').

Сочетания *jt* и *rt* весьма типичны для окончаний тюркских слов, поэтому нет необходимости разряжать их узкими гласными и при написании карачаево-балкарских слов *qajt*, *art*.

Относительно конечного сочетания *št* следует сказать, что оно в карачаево-балкарском языке употребляется лишь в заимствованном слове *košt* 'поросенок', что свидетельствует о нехарактерности данного сочетания. Кроме того, слово *ešit* во всех тюркских языках, в которых оно имеется, пишется с узким гласным: кум., кирг. *ešit*; башк., тат. *išet*; азерб. *ešid*; ног. *esit*; ккалп. *jesit*. Следовательно, и в карачаево-балкарском языке правильнее писать не *ešt*, а *ešit*.

Думается, что выпадение узких гласных во всех приведенных выше фонетических положениях, за исключением слов *qajt*, *art*, целесообразнее было бы не передавать на письме. Это облегчило бы изучающим карачаево-балкарский язык усвоение слогоделения и правил переноса слов.

М. Б. МАМЕДОВ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

В последние годы интерес исследователей к вопросам фразеологии значительно возрос. Достаточно сказать, что только за два истекших десятилетия в советском языкознании появилось свыше четырех тысяч работ по фразеологии, большая часть которых посвящена рассмотрению фразеологических единиц в функционально-синхроническом аспекте¹.

В азербайджанском языкознании вопросы фразеологии освещались на основе материалов литературно-художественного языка и диалектов как в специальных теоретических исследованиях общелингвистического характера, так и в учебниках для вузов.

Как известно, под фразеологизмами большинство исследователей понимает такие лексические сочетания, которые с наибольшей экспрессивно-стилистической полнотой отражают национальную специфику номинативных средств языка, его образность и эмоциональную действенность. Фразеологизмы как образные средства выражения играют важную роль не только в художественном, но и в публицистическом стиле. Это «живая вода» периодической печати².

В. И. Ленин в своих сочинениях часто обращался к фразеологизмам, используя их как действенное оружие в политической борьбе. Слова В. И. Ленина, сказанные им о крылатых словах: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений»³, могут быть с полным основанием отнесены и ко многим фразеологизмам.

Если в художественном стиле, с его развитой системой тропов и изобразительных средств, экспрессивно-выразительные функции фразеологических сочетаний несколько приглушаются художественной фактурой текста, то в публицистических произведениях на фоне однородной неметафорической лексики они производят необычайно яркое впечатление своей выразительностью и лаконичностью благодаря раскрывающимся в них сгусткам народной мудрости. Таким образом, утверждение, что фразеология это «одно из выразительных средств публицистики, и прежде всего фельетонов и памфлетов»⁴, нельзя не признать справедливым.

Не случайно поэтому, что такие видные представители революционной азербайджанской интеллигенции, как П. Нариманов и Дж. Мамедкулизаде, в своих публицистических выступлениях весьма удачно

¹ См.: В. М. Мокиенко. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 21.

² См.: «Вопросы журналистики». Воронеж, 1971, стр. 147.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. М., 1961, изд. 5, т. 25, стр. 138.

⁴ «Проблемы фразеологии (Исследования и материалы)». М.—Л., 1964, стр. 223.

использовали фразеологизмы. Их произведениям, пронизанным духом революционно-освободительной борьбы, присуще фразеологическое новаторство, заключающееся не только в создании новых фразеологических единиц, обогативших сокровищницу азербайджанской фразеологии, но и в том, что именно благодаря их творчеству выработался боевой стиль азербайджанской революционной публицистики, для которого стало характерным широкое использование образности и гибкости народно-разговорного языка, его эмоциональной выразительности.

В публицистическом творчестве Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде многие фразеологические сочетания должны быть расценены как стилистические неологизмы, утвердившиеся в азербайджанском литературном языке начала XX века. К фразеологизмам этого ряда относятся: *ингилаб аловлары* 'пламя революции', *ингилаб сели* 'революционный поток', *ингилаб човғуну* 'вихрь революции', *ингилаб дәрјасынын ләпәләри* 'волны революционного моря', *ингилаб ләпәләриндә пуч олмаг* 'исчезнуть в пучине революции', *ингилаб мәһкәмәсинә чәкмәк* 'привлечь к революционному суду', *гәзәб илдырымларынын чахмасы* 'сверкание молний гнева', *јүзлүкләрдән јорған гајырмаг* 'создать одеяло из сотенных' (Н. Нариманов); *милләтпәрәстлијин истиоту* 'перец национализма', *көһнә хырман совурмаг* 'веять (зерно) на старом гумне (т. е. петь старую песенку)', *истибдад дәмрчханасы* 'кузница деспотизма', *бөһтан карханасы* 'мастерская клеветы', *хәјанәт тәдарүкү* 'подготовка вероломства', *акентләр јувасы* 'гнездо агентов', *хәчәләтлик мајасы* 'закваска стыда', *камал чешмәси* 'родник разума', *беһишт кандидатлары* 'кандидаты в рай', *гејрәтини тәрәзинин габағына гојмаг* 'класть свою честь на чашу весов', *дамдандүшмә сөз* 'случайно брошенное слово', *ган һамамы* 'кровавая баня' (Дж. Мамедкулизаде) и т. п.

В публицистических произведениях Н. Нариманова в составе фразеологизмов наиболее часто встречаются такие слова, как *ингилаб* 'революция' и *һурријјәт* 'свобода': *ингилаба јол ачмаг* 'открыть дорогу революции', *ингилабын дәринләшмәси* 'углубление революции', *ингилаба тор гурмаг* 'расставить сети революции', *ингилабы боғмаг* 'задушить революцию', *ингилаб төрәтмәк* 'учинить революцию', *ингилаба гују газмаг* 'подрывать (букв. рыть яму) революцию', *ингилабын мүгәддәс сәдасы* 'священные отголоски революции', *һурријјәт мејвәси* 'плоды свободы', *һурријјәт бајрағынын алтына чәм олмаг* 'собраться под знаменем свободы', *һурријјәти боғмаг* 'задушить свободу', *һурријјәтин гәдрини билмәк* 'знать цену свободы', *һурријјәтин ләззәтини анламаг* 'познать сладость свободы', *һурријјәт јолу* 'путь свободы', *һурријјәт јолунда башындан кечмәк* 'жертвовать головой за свободу', *һурријјәт јолунда гејрәт көстәрмәк* 'совершать подвиги на стезе свободы', *һурријјәт гәләси* 'крепость свободы', *һурријјәтин чаны* 'душа свободы' и т. п.

Аналогичная фразеология широко представлена и в фельетонах Дж. Мамедкулизаде, сатирический стиль которых во многом ею характеризуется.

Фразеологические сочетания в публицистических произведениях Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде в зависимости от их идейно-художественных особенностей подразделяются на несколько групп.

1. Фразеологизмы, способствующие образности и эмоциональности языка сатиры.

Бу күн империализмә дәрин гујулар газылыр, сәрмајәдар вә мүлкәдарларын үмид очағы дағылыр, фәһлә вә зәһмәткешләрин тарихиндә тәзә бир сәһифә ачылыр (Н. Нариманов) 'Сегодня роются глубокие ямы империализму, рушится очаг надежды у капиталистов и помещиков, открывается новая страница в истории рабочих и трудящихся'.

Јахшысы будур ки, эзизим, бир аз һөвсэләни дәр, мән нағыл едим, сән дә гулаг ас, дәхи нијә үрәјини сыхырсан? (Дж. Мамедкулизаде) 'Лучше всего, дорогой мой, наберись немного терпения, я расскажу, а ты послушай, зачем же тебе тревожиться?'

2. Фразеологизмы, характерные для статей, направленных на пробуждение революционного сознания масс, призывающих к борьбе за национальный прогресс, развитие просвещения и культуры.

Халгын гулағына дирилик шејпуру чалмаг 'горном возрождения пробудить народ (букв. протрубить в ухо)', *бәсирәт көзүнү ачмаг* 'прозреть', *јухудан ајылмаг* 'пробудиться' (Дж. Мамедкулизаде), *гејрәтә кәлмәк* 'встать за свою честь', *габага кетмәк* 'идти вперед', *топгузла ојатмаг (халгы)* 'будить (народ) палницей', *елмин далынча кетмәк* 'достигать науку', *тордан хилас олмаг* 'освободиться от сетей' (Н. Нариманов).

3. Фразеологизмы, используемые для обличения жестокой эксплуатации и угнетения народных масс царским самодержавием.

Ганыны сормаг 'высасывать кровь', *дәрисини сојмаг* 'сдирать шкуру', *түстү ичиндә боғмаг* 'удушить в чаду', *чанына дарашмаг* 'присосаться к телу', *аһу наләси әршә галхмаг* 'испускать стоны и жалобы', *бојнуна минмәк* 'сесть на шею' (Дж. Мамедкулизаде); *ихтијарыны элиндән алмаг* 'отобрать все права', *көзүнә пәрдә чәкмәк* 'опустить шторы на глаза', *дүнја ишығына һәсрәт гојмаг* 'лишить света белого', *гызыл гана буламаг* 'облить алой кровью', *һаггыны мәнв етмәк* 'лишить прав', *зәнчир алтында өлмәк* 'погибнуть в цепях', *зәләләтдә галмаг* 'пребывать во мраке', *зүлм алтында инләмәк* 'стонать под гнетом', *буховда әсир галмаг* 'быть пленником, закованным в кандалы', *ағзы мөһүрлү* 'с печатью на устах', *әгли буховланмыш* 'с разумом, стиснутым тисками (букв. кандалами)', *сәбр пијаләси дашмаг* 'переполниться чаше терпения' (Н. Нариманов) и т. д.

4. Фразеологизмы, используемые в статьях, пропагандирующих идеи свободы: *һүрријјәт јолунда чанындан кечмәк* 'пожертвовать жизнью за свободу, умереть за свободу', *сәадәт сәлтәнәти, сәадәт јолу* 'царство счастья, путь счастья' (Н. Нариманов); *азадлыг гурбанлары* 'жертвы свободы', *дәјирман тәрсинә чеврилди* 'мельница заработала вспять', *һүрријјәт сөзү данышанын гулағыны кәсмәк* 'отсесть ухо тому, кто занкнется о свободе' (Дж. Мамедкулизаде).

5. Фразеологизмы, способствующие раскрытию надежд и чаяний народа, его дум о благе родины.

Дәрдиндә әлач көзләмәк, дәрдинин әлачыны (һүрријјәтдә) көрмәк, дәрдинә әлач арамаг 'ждать помощи в беде (в своих нуждах), видеть средство избавления от горя (в свободе), искать помощи в своем деле', *ихтијарыны элинә алмаг* 'взять права в свои руки', *ихтијары элиндән алмаг* 'отобрать права', *ихтијарына кечмәк* 'перейти во власть', *ихтијарыны итирмәк* 'потерять право' (Н. Нариманов).

6. Фразеологизмы, служащие обличению невежества и мракобесия, религиозного фанатизма, буржуазного национализма.

Наданлыг кәмәнди 'петля невежества', *наданлыг дәрјасы* 'пучина невежества', *панисламизмин атасы* 'отец панисламизма', *панузурпаторизм көтүкләри* 'столпы панузурпаторства', *милләтпәрәстләрин гибләси* 'алтарь националистов' (Н. Нариманов).

7. Фразеологизмы, разоблачающие политику империалистов, контрреволюционеров и их прислужников.

Бајғуш јувасы 'совиное гнездо', *империализмин јувасыны сөкмәк* 'разорить гнездо империализма', *чәһәннәм јаратмаг* 'создать ад', *чәһәннәм аловлары* 'адское пламя', *зимистан тиканы* 'знимняя колючка', *бир-*

биринин чанына салдырмаг 'натравливать друг на друга', *миллэт ганына батмаг* 'обagrиться народной кровью', *гара сijasæt* 'черная политика', *рутбэжд сатылмаг* 'продаться ради чина (денег, поста)', *сijasи корлар* 'политические слепцы', *Каледин јувасы* 'гнездо Каледина' (Н. Нариманов).

8. Фразеологизмы, используемые как средство иронии и сарказма.

Бөһтан карханасы 'мастерская клеветы', *мејдан суламаг* 'распоясаться', *мэслэкини сатмаг* 'торговать своими убеждениями', *хэчалэт мајасы* 'закваска совестливости', *гејрэтини тэрэзинин габағына гојмаг* 'положить на чашу весов свою честь', *сизин ајагларыныз билэни бизим башымыз билмэз* 'то, что ведомо вашим ногам, не постичь и нашим головам' (намек на шейх-уль-ислама Кавказа) (Дж. Мамедкулизаде); *бајгуш дилини ачмаг* 'заговорить языком совы', *вицданыны гара пула сатмаг* 'продать свою совесть за черные (медные) деньги', *вицданыны итирмэк* 'потерять свою совесть', *вицданына лэкэ салмаг* 'запятнать свою совесть', *вицданыны плова сатмаг* 'продать свою совесть за плов', *буланлыг суда балыг тутмаг* 'в мутной воде рыбу ловить', *соған јемэјибсиниз ичиниз нијэ көјнэјир* 'если вы не ели лука, то почему вас мучает изжога?', *ағыз көпүклү* 'с пеной у рта', *ағзы көпүклэнэ-көпүклэнэ чыхыш етмэк* 'выступать с пеной у рта', *сабун көпүјү* 'мыльный пузырь' (Н. Нариманов).

9. Фразеологизмы, используемые в виде броского, эффектного заголовка.

Ағачы гурд ичиндэн јејэр 'Червь точит дерево изнутри', *Күч бирликдэдир* 'В единении — сила', *Фикриниздэки доғру дилиниздэ оларса, дэринизэ саман тэпэрлэр* 'Если правда, что у вас в мыслях, будет произнесена (букв. на языке), то с вас спустят шкуру', *Гузғунлар чэмдэк үстэ* 'Вороны на падали' (Н. Нариманов); *Ган һамамы* 'Кровавая баня', *Үч гара хэбэр* 'Три черных весты', *Бир элдэ ики гарпызы тутмаг олмаз* 'В одной руке двух арбузов не удержать', *Нечэ ган ағламасын даш бу күн?* 'Как же камню не стеньать сегодня?' (Дж. Мамедкулизаде).

Эпиграфы и эпитоги ряда публицистических произведений Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде представляют собой народные пословицы, поговорки, афоризмы и т. д., либо созданные на их основе фразеологические единицы.

В публицистических произведениях Н. Нариманова встречаются фразеологические выражения, опорным компонентом которых выступают слова *тахт* 'трон', *тач* 'корона': *тахтдан јерэ салмаг* 'свергнуть с престола', *тачларынын, тахтларынын гајғысына дүшмэк* 'заботиться о спасении своей короны, своего трона', *тахтдан дүшмэк* 'быть свергнутым с престола', *тач үзү көрмэмэк* 'никогда не быть коронованным', *тачыны сахламаг* 'удержать корону' и т. п.

Большинство этих фразеологизмов усиливает эмоционально-экспрессивное воздействие сатирического обличения керенских, мамедалишахов и пр.: *Франса ингилабы зүлм нишанэси тачларын јерэ чыхылмасына јол ачды. Русија ингилабы бу күн бүтүн чаһанда тачлары јерэ чырпыб ајаглајыр* (газ. «Һүммэт», 1917, № 20) 'Французская революция открыла путь к сбрасыванию корон — символов гнета. Ныне русская революция ввергает в прах короны во всем мире и топчет их'.

Мэн бу маддэлэри позмагла бэлкэ дэ чинајэт бир иш көрмүшдүм. Фэгэт эвэзиндэ бу дүнјанын эн сарсаг чэлладларындан бири олан Мэм-мэдэли шаһы тахтдан јерэ салдыг («Мэгалэ вэ нитглэр», сәһ. 208). 'Перечеркивая эти пункты, я, возможно, совершил преступление. Однако зато мы **свергли с престола** одного из самых сумасбродных в этом мире палачей — Мамедали-шаха'.

Н. Нариманов, расширяя семантику употребительного в народно-разговорном языке выражения *ахырына чыхмаг* 'доконать', придает ему политический смысл, используя для характеристики бесславного конца Колчака и Деникина: *Колчак дармадагын едилди. Тезликлэ Деникиндин дэ ахырына чыхылачагдыр* («Мэгалэлэр вэ нитглэр», сәһ. 218) 'Колчак разгромлен. Вскоре доконают и Деникина...'

Смысл выражения *ганады сынмаг* досл. 'сломать себе крыло' сводится к передаче состояния душевного надлома. Расширяя значение этого фразеологизма, Н. Нариманов использует его для создания обобщенного образа царской России: *Кечэн илэдэк һөкүмэт үмидини кәндилләр илэ гошуна багламышды. Кәндилләр: «биз белә һөкүмәти истәмирик» — дежиб дөвләтин бир ганадыны сындырдылар* (газ. «Һәјат», 1906, № 134) 'До прошлого года правительство возлагало свои надежды на крестьянство и армию. Крестьяне же, заявив «мы не хотим такого правительства!», сломали одно крыло государства'.

Точно так же фразеологизмом *дәм вурмаг* 'разглагольствовать' метко характеризуется демагогическая речь графа Витте: *Граф Витте бир јандан һүрријјәт аләмдиндән дәм вурурса, бир јандан һүрријјәтә даир мәсәләләри пүнһанда тутур* (газ. «Иршад», 1906, № 47) 'Граф Витте, с одной стороны, разглагольствует о свободе, а с другой — утаивает вопросы, относящиеся к свободе'.

Острый политический смысл приобретает выражение *кизлинпач ојнамаг* 'играть в прятки', определяющее политическую позицию эсеров, меньшевиков и кадетов: *Инди кизлинпач ојнамаг вахты дејилдир. Биз ачыг-ачыгына дејурик: меншевикләр вэ ингилабијунлар бу вахтадәк кадетләр илэ кизлинпач ојнамасајдылар, инди ингилаб да белә бир тәһлүкәдә булунмаз иди* (газ. «Һүммәт», 1917, № 23). 'Теперь не время играть в прятки. Мы открыто заявляем: если бы меньшевики и эсеры до сих пор не играли в прятки с кадетами, то и революция в настоящий момент не оказалась бы в такой опасности'.

В своей статье «Несколько слов мусульмано-армянской бедноте», носившей характер воззвания, Н. Нариманов резко критикует политику царизма, натравливавшего друг на друга два братских народа Закавказья. Призывая к объединению в борьбе с «бессовестными, бездушными, бесчестными, безнравственными провокаторами», Н. Нариманов широко использует пословицы и поговорки: *Әглинизи удузуб бир пара «адамларын» һијләсинә алданмајыныз. «Үмид верән чох олар, чөрәк верән аз» сөзләрини унутмајыныз* (газ. «Һәјат», 1906, № 161) 'Не теряйте головы и не поддавайтесь провокациям некоторых «субъектов». Не забывайте слов: «На обещания щедры многие, а тех, кто кормит, — очень мало»...' И далее: *Өз чиловунузу «дүшмәнин» ја «бөјүкләринизин» әлләринә вериб, өзүнүз өз әлинизлә өзүнүзә гују газырсыныз...* 'Подумайте, что, отдавая свою узду в руки «врага» или «старших», вы собственноручно копаете себе же яму...'

Дж. Мамедкулизаде также часто обращается к фразеологизмам с их образностью и экспрессивней: ... *Минишдиләр чамаатын бојнуна вэ нәфәс алмаға да изн вермирдиләр. Ахырда елэ олду ки, мәзлумларын аһу наләси әршә галхды* (журн. «Молла Нәсрәддин», 1917, № 5) '... Сели верхом на шею народа и не позволяли ему даже дышать. В конечном итоге стоны угнетенных достигли небес'. ... *Инди дэ ки корбакор дүшмүши Столыпин әсри дејил. Бәс инди сөзүн нәдир?* (журн. «Молла Нәсрәддин», 1917, № 12) '...Ведь теперь не век окаянного Столыпина. Что же скажешь теперь?'

В публицистических выступлениях встречаются и риторические вопросы, обусловленные эмоционально-экспрессивным потенциалом исполь-

зумых фразеологизмов: *Аја, Вилһелм бәј ки догрудан да Милјукун богазындан јанышыб истәјир боғсун, дәхи Дарданел богазынын кунәһи нәдир?* (журн. «Молла Нәсрәддин», 1917, № 8) 'Если Вильгельм-бск и вправду хочет, схватив за горло, задушить Милюкова, то в чем же виновато «горло» Дарданелльского пролива?..

В произведениях Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде широко представлены синонимические и антонимические фразеологические сочетания:

а) синонимические фразеологизмы: *фикирләр јорулу* — *бејинләр чатлајыр* 'мысли путаются (букв. изнемогают) — голова трещит'; *гују газмаг* — *мәзар газмаг* 'копать яму — рыть могилу (империализму)'; *јолунда јанмаг* — *әзәбләра дүшмәк* 'пожертвовать собой во имя (чего-то) — ходить по мукам'; *ајаг алтына салмаг* — *ајаг алтында тапдаламаг* 'бросить под ноги — топтать ногами' (Н. Нариманов); *јазыгы кәлмәк* — *рәһми кәлмәк* 'испытывать жалость — проникнуться сочувствием', *ағла сығмајан* — *ағыл кәсмәјән* 'непостижимое уму — неразрешимое рассудком'; *јадына кәлмәк* — *јадына дүшмәк* 'прийти на память — вспомнить'; *гәдбир төкмәк* — *план чәкмәк* 'принять меры — наметить план'; *еви јыхылмаг* — *бели гырылмаг* 'пропадать — погибать' (Дж. Мамедкулизаде);

а) антонимические фразеологизмы: *чанлары гуртармаг* — *ашлары бишмәк* 'спастись — понасться'; *ад газанмаг* — *ад батырмаг* 'прославиться — обесчеститься' (Дж. Мамедкулизаде); *ағзына су алмаг* — *чыгыр-бағыр салмаг* 'набрать в рот воды — поднять шум, скандалить'; *аләми-һурријәт* — *аләми-зүлмәт* 'свободный мир — царство мрака' (Н. Нариманов).

У Н. Нариманова, в отличие от Дж. Мамедкулизаде, первый компонент фразеологических сочетаний обычно состоит из двух-трех однородных членов; например: *гејрәти, һүммәти ашыб дашмаг* 'чрезмерное радение, рвение'; *гујулардан, учурумлардан сахламаг* 'уберечь от ям, пропастей'; *әглини, ихтијарыны буховламаг* 'сковать разум, волю'; *шан вә әугарына тохунмаг* 'задеть честь и достоинство'; *нәфсини вә вижданыны сатмаг* 'продать душу и совесть'; *малындан, өвладындан, чанындан кечмәк* 'пожертвовать своим добром, детьми, собой'. В подобного рода фразеологизмах (с однородными членами) экспрессивность еще более возрастает.

Для публицистических статей Н. Нариманова характерно введение в состав фразеологизмов отдельных слов, способствующих усилению их политического звучания. Фразеологизмы под пером Н. Нариманова приобретают социально-политический смысл, клеймя империализм, контрреволюцию, мягкотелость интеллигенции. Так, например, слова *маска* и *јува* 'гнездо' следующим образом употребляются Н. Наримановым в составе фразеологических сочетаний: *маскалы чәнаблар* 'господа в масках', *маскалы кәзмәк* 'ходить в маске', *маска кејмәк* 'натянуть маску', *милләтпәрәстлик маскасы* 'маска национализма', *масканы көтүрмәк* 'снять маску', *масканы чырыб атмаг* 'разорвать и бросить маску', *јувасы учурумлаг*, *јувасы сөкүлмәк*, *јувасы дағылмаг* 'разрушиться, разориться гнезду'.

Приведем несколько конкретных фраз с использованием упомянутых сочетаний: *Кадетләрин үзләриндән масканы кәрәк дартыб чырмаг* (газ. «Һүммәт», 1917, № 2). 'Надо сорвать маски с (лиц) кадетов...'; *Даһа ачыг сөјләмәк: чәнаб Мәһәммәдзадә «лазымса әкәр» сөзләри илә өз маскасыны өз әли илә чырыб атыр* (газ. «Һүммәт», 1918, № 30) 'Сказать откровеннее: господин Магомедзаде словами «если нужно» собственноручно срывает с себя маску'; *Һәр һалда бурократлар... үзләриндән*

масканы көтүрдүлэр (газ. «Һәјат», 1906, № 105) 'Во всяком случае бюрократы... сняли со своих лиц маски'; *Русија ингилабынын хасијјәти тәләб едирди ки, әввәлинчи күндән «бајгуш» јувалары учурулсун* (газ. «Һүммәт», 1918, № 30) 'Характер русской революции требовал, чтобы с первого дня были разорены «совиные» гнезда'; *Демәк ки, бу күн-сабаһ Каледин јувасы дағылачагдыр* (газ. «Һүммәт», 1918, № 30) 'Значит, не сегодня-завтра будет разрушено гнездо Каледина'.

В статье «Что мы должны делать?» Н. Нариманов употребляет выражение *мејданда ат ојнатмаг, ат чапмаг* 'выступить вперед, распоясаться, зазнаться' применительно к определенным лицам и событиям: *Мүсәлман чамааты да бу тәләбдә олсајды вә һазыр бу тәләб гүввәт тапсајды, инди онун әвәзиндә ханхојскилар, чәфәровлар, топчубашовлар мејданда ат чапмаздылар...* (газ. «Һүммәт», 1918, № 25) 'Если бы и мусульманское население настанвало на этом и настоящее требование обрело силу, то теперь вместо него не выступили бы вперед ханхойские, джафаровы, топчибашевы...'

Приводя и поясняя свои суждения в связи с народным изречением *охудугуну сөјләмә, анладығыны сөјлә* 'не рассказывай прочитанное, а поведай понятное', Н. Нариманов употребляет выражение *дирсәк көстәрмәк* 'показать локоть', имея в виду конкретных лиц: *Витте, Коковсов чәнаблары да дөвләтин нәглијјә мәсәләси барәсиндә пәк көзәл охумушдулар. Лакин анладылармы? Виттејә авропалылар «дирсәк көстәрдиләр». Коковсов исә вәтәни бир нечә илин мүддәтинә сатды* («Сечилмиш әсәрләри», сәһ. 246) 'Господа Витте, Коковцов тоже прекрасно начитаны в области проблем государственного транспорта. Но поняли ли они что-нибудь? Европейцы Витте «показали локоть». Коковцов же продал родину на несколько лет'.

В публицистике Н. Нариманова часто встречается фразеологизм *аға гара вә гараја ағ демәк* 'называть белое черным и черное белым', используемый автором для разоблачения лицемерия и своекорыстия, например: *Чәнәб Тағыјевдән мадди көмәк алан һәр бир адам Тағыјевин кејфи истәдикдә аға гара вә гараја ағ демәјә мәчбурдур* («Мәгаләләр вә нитгләр», сәһ. 102) 'Каждый, кто получает материальную помощь от господина Тагиева, вынужден по его желанию называть белое черным и черное белым'.

Дж. Мамедкулизаде в фельетоне «Огонь и вода», желая показать подлинное отношение правительства Англии к молодому Советскому государству, употребляет такие образные выражения, как *атылыб-дүшмәк* 'вести себя невыдержанно', *хәнчәр итиләтмәк* 'точить кинжал', *көзүм су ичмир* 'не внушает мне доверия, вызывает опасение', *одла ојнамаг* 'играть с огнем' и т. п. Приведем пример: *Мөһтәрәм охучуларымыза... буну әрз едә биләрик ки бу, Чемберлендир нәдир, — онун бу ахыркы атылыб дүшмәјиндән вә Шуралара гаршы хәнчәр итиләмәјиндән һеч көзүм су ичмир... Чемберлен рәфигим, дејәсэн, дәғрудан да нечә ки, дејәрләр — одла ојнајыр* (журн. «Молла Нәсрәддин», 1927, № 23) 'Уважаемым нашим читателям мы можем сообщить только то, что этот, как его, Чемберлен что ли — в последний раз уж больно разошелся и стал **точить кинжал** против Советов, что **внушает мне опасения**. ...Мой приятель Чемберлен, кажется, и вправду, как говорится, **играет с огнем**'.

В публицистике Дж. Мамедкулизаде обращает на себя внимание некоторое своеобразие в использовании пословиц и поговорок. Произведению «Мои воспоминания» им дается подзаголовок «Пословицы и поговорки». Основной текст предваряется кратким авторским вступле-

нием: «Для каждого человека нет в мире более непреходящего, нежели слово. Ибо богатство, имущество утрачиваются, а слово остается. Так, изречения мудрецов и поэтов прошлого продолжают жить и поныне. Поэтому мы поместили в нашем журнале некоторые распространенные и пригодные для использования афоризмы тюркских (азербайджанских. — М. М.) мудрецов под названием «Слова отцов» («Пословицы и поговорки») с тем, чтобы наши читатели, прочитав их, пользовались ими, где нужно»⁵.

Варьируя те или иные элементы этих пословиц и поговорок, Дж. Мамедкулизаде нередко придавал им новый, политический смысл. Так, например, слово *јонча* 'клевер' в поговорке *Өлмә ешишәјим, өлмә, јаз кәләр, јонча битәр* 'Не околевай, мой ослик, не околевай: настанет весна, прорастет клевер' было заменено словом *һурријјәт* 'свобода'. Поговорка *Ит ит илә боғушар, јолчунун иши раст кәләр* 'Когда собака с собакой грызется — путнику на руку' переделывается следующим образом: 'Когда конь с конем грызется — властям на руку' и приобретает при этом конкретный политический смысл: рознь между народами (здесь лошади как бы символизируют трудовой народ) выгодна царскому самодержавию.

В пословице *Аты атын јанына бағласан, һәмрәнк олмаса да, һәмхасијјәт олар* 'Две лошади в одной упряжке если не заимствуют масть, то заимствуют норы' вторая часть изменена самым неожиданным образом: «...хан увидит и скажет: подари одну мне», и фразеологизм приобретает острый социально-политический смысл.

Аналогичным образом перефразирована поговорка: *Ешишәјә күчү чатмыр, паланы дәјүр* 'Не может справиться с ослом и бьет попопу' в *Ешишәјә күчү чатмыр, мүсәлманы тапдалајыр* 'Не может справиться с ослом и расправляется с мусульманином'. Здесь объектом сарказма становится духовенство.

Полной переделке подверглась поговорка *Ганана да гурбан, ганмајана да, дад јарымчыг әлиндән* 'Охотно приемлю как понимающего, так и непонимающего, только избавь нас, боже, от недоучек', которая в новой редакции обрела совершенно иной смысл и ироническое звучание: *Анлајана да гул ол, анламајана да* 'Будь рабом как понятливого, так и непонятливого', ассоциирующаяся с поговоркой *Гананын гулујам, ганмајанын ағасы* 'Я раб понимающего и господин бестолкового'. Сатирический смысл приобретают следующие травестированные поговорки и пословицы: *Ишләмәк адамы пуча чыхардар* 'Труд уничтожает человека'; *Ишсизлик дөвләтлик ачарыдыр* 'Безделье — ключ к обогащению'; *Ики арвадлы ев бәрәкәтли олар* 'Дом (хозяйство) с двумя женами благоденствует'; *Башладығын иши јарыда гој* 'Начал дело — оставляй незавершенным'; *Ушағын шүүрлусу дәрсдән гачар* 'Смышленное дитя удерет с урока'; *Адам јата-јата алим олар* 'Предаваясь сну, человек становится ученым'; *Адама сөзү мин кәррә дејәрләр, ганмаса ејби јохдур* 'Человеку одно и то же следует повторять тысячу раз — не беда, если он все же не поймет'; *Ахшамын ишини сабаһа гој, сабаһын ишини ахшама* 'Вечернее дело оставь на утро, утреннее — на вечер'; *Ачыг ағыз ач галмаз: күчәләримизин тозуна аллах бәрәкәт версин* 'Открытый рот не может голодать: сохрани, аллах, пыль наших улиц'; *Ач тојуг јухусунда плов кәрәр* 'Голодной курице снится плов'; *Ата малы олан јердә, өзүн газандығын һарамдыр* 'Где есть добро, оставленное отцом, самому зарабатывать грех'; *Олачаға чарә јохдур, гој һәр нә олачаг олсун* 'Чему бывать, того не миновать: пусть сбудется все, чему суждено быть'; *Өз көзләрин-*

⁵ Ч. Мәмәдгулузаде. Хатиратым. Баки, 1971, стр. 91.

да гылы көрмәјиб бизим көзүмүздә тири көрүрләр 'В своем глазу волосинки не замечают, а в нашем — бревно видят'.

Наряду с этим в публицистике Дж. Мамедкулизаде широко представлены пословицы и поговорки азербайджанского народа, воспроизведенные без каких-либо изменений, например: *Аға бујурур: сүр дәрәјә — сүр дәрәјә* 'Ага велит: правь в овраг — так правь в овраг'; *Дәвәдән јыхылыб, һөт-һөтүнү әлдән гојмур* 'С верблюда свалился, а понукать не перестает'; *Мешә чаггалсыз олмаз* 'Лес без шакалов не бывает'; *Өлүләр елә билир дириләр һалва јејир* 'Мертвым кажется, что живые едят халву'; *Әзраилин ушаг пәјламағыны истәмирик* 'Мы не хотим детей, раздаваемых Азраилем'; *Данышмаг күмүш олса, данышмамаг гызылдыр* 'Если высказанное — серебро, то молчанье — золото'; *Сөз вар даға чыхардар, сөз вар дагдан ендирәр* 'Есть слово, способное поднять на гору, есть слово, способное низвергнуть с горы'; *Чыраг өз дибинә ишыг салмаз* 'Светильник не бросает света к своему подножию'; *Ағылы ағыл елијинчә дәли вурду Күрү кечди* 'Пока умник собирался с умом, глупец уже переправился через Куру'.

В публицистических произведениях Дж. Мамедкулизаде каждая пословица самым тесным образом связана с актуальными для того времени событиями, с конкретной политической или социальной ситуацией, с идейным замыслом автора.

Нередко Дж. Мамедкулизаде использует пословицы и поговорки в качестве заголовков статей, например: «Бир әлдә ики гарпызы тутмаг олмаз» («В одной руке двух арбузов не удержать»). Вынесенная в заголовок пословица или поговорка обычно несколько раз обыгрывается в тексте статьи, завершает абзацы. Этот своеобразный стилистический прием применен, например, в следующем отрывке: *...Белә олан сурәтдә дәхи ики иши бир јердә көрмәк олмаз, бириси ки, сәһәрдән ахшамадәк мәрсијәханла отуруб дурду, — дәхи онун јадына политика ишләри дүшә билмәз; чүнки бир әлдә ики гарпызы тутмаг олмаз... Лакин зәманәмизин тәгазасындан белә мә'лум олур ки, дүнјаны ахтаран кәрәк ибадәти дә бир аз јумшаг еләсин; ибадәтә кечә вә күндүз мәшғул олан кәрәк дүнјадә дәхи ашиг олмасын јохса, бир әлдә ики гарпызы сахламаг олмаз»* (журн. «Молла Нәсрәддин», 1909, № 26) '...В таком случае уже нельзя совмещать два дела; кто с утра до вечера общается с мерсеханом — тот уже не вспомнит о политических делах; ибо в одной руке двух арбузов удержать нельзя... Однако согласно духу нашего времени известно, что пекущийся о мирском должен деликатно вершить и молитвы; кто дни и ночи проводит в молитвах, тот уже не должен быть влюблен в мирское, ибо ему в одной руке двух арбузов не удержать'.

Эпиграфами к фельетонам Дж. Мамедкулизаде также часто берет пословицы или поговорки, например: *Мешә чаггалсыз олмаз* 'Лес без шакалов не бывает' («Шакал»); *Кечән күнә күн чатмаз* 'К прошедшему дню возврата нет' («Дни минувшие»). Иногда статья начинается с фразеологизма: *Өлүләр елә билир ки, дириләр һалва јејир* («Нә вахт?») 'Мертвым кажется, что живые едят халву'.

Н. Нариманов, как и Дж. Мамедкулизаде, широко использовал в своем творчестве пословицы и поговорки, крылатые слова. В этой связи Н. Нариманов писал: «Творчество народа — это зеркало народа», ибо «...дух, образ мыслей, систему убеждений народа можно узнать на основании его творчества»⁶.

Озаглавив опубликованный в 1906 году в газете «Һәјат» фельетон поговоркой «Если правда ваших мыслей сойдет с ваших уст, то с вас спу-

⁶ Газ. «Јени игбал», 1916, № 288.

стят шкуру», Н. Нариманов включает ее в число собранных им пословиц, поговорок и афоризмов, указывая на вариант той же мысли, выраженной пословицей *Догру сөjlәjәни доггуз кәнддән говарлар* 'Сказавшего правду выдворят из девяти селений'.

Н. Нариманов сопоставляет азербайджанские пословицы и поговорки с их эквивалентными вариантами у других народов (ср., например: «*Jaғышдан чыхдым, jaғмура дүшдүм*», «*Оддан чыхдым алова дүшдүм*» и «Из-под дождя да под ливень» и «Из огня да в полымя»). Он указывает, что в пословицах и поговорках нашел отражение многовековой жизненный опыт народа, они детерминированы и целенаправлены. Этот тезис развивается им, в частности, в связи с поговоркой *Һеч кәс өз аjранына турш демәз* 'Никто не признает свой айран кислым'. Анализируя процесс закрепления этой пословицы в языке, Н. Нариманов приводит ее варианты, сложившиеся применительно к разным сословиям: «*Бир бәззәз тапарсынызмы кәнди чүрүмүш безинә „чүрүкдүр“ десин? Бир баггал тапарсынызмы гурдлу пендирина „гурдлудур“ десин? Бир гәссаб олармы иjләнмиш этинә „иjлидир“ десин? Бир гоча киши тапарсынызмы, чаван өвратлар һүзурунда 60 ja 70 jашында олдуғуну десин? Бир һәким, бир тәбиб олармы „Мән нахошун азарыны анламырам“ деjиб дә геjри һәкимә азарлысыны һәвалә етсин? ...Бу гәдәр тәчрүбәдән сонра „Һеч кәс өз аjранына турш демәз“ мәсәли орталыға чыхды»⁷ '...Найдете ли вы галантерейщика, который сам назвал бы свою гнилую бязь «гнилой»? Найдете ли бакалейщика, который назвал бы свой червивый сыр «червивым»? Найдется ли мясник, который признал бы принадлежащее ему протухшее мясо «протухшим»? Найдете ли вы старика, который в присутствии молодых женщин признал бы, что ему 60 или 70 лет? Существует ли врач, лекарь, который, заявив «Я не могу поставить больному диагноз», передал бы своего пациента другому врачу?.. И вот в результате всего этого и возникло изречение «Никто не признает свой айран кислым»'.*

Подобно Дж. Мамедкулизаде Н. Нариманов тоже многие свои фельетоны начинает пословицей или поговоркой. Перефразируя поговорку *Анлаjанын гулуjам, анламаjанын ағасы* 'Я раб понимающего, господин — бестолкового', он одну из статей начинает фразой: *Анлаjанын ағасыjам, анламаjанын гулу* 'Я господин понимающего, раб — бестолкового', выражая тем самым свое отношение к описываемому и четко определяя занимаемую им политическую позицию. Н. Нариманов нередко пословицу или поговорку расчленяет на составные «части», относя последние к конкретным социальным группам, классам и сословиям.

Весьма часто употребляемый Н. Наримановым в публицистических произведениях афоризм *буланлыг суда балыг тутмаг* 'в мутной воде ловить рыбу' большей частью используется для разоблачения политики английских колонизаторов, например: *Амма инкилис буланлыг суда балығы jахшы тутду... Чифаjда ки, бурахылан ох кери гаjытмаз* (газ. «Һүммәт», 1906, № 167) 'Однако англичане добились хорошего улова рыбы в мутной воде... Но что пользы: пущенная стрела обратно не возвратится'.

Этот же афоризм использован Н. Наримановым в статье под названием «Хватит вам позорить самих себя», критикующей горстку колеблющихся мусульманских интеллигентов: *Сиз руһдан касыбсыныз, әгидәниз мөһкәм деjил, оңа көрә дә һеч бир заман халг сәсинин сәмими ифадәчи си ола билмәзсиниз, иштимаи һәjәтда мөһкәм мүбариз ола билмәзсиниз. Сиз анчаг буланлыг суда балыг тутмағы бачарырсыныз*. 'Вы духовно

⁷ Газ. «Һәjәт», 1906, № 102.

бедны, убеждения ваши шатки, и поэтому никогда не сможете стать искренними выразителями воли народа, стойкими борцами в жизни общества. Вы способны лишь ловить рыбу в мутной воде'.

Призывая народ к единению, Н. Нариманов напоминает поговорку *Тэк элдэн сас чыхмаз* 'Одна рука не может издать хлопка' (то есть «Один в поле не воин»): *Үмид едирик ки, 25 заркар гардашларымыз бу хејир ишдэ бизимлэ һәмәфкар олуб, чәмијјәт гәрар етмәјә чидди чәнд етсинләр...* «*Јалгыз элдэн сас чыхмаз*» сөзләрини *унутмајыб бирләшмәјә чалышсынлар ки, чәм фәрддән күчлүдүр* (газ. «Иршад», 1906, № 48). 'Мы надеемся, что 25 наших братьев ювелиров, став нашими единомышленниками в этом добром деле, приложат серьезные усилия, чтобы учредить общество... Памятуя о том, что «одна рука не может издать хлопка», они должны стремиться к объединению, ибо общество сильнее личности'.

Вынося фразеологизмы и афоризмы в заголовки своих статей, Н. Нариманов не только привлекал к ним читательское внимание, но и умело использовал их в качестве острого политического оружия⁸. Такие заголовки, как «*Күч бирликдәдир*» («В единении — сила»), «*Гузгунлар чәмдәк үстдә*» («Вороны на падали»), «*Јол верин, милләт кәлир*» («Раступитесь: шествует нация»), «*Ағачы гурд ичиндән јејәр*» («Червь точит дерево изнутри») и многие другие, выражали самую суть его статей, пламенные строки которых волновали читателя, призывали к борьбе за свободу. Особый интерес в этом отношении представляет цикл статей Н. Нариманова, озаглавленный «Вопль недели». Написанные кровью сердца, эти статьи характеризуют автора как правдолюбца, последовательного борца за народное счастье, против бесправия, невежества и мракобесия.

В заключение необходимо отметить, что при определенном совпадении объектов сатиры и идейной направленности публицистики Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде творчество каждого из них отличается индивидуальными особенностями. Н. Нариманов обычно придает фразеологическим сочетаниям острое политическое звучание, тогда как для Дж. Мамедкулизаде более характерно их социально-сатирическое трагестирование в духе сабировского иронизирования и иносказания. При этом оба писателя-публициста служили общему делу политического пробуждения азербайджанского народа, его включения в активную революционную борьбу за свои социальные права, за новую жизнь.

⁸ Ср. использование фразеологизмов в сочинениях В. И. Ленина: «Великолепно владеет богатствами русского литературного языка, Ленин широко пользовался общепотребительными фразеологизмами в названиях своих работ, насыщая их огромным политическим содержанием...» (А. В. Швец. О структуре заглавий работ В. И. Ленина. — В кн.: «Язык и стиль произведений В. И. Ленина». Киев, 1973, стр. 26).

РЕЦЕНЗИИ

С. КУРЕНОВ. ТҮРКМЕН ДИЛИНИҢ УЗЫН ВЕ ГЫСГА ЧЕКИМЛИЛЕРИНИҢ СПЕКТРАЛ ХАРАКТЕРИСТИҚАСЫ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛ-ФОНЕТИК ДЕРҢЕВ)

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ. АШГАБАТ, 1974, 94 стр.

В отечественной лингвистике за последние годы утвердился и успешно развивается экспериментальный метод фонетического исследования. Представители тюркского языкознания, заимствуя богатый опыт русской экспериментальной фонетической школы, переходят от субъективно-слухового анализа к объективно-экспериментальному методу изучения фонетического строя своих национальных языков. Неоспоримые преимущества такого анализа наглядно продемонстрированы в ряде монографий, а также в статьях, освещающих результаты экспериментально-фонетических исследований казахского, киргизского, азербайджанского, узбекского, каракалпакского и некоторых других языков.

К числу таких исследований следует отнести рецензируемую книгу С. Куренова «Спектральная характеристика долгих и кратких гласных туркменского языка». Это второе монографическое исследование автора, посвященное спектральному анализу фонематических долгих и кратких гласных туркменского языка, в нем впервые описываются характерные формантные области каждой долгой и краткой гласной фонемы, особенности формантных частот и их взаимосвязи, приводятся экспериментальные данные по соответствующим акустическим параметрам, устанавливаются общие и дифференциальные признаки гласных.

Изложение особенностей самых важных формантных областей и их относительных акустических характеристик иллюстрируется таблицами, графиками, подтверждающими соответствующие теоретические положения.

При помощи динамического спектрографа «Видимая речь» и спектрограммы в разрезе автором получены фонемные спектрограммы туркменских гласных в словах типа: at 'конь; стреляй' — a:t 'имя', daš 'далеко' — da:š 'камень', gol 'рука' — go:l 'низина', g'õr 'глянь, повидай, смотри' — g'õ:r 'могила', it 'собака; толкай' — i:t 'поведи, води за собой, тащи за шнур', garlaŋ 'тигр' —

ga:pla:ŋ 'упакуйте', g'er 'натягивай, растягивай' — g'e:r (<g'eler) 'он (она) придет' и др. Как известно, формантный анализ речи в практике экспериментально-фонетических исследований относится к особому виду спектрального анализа. В этом отношении наибольшую ценность в работе С. Куренова представляют ее основные главы, посвященные методике анализа и акустической (спектральной) характеристике долгих и кратких гласных фонем (стр. 22—72). С большой экспериментальной точностью исследованы нижние и верхние границы формантных областей (F_1 , F_2) каждой долгой и краткой гласной фонемы, их подробные частотные характеристики, расположение более интенсивных участков на шкале частот.

Основываясь на обширном экспериментальном материале, автор впервые полно и систематизированно характеризует акустические особенности долгих и кратких гласных фонем в составе одно- и двусложных значимых слов. Так, например, по параметру $F_2:F_1$ твердым кратким и долгим гласным фонемам (a, a:, o, o:, u, u:, y, y:) присуща более низкая тональность, нежели мягким кратким и долгим гласным (e, e:, õ, õ:, i, i:, ï, ï:). Из заднерядных гласных фонемы a, a:, o, o: отличаются более компактными акустическими спектрами, а гласные u, u:, y, y:, особенно y и y:, — диффузностью. Из переднеязычных или мягких гласных фонемы i, i:, ï, ï: обладают большей диффузностью, точнее, они составляют следующую градацию: i:, i, ï:, ï.

Акустический анализ и сравнение формантных структур долгих и кратких гласных фонем показали, что принципиальных различий между ними нет. Долгота и краткость гласных в физико-акустической характеристике звуков выступают как количественный параметр.

По F_1 высокие показатели принадлежат фонемам a, a:, ã:. Это свидетельствует о том, что при артикуляции эти гласные имеют самый низкий подъем. Их градация: a:,

а, ä. Что же касается гласной фонемы *i*, то она обладает самым низким частотным показателем, значит ее артикуляция характеризуется самым высоким подъемом.

Далее, как видно из акустических исследований С. Куренова, самый высокий цифровой показатель по F_2 принадлежит *i*: (1900 гц), а самый низкий — *u*: (625 гц). Значит, в туркменском языке из переднерядных гласных самым передним является *i*, а из заднерядных гласных самым задним *u*. К несомненным достоинствам рецензируемой книги следует отнести установление экспериментально-фонетическим ме-

тодом и ряда других дифференциальных признаков гласных туркменского языка, таких, например, как палатализация и огубление.

Хотя все основные данные — формантная структура гласных и их относительная частотная характеристика основаны в книге С. Куренова на материале живой туркменской речи, они, несомненно, представляют интерес для специалистов, изучающих фонетику и других тюркских языков.

Б. Чарыяров

Қ. ЕСЕНОВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ КҮРДЕЛЕНГЕН СӨЙЛЕМДЕР ҚАЗАҚ ССР-ның «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1974, 196 стр.

Проблему синтаксиса сложноподчиненного предложения в тюркских языках нельзя считать достаточно разработанной хотя бы потому, что такие весьма схожие по своей внешней структуре категории, как простые распространенные члены предложения и синтаксические обороты сложных предложений, все еще в научной литературе не разграничиваются и продолжают оставаться объектом полемики ученых-синтаксистов. Изучение характерных и своеобразных особенностей распространенных членов предложений и различных типов синтаксических оборотов на примере одного или ряда родственных тюркских языков, с нашей точки зрения, представляет определенный научный интерес и может способствовать правильному решению данной проблемы. Монография Х. Есенова «Осложненные предложения в казахском языке» характеризуется актуальностью и новизной постановки и трактовки проблемы, имеющей общетюркологический интерес.

Следует отметить, что осложненное предложение, включающее в себя перечисленные выше синтаксические конструкции, до сего времени не являлось объектом специального изучения казахских языковедов, не видевших в нем отдельной синтаксической категории. Автор рецензируемой книги на основе скрупулезного анализа фактов не только казахского, но и других родственных языков, а также результатов сравнительно-исторических и типологических исследований рассматривает осложненное предложение как высшую фазу простого распространенного предложения.

Согласно классификации Х. Есенова осложненное предложение состоит из двух дифференцированных синтаксических конструкций, названных им *айқындауыштық қосалқы сөйлемдер* (пояснительно-добавоч-

ные предложения) и *синтаксистік оралымдар* (синтаксические обороты).

Пояснительно-добавочные (лучше — дополнительные) конструкции, в свою очередь, включают в себя: обособленное приложение, вводное предложение, вставное предложение и предложение с однородными членами. Все эти типы предложений объединяет общность их функции в предложении, выражающаяся в определении, уточнении и пояснении содержания основного ядра предложения. Они, как правило, обособляются.

По некоторым своим структурным особенностям пояснительно-дополняющие конструкции имеют иногда нечто общее с моделями сложноподчиненных предложений, хотя и различаются между собой характером передачи субъектно-предикативных отношений. Учитывая сложность, а порою и спорность этого вопроса, автор подробно характеризует сходство и различия указанных синтаксических единиц.

Обратимся к авторской интерпретации языковой природы обособленного приложения в составе осложненного предложения. Действительно, это приложение как бы уточняет и дополняет основное значение опорных слов главного предложения, осложняя при этом и его структуру, во многом напоминающую структуру сложноподчиненных конструкций. Так, предложение *Barlyq žastar, safat qyzyquna qyzumen berilse de, Abajdyñ endigi aqyndyq bujryqun yntalaj tosty* (М. Ауэзов) 'Вся молодежь, хотя и со страстью предалась веселью и развлечениям, однако с нетерпением ждала продолжения поэтического наставления Абая' автором рецензируемой книги рассматривается как осложненное простое предложение с обособленным приложением (выделено курсивом), поясняющим и уточняющим ос-

новой субъект *barlyq žastar* 'вся молодежь'.

Следует отметить, что подобное обособленное приложение некоторыми казахскими лингвистами обычно квалифицируется как самостоятельная синтаксическая единица, а предложение в целом — как сложноподчиненное. Если же основным критерием определения сложноподчиненных предложений считается наличие в них не менее двух предикативных центров, то приведенное выше предложение, как правильно замечает автор, не отвечает этим требованиям, и поэтому оно должно быть отнесено к ряду простых осложненных предложений. В этом нагляднее можно убедиться, если перестроить обособленное приложение следующим образом: *Barlyq žastar, sajat qyzy-yuna qyzumen berilgen žastar*, *Abajdyñ endigi aqyndyq bujruyyn yntalaj tosty* 'Вся молодежь, которая со страстью предалась веселью и развлечениям, с нетерпением ожидала продолжения поэтического наставления Абая'. Этот пример ясно показывает, что осложненное предложение, как правило, организуется вокруг одного субъектно-предикативного ядра при наличии в его составе дополнительно-уточнительных конструкций, характеризующихся обычно как обособленные приложения.

Заслуживает внимания и теоретическая разработка Х. Есеновым вопроса о вводных и вставных конструкциях. В казахском языкознании изучение вводных слов и вводных словосочетаний занимает значительное место. Однако предложения, повторяющие в какой-то мере модели придаточного, рассматриваются автором рецензируемой книги столь углубленно впервые. Изучение природы вводного предложения, в свою очередь, позволило выявить дифференциальные признаки так называемого вставного предложения, являющегося, по сути дела, одной из разновидностей вводного. При разграничении этих предложений автор прежде всего учитывает выполняемую ими функцию и особенности их употребления в структуре осложненного предложения. Так, например, если вводное предложение выражает отношение говорящего к основной мысли или повествованию, то вставное предложение вносит в него определенную конкретность, дополнение и уточнение. В работе это наглядно иллюстрируется на конкретных примерах: *Syrttan estilgen dybystarğa qaravanda*, *qonaq üjde biraz adamnyñ basy quralyp qalyan syjaqtu* (С. Муканов) 'Судя по тому шуму и гаму, который был слышен на улице, было понятно, что в гостинию собралось уже много людей'. *Torğaj suvup özenpen tasyp işedi (özen Fajyrazman üjinen žarty šaqyrymdaj žerde)* (М. Жумагалиев) 'Водой Тургая пользуются, привозя ее из реки (река находится от дома Фаизрахмана на расстоянии около полкилометра)'. Как видно, структура первого простого предложения осложнена включением в нее вводной конструкции, а второго — вставной конструкции.

В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, структура некоторых простых осложненных предложений с однородными членами имеет много общего со структурой сложноподчиненных предложений, поэтому их разграничение иногда представляет определенную трудность. Автор монографии обстоятельно анализирует структуру обоих типов предложений и выдвигает собственные критерии их разграничения, позволяющие не допускать, по крайней мере, смешения простых осложненных предложений с уступительными придаточными предложениями, как это иногда наблюдается в научной литературе. К типичным осложненным предложениям с однородными членами автор относит предложения типа: *Al šešem orysqa küjeuge šyqqanymen, köp žyl qazaq arasynda turanymen, biraz žaydajda özbek saltyn qoldanatyn* (С. Муканов) 'Хотя моя мать вышла замуж за русского и долгие годы жила среди казахов, она в ряде случаев придерживается узбекских обычаев'.

Таким образом, на основе богатого материала казахского языка Х. Есенову удалось раскрыть в своей книге (стр. 21—64) закономерности процесса осложнения синтаксической структуры простого предложения путем включения в его состав разрядов так называемых пояснительно-дополнительных предложений (обособленное приложение, вводное и вставное предложения и предложение с однородными членами), выполняющих функции компонента, поясняющего и уточняющего содержание основного ядра осложненного предложения.

Осложненному предложению с синтаксическими оборотами посвящена вторая глава книги. По мнению автора, синтаксические обороты, как и указанные выше пояснительно-дополнительные предложения, выполняют в структуре осложненного предложения функцию составного компонента, дополняющего и раскрывающего содержание главного предложения. Однако в то же время в самом способе образования и употребления синтаксических оборотов автор обнаруживает ряд характерных черт, отличающих их от пояснительно-дополнительных конструкций. Это прежде всего проявляется в способе образования логического сказуемого синтаксических оборотов (зависимых компонентов), которое обычно передается формантами глагола условного наклонения, причастия, деепричастия и отглагольной формой. Поэтому обособление синтаксических оборотов в структуре предложения здесь представлено более четко, нежели в пояснительно-дополнительных конструкциях. Выделение синтаксических оборотов из основного предложения по этим признакам сближает их с придаточным компонентом сложноподчиненного предложения. В этой связи рассмотрение автором синтаксических оборотов как одного из составных компонентов осложненных предложений следует признать вполне оправданным, тем более что до сего времени на материале казах-

ского языка они не были объектом специального изучения.

Говоря о структурных взаимоотношениях синтаксических оборотов, автор правильно отмечает, что эти обороты в составе осложненного предложения занимают по отношению к его основному ядру различные позиции: в одном случае они тесно соприкасаются или смыкаются с определяемыми словами и не отделяются от них запятой, а в другом — стоят обособленно и отделяются запятой от основной части предложения. В связи с этими особенностями синтаксические обороты, в свою очередь, делятся автором на *қабыспалы оралым* (смыкающие обороты) и *жанаспалы оралым* (примыкающие обороты).

Каждый из этих оборотов характеризуется автором как с точки зрения структуры, так и способа образования. Так, смыкающий оборот в казахском языке образуется при помощи имен и причастия, являющихся завершающими элементами структурной основы всего оборота и связывающих его с основным костяком предложения. Приведем пример: *Zijdebaj men saj-salasy ayaška toly Orda tavu mundajlyq zor apatqa uzak žyldardaŋ beri uşyrap körgen žok bolatyn* (К. Оразалин) 'Жидебай и гора Орда, окрестности которой покрыты лесом, так давно не подвергались подобному большому стихийному бедствию'. Здесь выделенный курсивом оборот представляет собой в структуре осложненного предложения именной смыкающий оборот, раскрывающий содержание основного субъекта — грамматического подлежащего: *Orda tavu* 'гора Орда'. Однако последний (*Orda tavu*) в то же время является опорным словом, «притягивающим» к себе смыкающий оборот. В качестве таких опорных слов могут выступать также имена, стоящие в косвенных падежах.

Смыкающий оборот чаще всего образуется при помощи причастного слова на -уап, употребляемого иногда в осложненной косвенными падежами форме. Все эти моменты в книге иллюстрируются конкретными примерами: *Ulken yza bojyn buyp kelgen Qarataj Qunanbajya asa bir salqyn zilmen sōjledi* (М. Ауэзов) 'Каратай, всем существом которого владел яростный гнев, разговаривал с Кунанбаем презрительно холодно'. *Qulaq estigendi kōz kōredi* (поговорка) 'Что можно услышать, то можно и увидеть'. Во втором примере выступает причастное слово в осложненной форме.

Определенный интерес представляют наблюдения автора, касающиеся интонационного членения смыкающих оборотов. Этот вопрос имеет принципиальное значение для казахского языка, ибо некоторыми языковедами возможность интонационного членения развернутых членов предложения (үйірлі мүше) не признается. Не отрицая того, что отдельные разряды замыкающих слов-причастий употребляются в нулевой именной форме и в произношении часто сливаются с определяемыми словами основного предложения, автор отвергает

категоричность подобного утверждения. С нашей точки зрения, автор совершенно прав, утверждая, что смыкающий оборот в составе осложненного предложения зачастую выделяется характерной для него интонацией, требующей дальнейшего экспериментального изучения и описания. Обратимся к примерам: *Balasy žaqsy oquypaŋ Asan||būgin kōñildenip otur* 'Асан, у которого сын учится хорошо, сегодня сидит в хорошем настроении'. Как правильно отмечает Х. Есенов, в этом предложении смыкающий оборот (*Balasy žaqsy oquypaŋ*) с определяемым словом-подлежащим *Asan* довольно четко выделяется восходящей интонацией, тогда как последующая часть предложения произносится ровным повествовательным тоном. В тех случаях, когда смыкающий оборот образуется причастиями в косвенных падежах, разграничительная пауза приходится непосредственно на конец оборота: *Balasy žaqsy oquypaŋ||Asan būgin kōñildenip otur*.

Таким образом, по мнению Х. Есенова, интонационное членение смыкающих оборотов, при котором в одном случае выделяется оборот вместе с определяемым словом, а в другом — лишь сам оборот, — характерная особенность осложненного предложения казахского языка. С этим выводом нельзя не согласиться.

Примыкающий оборот, в зависимости от образующих его формантов (деепричастия, причастия, условной и глагольной форм), подразделяется автором на четыре соответствующих подвида: **деепричастный оборот**: *Sol ertegilerdi tyndaŋ oturyp, men ujqyrtar qalam* (С. Муқанов) 'Слушая эти сказки, я засыпаю'; **причастный обо-**

рот: *Sužyqtan kōbirek žegen soŋ, Bajsejit azyraq kōñildenip aldy* (С. Сейфуллин) 'Вдоволь поевший колбасы (чужук), Байсен: заметно повеселел'; **условный оборот**: *Onymen ištešip sōjlessen, anuq xalyq üñin de, muñuñ da uyasyn* (М. Ауэзов) 'Если поговорить с ним по душам, то поймешь истинное горе и думы народа'; **именной оборот**: *Endi ilgeri basuv üšin biz barlavşyñuñ iñir qarañuysyn tosyр oturmyz* (Г. Мусрепов) 'А теперь, чтобы идти вперед, мы ждем, пока наступит темнота, желанная для разведчиков'. Все эти разновидности примыкающего оборота рассматриваются автором в сравнении с фактами других родственных языков.

В последнюю часть книги в виде приложения включен специальный раздел, посвященный описанию отличительных особенностей сложноподчиненных предложений в казахском языке, что объясняется тем, что в сравнении со сложноподчиненным предложением яснее выступают структурные особенности осложненного предложения, имеющего с ним некоторое внешнее сходство.

В рецензируемой монографии Х. Есенова имеются и некоторые недостатки. Прежде всего не все синтаксические категории, о которых говорит автор, получили в работе

достаточно глубокое освещение. Не все структурно близкие синтаксические единицы в составе осложненного предложения в работе дифференцированно охарактеризованы. Это относится, в частности, к вводным и вставочным предложениям, а также к разграничению обособленных приложений от вставных конструкций. По нашему мнению, в дополнительном исследовании нуждается языковая природа именных оборотов. В работе встречаются неудачные примеры, стилистические и терминологические погрешности. Несмотря на это, монографическое исследование Х. Есенова в целом оставляет

хорошее впечатление. Работу обогащают привлеченные автором исторические материалы языка древнетюркских письменных памятников. Актуальность темы и новизна постановки и решения большого круга малозученных, а порою и спорных проблем осложненного предложения, рассмотренных на богатом фактическом материале казахского и родственных тюркских языков, делают работу интересной и полезной для широкого круга специалистов.

А. Т. Кайдаров

Б. УРИНБОЕВ. УЗБЕК ТИЛИ СУЗЛАШУВ НУТҚИ СИНТАКСИСИ МАСАЛАЛАРИ

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ. ТОШКЕНТ, 1974, 148 стр.

Разговорная речь стала объектом специальных лингвистических исследований сравнительно недавно. Что же касается изучения разговорной речи на материале тюркских языков, то здесь делаются лишь первые шаги. Книга Б. Уринбаева «Вопросы синтаксиса разговорной речи узбекского языка» — первая монография, написанная на эту тему.

Во «Введении» (стр. 5—18) автором рассматриваются основные понятия и термины, применяемые в исследованиях по разговорной речи. В связи с этим автор останавливается на соотношении понятий «язык драматических произведений» и «разговорная речь», разграничивает устную форму литературного языка и тексты, написанные на литературном языке, исследует соотношения: устное выступление (или текст выступления), устная речь, отраженная в письмах и воспоминаниях, и разговорная речь. Автор выявляет различия между текстом драматических произведений и его устным воспроизведением. Разбору подвергаются также отношение разговорной речи к устной литературной речи отдельного лица, к речи диктора, воспроизводящей заранее подготовленный текст, к выступлению без подготовленного текста, к диалогической и монологической речи в произведениях художественной литературы.

Б. Уринбаев отмечает, что в различных современных исследованиях в термин «разговорная речь» (РР) вкладывается разное содержание. РР часто трактуют как повседневную бытовую речь, как устную разновидность литературного языка, как наддиалектную форму литературного языка, как промежуточную форму между устной литературной и народной разговорной речью и т. д. К сожалению, автор не предлагает своего определения разговорной речи. Кро-

ме того, при обзоре работ своих предшественников он не приводит наиболее полное и точное определение РР, принадлежащее Е. А. Земской: «неподготовленная речь носителей литературного языка, обнаруживающая в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер»¹. Существенным для характеристики РР как лингвистического понятия является еще одно высказывание Е. А. Земской: «РР — это особая языковая система, которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования. По существу это разговорный язык, но мы сохраняем за ним название „разговорная речь“ в силу его привычности»².

Специфичным для РР является сосуществование единиц разных уровней. Б. Уринбаев приводит отдельные серии лексических единиц, характерных для РР. Это, например, слова и обороты, не относящиеся к строго нормированной литературной речи (*тузук, бинийдай, нозаниндай, жиндай, тупконни тувуда, жон бермок, очик мозордаги* и т. п.), многие слова, перешедшие в разговорную литературную речь из диалектов (*ай, ойи*), коллоквиализмы (*тикан бурун, шапка, теллак*), грубые слова типа *бойтеват, кизталок, баччагар* и т. п., разнообразные вокативные формы, междометия и изобразительные слова. РР характеризуется обилием различных пластов эмоциональнообразных, экспрессивно-насыщенных слов и фразеологических оборотов. Часто встречаются в ней и слова-паразиты. Из специфических особенностей синтаксиса РР

¹ См. в сб.: «Русская разговорная речь». М., 1963, стр. 17.

² Там же, стр. 25.

заслуживают внимания интонация, ритм, мелодика, многочисленные типы словосочетаний и предложений (разнообразные вставки, вокативные предложения, усеченные или «недоговоренные» предложения и т. п.). Пять разделов монографии посвящены синтаксическим явлениям, характерным для узбекской разговорной речи: «Разговорная речь и реплика диалога», «Разговорная речь и присоединительные конструкции», «Параллелизмы в разговорной речи», «Некоторые соображения о природе слов-предложений», «О вокативных предложениях».

Раздел «Разговорная речь и реплика диалога» является одним из центральных. После достаточно полного обзора литературы автор переходит к анализу фактов узбекского языка, причем реплики классифицируются им по лицам, а диалог рассматривается как сложное речевое целое. Много внимания уделяет автор вопросам коммуникативной направленности реплик. С учетом объекта речи реплики разделяются на ситуативные и контекстуальные.

Далее автор делит реплики на сообщающие и стимулирующие продолжение речи. Последние, в свою очередь, бывают двух типов — вопросительные и эмоциональные. Вопросительные реплики делятся на три подтипа: 1) реплики, состоящие из вопросительных слов; 2) реплики, включающие вопросительные частицы; 3) реплики, формирующиеся на базе вопросительной интонации. Эмоциональные реплики включают четыре подтипа: 1) побудительный; 2) вопросительно-побудительный; 3) вокативный; 4) побудительно-сообщающий. В книге дается подробная семантическая классификация реплик в пределах каждого подтипа (стр. 47—53). Среди сообщающих реплик в работе выделено шесть подтипов (стр. 53—54).

Особо рассмотрены автором структурные типы реплик. Здесь автор различает: 1) реплики — предложения; 2) реплики — речевые комплексы; 3) реплики, представляющие собой усложненные синтаксические конструкции; 4) реплики, состоящие из готовых синтаксических моделей; 5) реплики, отличающиеся своей коммуникативной основой (участием темы и ремы в репликах); 6) реплики, структура которых определяется ситуацией речи (эллиптические явления); 7) реплики, формирующиеся на базе предшествующего контекста (повторы: простые, расширенные, удвоенные и т. п.).

Небольшой по объему раздел «Разговорная речь и присоединительные конструкции» (стр. 69—77) также начинается кратким обзором литературы. Здесь упоминаются автором лишь две работы по узбекскому языку — Ф. Исхакова и В. Маскопова и не приводится ни одного исследования, написанного на материале других тюркских языков.

Проблема присоединительных конструкций является одной из наиболее актуальных в синтаксисе тюркских языков. В монографии Б. Уринбаева в сжатой форме опи-

сываются все главные и вопросительные члены предложения, выступающие в присоединительных конструкциях. Отдельный параграф посвящен присоединительным предложениям (стр. 76—77).

В третьем разделе «Параллелизмы в разговорной речи» (стр. 78—90) автор анализирует повторы как в составе простого, так и сложного предложения. Он различает предикативные повторы (*молли колхоз — мойли колхоз*) и непредикативные [*Дил дилга ойна* (послов.)]. В составе простого предложения повторы могут быть сказуемым, дополнением, определением. В сложных предложениях встречаются разные типы параллелизмов: *Билимди киши узар, билимсиз киши тузар* (послов.). *Менинг домлам йук, домлам икки кузим* (Х. Х. Ниезий). *Билим кучда, куч билимда* (послов.). *Наврўздан сунг киши булмас, Мезондан сунг ез булмас* (послов.) и т. п.

«Некоторые соображения о природе слов-предложений» (стр. 91—119) — так назван четвертый раздел, где детально описаны все ситуации, в которых применяются слова-предложения. Автор останавливается на специфических особенностях употребления слов-предложений. По значению слова-предложения делятся им на следующие типы:

1. Слова-предложения, обозначающие отрицание. Сюда относится слово *йук* и его «функционально-синтаксические синонимы» *хеч, хеч-да, сира, сира хам, асло, мутлако, нотурғри, бе, мумкин эмас*. В результате тонкого семантического анализа автору удалось выявить богатые смысловые оттенки каждого слова и показать особенности его употребления.

2. Слова-предложения, выражающие утверждение. Сюда относятся: *ха, хуп, шукур, дуруст, яхши, жуда соз, маткул, майли, бутпи, жоним билан, хуп булади, бажонидил, худди шундай, булмасачи* и др.

3. Вопросительные слова-предложения: *кандай, кайси, нега, ким* и т. п.

4. Эмоциональные слова-предложения: 1) чисто эмоциональные (— *Вой, болам... — деб юборди кампир*); 2) эмоционально-оценочные (— *Абла! — деди Дубравин ғазаб билан унинг тепасига келиб*). Сюда же отнесены формулы приветствия, пожелания и т. п.: *Хорманг! Бор булинг! Хушвакт булинг! Саломат булинг! Алайкум сажом! Рахмат!* (стр. 115—116). На наш взгляд, формулы приветствия, пожелания следовало бы выделить в самостоятельные типы слов-предложений.

Разнообразный материал объединен в следующей группе, названной автором *демонстратив суз-гаплар* (стр. 116). Терминологически оправдано отнесение сюда лишь слов типа *ана*. Что же касается таких слов, как *хуп, вах-хо-хо, хах-хах-ха* и т. п., включенных Б. Уринбаевым в эту группу, то они даже с натяжкой не могут быть названы «демонстративными».

В отдельную группу включены побудительные слова-предложения: а) *жим! бас!*;

б) *бех-бех, ту-ту-ту, мух-мух, тифе-тифе, мах-мах, чиги-чиги* и т. п. Междометия, выражающие зов, адресованный животным, Б. Уринбаев безоговорочно относит к словам-предложениям, что не принято в узбекском языкознании³. Автору следовало бы аргументировать свое мнение об отнесении этих междометий к предложениям.

Библиографический указатель, приведенный в конце книги, не охватывает полностью современные теоретические работы, посвященные изучению РР. Не указана, например, ни одна из многочисленных работ Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротниной, отсутствует даже проспект монографии «Русская разговорная речь» Е. А. Земской, изданный еще в 1968 г. В книге не упоминаются материалы конферен-

ций по изучению разговорной речи (саратовской, горьковской).

В целом рецензируемое исследование Б. Уринбаева является серьезным вкладом в изучение синтаксиса узбекской разговорной речи. В книге содержится богатый фактический материал, отобранный автором из произведений художественной литературы и периодической печати, использованы личные наблюдения над современной устной разговорной речью. Результаты исследования Б. Уринбаева могут быть использованы при изучении синтаксиса разговорной речи и других тюркских языков.

*А. Н. Тихонов, А. Ходжиев,
И. А. Андреев*

³ См.: «Хозирги ўзбек адабий тили», II. Ташкент, 1966, стр. 211.

PERSONALIA

АЗИЗ ШАРИФ

(К 80-летию со дня рождения)

Литературная общественность Азербайджана, а также коллектив филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова торжественно отметили в марте с. г. восьмидесятилетие со дня рождения видного азербайджанского ученого-литературоведа, критика и переводчика, доктора филологических наук, профессора Азиза Шарифа (Азиза Алиевича Шарифова).

Азиз Шариф родился в городе Нахичевани (Азербайджанская ССР) 28 марта 1895 г. Его отец Курбанали Шарифов был человеком широких интересов и успешно сотрудничал в знаменитом на Востоке сатирическом журнале «Молла Насреддин».

Первоначальное образование А. Шариф получил в родном городе, в школе видного педагога и просветителя Сафарали-бека Сидги. Затем он учился в гимназии и ком-

мерческом училище в Тифлисе. По окончании последнего А. Шариф в 1915 г. поступил в Московский коммерческий институт.

В годы учебы в Тифлисе А. Шариф жил в доме близкого друга своего отца, известного азербайджанского писателя и революционного демократа, основателя и издателя журнала «Молла Насреддин» Дж. Мамедкулизаде, оказавшего большое влияние на формирование и развитие мировоззрения юноши.

После установления Советской власти в Закавказье А. Шариф принимает активное участие в различных областях культурной жизни республики. Он работает заместителем председателя Тифлисского комитета нового (латинского) тюркского алфавита, консультантом по организационным, правовым и социально-культурным вопросам в Закавказском ЦИКе и Совнаркоме ЗСФСР (1925—1935), редактором в Закавказском ГИЗе и Азербайджанском государственном издательстве («Азернешр»), руководителем литературного отдела редакции газеты «Бакинский рабочий».

В годы Великой Отечественной войны А. Шариф оканчивает Московский литературный институт им. А. М. Горького (по заочному отделению) и читает лекции по истории русской литературы в Тбилисском учительском институте им. А. С. Пушкина.

В 1947 году А. Шариф защищает диссертацию на степень кандидата филологических наук на тему «Жизнь и творчество Абдуррагимбека Ахвердова». С 1950 года он — научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, а затем — Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1957 г. А. Шариф защитил диссертацию на степень доктора филологических наук на тему «Жизнь и творчество Джалила Мамедкулизаде», а в 1962 году ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1960—1963 гг. А. Шариф заведует кафедрой литературы народов СССР, а с 1963 года по настоящее время является профессором кафедры советской литературы

МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1965 года он читает также лекции по истории литератур народов Закавказья в университете «Дружбы народов» имени Патриса Лумумбы.

Начав свою литературно-критическую и переводческую деятельность еще до революции, Азиз Шариф в советское время стал одним из видных исследователей и пропагандистов азербайджанской литературы. Перу А. Шарифа принадлежит около полсотни статей, литературных портретов, критико-биографических очерков и других работ по вопросам азербайджанской классической и советской литературы.

Большой научный интерес представляют его работы, посвященные жизни и различным вопросам и аспектам творческого наследия азербайджанских классиков Вагифа, М. Ф. Ахундова, А. Ахвердова, Сабира, Дж. Мамедкулизаде и др. Написанные и опубликованные на азербайджанском и русском языках, эти работы раскрывают с позиций марксистско-ленинской эстетики значение творчества каждого из классиков и определяют место, занимаемое ими в общем литературном процессе. Автор убедительно анализирует содержание наиболее значительных произведений, созданных ими и сыгравших важную роль в становлении и развитии новой реалистической азербайджанской литературы, особенности их писательского мастерства.

Особо следует отметить монографию А. Шарифа «Рождение Моллы Насреддина». Написанная на богатом фактическом материале, собранном автором из различных архивов и периодической печати того времени, монография подробно освещает биографию писателя до 1907 года; в ней характеризуются общественно-политические и литературные факторы, сыгравшие определяющую роль в формировании и развитии мировоззрения писателя, анализируется идейно-художественное содержание его произведений и прослеживается его самоотверженная борьба за создание революционного сатирического журнала «Молла Насреддин».

Высокой оценки заслуживает работа А. Шарифа и в области художественного перевода. Им были переведены на русский язык комедии и повесть «Обманутые звезды» М. Ф. Ахундова, пьесы, рассказы, фельетоны Дж. Мамедкулизаде, драмы и

рассказы А. Ахвердова, комедии и трагедии Н. Везирова, драмы и рассказы Дж. Джабарлы, роман-эпопея «Шамо» (I, II и III тома) и повести С. Рагимова, романы «Воскресший человек» и «Манифест молодого человека» Мир Джалала, роман «Наступит день» и рассказы М. Ибрагимова и многие другие произведения азербайджанских писателей. Немало сделано А. Шарифом и в области перевода произведений русских классиков и современных писателей на азербайджанский язык. Благодаря переводческой деятельности А. Шарифа азербайджанский читатель получил возможность прочесть на родном языке «Женитьбу» Н. В. Гоголя, «Женитьбу Бальзаминова» А. Н. Островского, «Мать», «Враги», «Двадцать шесть и одна» М. Горького, «Разгром» А. Фадеева, «Под каштанами Праги» и «Парень из нашего города» К. Симонова.

Многое сделано и делается А. Шарифом также и в области подготовки высококвалифицированных кадров филологов, специализирующихся по азербайджанской литературе и литературам народов СССР. Под его руководством защищено около двадцати кандидатских диссертаций.

Азиз Шариф всегда сочетает научную работу с общественной: он член ученых советов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Института востоковедения Академии наук СССР (филологическая секция), в 1962 году был избран председателем Координационной комиссии Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР по проблеме «Литературы народов СССР», в 1965 — членом, а в 1968 году — заместителем председателя секции литературоведения и председателем комиссии по проблеме «Взаимосвязи литератур народов СССР и зарубежных стран» того же совета.

Азиз Шариф — член Союза писателей СССР со времени его образования, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР.

Многочисленные друзья, коллеги и ученики Азиза Шарифа горячо поздравляют его с восьмидесятилетием, желают ему здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в его полезной и нужной деятельности.

Н. Дж. Мамедов

ХРОНИКА

ПЕРВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

9—10 января с. г. в Москве состоялось первое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов.

С докладом «О плане работы Советского Комитета тюркологов» выступил академик А. Н. Кононов. Охарактеризовав состояние тюркологических разработок в последние годы, А. Н. Кононов отметил успешное развитие всех областей тюркской филологии в СССР и завоевание советской тюркологией прочных позиций в мировой науке.

Подробнее А. Н. Кононов остановился на достижениях языковедов, в частности, на исследованиях грамматического строя тюркских языков и их лексического состава. Подчеркнув большое научное значение издающегося «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна, А. Н. Кононов поставил его в один ряд со словарями Л. Будагова, В. В. Радлова, Э. К. Пекарского, Н. И. Ашмарина и «Древнетюркским словарем». К сожалению, «Историко-сравнительный словарь тюркских языков (XI—XIV вв.)», подготовленный Э. Н. Наджимом более десяти лет назад, все еще лежит без движения в портфеле Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» в ожидании издания. Вышел в свет «Каранско-русско-польский словарь» (М., 1974), составленный в сотрудничестве с польскими языковедами.

Изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках связано с разработкой большой темы о взаимодействии русского и тюркских языков. Насущной необходимостью является создание словаря тюркизмов в русском языке. Этот словарь имеет большое значение для изучения истории культурных взаимосвязей и контактов русского и тюркских народов.

На нынешнем этапе развития сравнительно-исторических исследований важное значение для изучения истории тюркских языков приобретает развитие таких наук, как диалектология и диалектография. А. Н. Кононов обратил внимание собравшихся на имеющееся отставание в области исследования памятников древней и средневековой

тюркской письменности. Изучение этих памятников ведется в целом несистематично, неудовлетворительно поставлена и текстологическая работа. Недостаточно активно вводятся в научный обиход материалы первоклассных коллекций тюркских рукописей хранилищ Ташкента, Ленинграда, Уфы. Лингвисты, как правило, мало занимаются текстологией, между тем каждый историк языка должен был бы подготовить хотя бы один критический текст какого-нибудь письменного памятника, ибо без критического текста не может быть осуществлено и академическое издание. Нельзя признать научными так называемые академические издания, предпринимающиеся в союзных республиках, минуя необходимую стадию составления критического текста, причем язык издаваемых памятников передается в его современном звучании, что научно никак не может быть оправдано.

А. Н. Кононов отметил также, что по такой важнейшей теме, как история формирования тюркских национальных и литературных языков, имеются одни только заявки, серьезные же исследования пока еще отсутствуют.

До сих пор интерес к алтайской гипотезе возникал спорадически, и обсуждение ее приурочивалось главным образом к отдельным тематическим конференциям. Между тем алтайская гипотеза — это проблема, требующая повседневного и кропотливого изучения обширного материала. Обоснованное использование при этом строго отобранных фактов тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков никоим образом не может быть отвергнуто; однако необходимо при этом опираться на научно обоснованные методы изучения, исключая произвольность как фонетических, так и семантических сопоставлений. В наши дни, когда сравнительно-исторический метод исследования приобрел столь актуальное значение, ограничиваться данными одних только рунических памятников для проникновения в глубинные слои истории тюркских языков далеко не достаточно. Лишь

сравнительное изучение диалектных данных, привлечение материалов нетюркских и алтайских языков позволит реконструировать пратюркские формы. Вместе с тем не следует забывать и о неотложности изучения рунических памятников, существующие издания которых должны критически оцениваться исследователями с позиций современной науки. Качество изданий рунических надписей, не вполне отвечающее современным научным требованиям, связано и с ограниченными возможностями техники эстампирования.

Касаясь современного состояния диалектографических и диалектологических исследований, проводимых по всем тюркским языкам Советского Союза, А. Н. Кононов указал на недостатки (прежде всего многочисленных авторефератов диссертаций): отсутствуют единая методика и общая схема описания; при изучении говоров одного и того же языка часто используются различные транскрипционные системы. Подобная практика приводит к тому, что полученные материалы оказываются несводимыми и не могут быть сопоставлены. Однако все недостатки и недочеты в этой области могут быть успешно устранены при условии координации и кооперации усилий советских тюркологов-диалектологов. Пока же единственная коллективно разрабатываемая тема — «Диалектологический атлас тюркских языков Советского Союза» — продвигается трудно и медленно. Необходимо совершенствовать методы изучения и собирания диалектных материалов, а также разработать общие рекомендации и примерные схемы описания диалектов по регионам.

Литературоведами-тюркологами многое сделано в области изучения истории отдельных тюркоязычных литератур. Исследуются проблемы литературного наследия, некоторые общие особенности развития младописьменных литератур, в частности их связь с фольклором и эпической традицией. Вопросы эпической традиции разрабатываются в посмертно изданной книге В. М. Жирмунского «Тюркский героический эпос» (Л., 1974). В литературоведении и фольклористике, так же как и в лингвистике, «узким местом» является подготовка критических текстов литературных памятников и их издание, равно как и каталогизация и описание рукописей, эта работа активно проводится лишь в Ташкенте и Ленинграде. Следует иметь в виду, что в Ленинграде предложено три образца описания различных типов рукописей. Необходимо выработать единообразную схему описания.

В области историографии достижением следует признать многотомный труд «История национального и государственного строительства в СССР». Успешно ведется разработка проблем истории Турции.

Далее А. Н. Кононов осветил ряд организационных вопросов, связанных с предстоящим в сентябре—октябре 1976 г. II Всесоюзным тюркологическим съездом, идею

созыва которого широко поддерживает вся тюркологическая общественность.

Разработка необходимых мероприятий по созданию Оргкомитета II Всесоюзного тюркологического съезда поручается бюро Советского Комитета тюркологов. Информацию о ходе подготовки к съезду надлежит публиковать в журнале «Советская тюркология».

Советский Комитет тюркологов стремится объединить на добровольных началах всех, кто работает в области тюркологии. Через своих членов, представляющих академические учреждения, университеты и некоторые пединституты, ему следует установить связи со всеми подобными учреждениями страны, а также с координирующими центрами в республиках. Предстоит сообща разработать методические установки тюркологических исследований, схемы грамматических описаний в области истории языка, диалектологии, современных тюркских языков. Внутри Советского Комитета тюркологов намечается создание трех секций — лингвистической (ее возглавит Э. Р. Тенишев), исторической (возглавит Ю. А. Петросян, его заместитель — С. Г. Кляшторный), литературоведческой (возглавит Х. Г. Корголы).

А. Н. Кононов информировал собравшихся об издательских возможностях Советского Комитета тюркологов (10—12 авторских листов в год).

По докладу А. Н. Кононова развернулись оживленные прения, в которых приняли участие члены Советского Комитета тюркологов и присутствовавшие на заседании ученые, единодушно приветствовавшие создание Советского Комитета тюркологов.

Ю. А. Петросян в своем выступлении отметил, что Советский Комитет тюркологов в нынешнем его составе весьма представительен, а участие в нем коллег из союзных республик предопределяет успех его будущей работы. Самое главное сейчас — наметить задачи и оценить возможности Советского Комитета тюркологов.

Первоочередной задачей являются мероприятия, связанные с созывом II Всесоюзного тюркологического съезда. Съезд даст наиболее полную картину состояния современной тюркологии, отразит научные интересы его участников. Для этого в период подготовки к съезду целесообразно провести анкетирование тюркологов.

Говоря об издательской деятельности Советского Комитета тюркологов, Ю. А. Петросян высказался за создание реферативного журнала Комитета, выходящего ежеквартально. По мнению Ю. А. Петросяна, Советский Комитет тюркологов должен стать организующим центром международных контактов тюркологов; он должен взять на себя комплектование советских делегаций на международные тюркологические конференции, конгрессы и симпозиумы.

Касаясь создания сводного каталога тюркских рукописей, что представляется пока делом отдаленного будущего, Ю. А. Пет-

росян предложил подготовить и выпустить в свет справочные издания о фондах тюркских рукописей в библиотеках СССР. В заключение он выразил пожелание, чтобы предстоящая Тюркологическая конференция в Ленинграде была проведена под руководством Советского Комитета тюркологов.

Н. З. Гаджиева высказала мнение, что Советскому Комитету тюркологов, наделенному большими полномочиями и правами, необходимо активно участвовать в перспективном планировании тюркологических исследований, оказывая тем самым непосредственное влияние на направление развития тюркологии. Советский Комитет тюркологов должен также в качестве консультативного органа участвовать в планировании подготовки научных кадров.

С сообщением «Об очередных задачах советской тюркологической науки» выступил *М. Ш. Ширалиев*. Он осветил работу всесоюзного органа тюркологов — журнала «Советская тюркология», издающегося в Баку уже пять лет. За это время вышло в свет тридцать номеров журнала.

Сам факт издания научного журнала должен быть расценен как большое достижение советской тюркологии. Журнал преодолел и преодолевает множество трудностей: организационных, связанных с полиграфией, подпиской и т. д. Одной из серьезных проблем является редакционный портфель, в который почти не поступают статьи теоретического, обобщающего, программного или обзорного характера. Редакция не раз обращалась к членам редколлегии с просьбой присылать такие статьи. Кроме нескольких тюркологов Москвы и Ленинграда, никто не откликнулся на этот призыв, хотя в тюркоязычных республиках и автономных областях страны насчитываются многие десятки академиков, членов-корреспондентов, докторов наук и профессоров — руководителей и исполнителей научно-исследовательских работ — специалистов по самым различным тюркологическим темам и проблемам. Подобная инертность и безразличие к нашему общему кровному делу необъяснимы. Нельзя считать нормальным, что важные теоретические статьи и обобщающие обзоры в журнал поступают лишь от случая к случаю, а компетентные и обстоятельные рецензии на важнейшие тюркологические публикации в СССР и за рубежом — с большим опозданием. Редколлегии следует наметить конкретные пути устранения всех этих недостатков.

В чисто техническом вопросе — организации подписки на журнал в республиках, как в зеркале, отражается мера заинтересованности наших тюркологов в издании этого печатного органа. Содержательный научно-теоретический журнал не нуждается в специально организованной рекламе. Но для того, чтобы он стал таковым, необходимо об этом постоянно заботиться, обеспечивать

редакцию соответствующими статьями и материалами.

На современном этапе развития тюркологических исследований «проблемой № 1» *М. Ш. Ширалиев* считает выяснение закономерностей формирования и обогащения литературных тюркских языков. Между тем до сих пор еще не разработаны методы и приемы изучения и описания истории старописьменных тюркских языков, не разграничивается история литературного языка и историческая грамматика. Опыт отдельных исследований в данной области не может служить образцом для коллективных плановых работ. В тесной связи с этим находятся и вопросы изучения литературно-языковых норм, функциональных стилей и т. п., остающиеся нерешенными на материале современных тюркских литературных языков. Разумеется, при решении этих вопросов нельзя обойтись и без соответствующих разысканий в смежных областях, в частности в области народно-разговорного языка и исторической диалектологии. Большим подспорьем в этом деле явилось бы составление и издание исторических словарей старописьменных тюркских языков.

Исключительную филологическую ценность представляют научно-критические издания письменных памятников, публикации рукописей и различных списков сочинений классиков тюркоязычных литератур. В тех случаях, когда такого рода издания осуществляют на подлинно научной основе, они составляют необходимую базу для дальнейших исследований сравнительно-исторического характера. Между тем эта трудоемкая и кропотливая работа практически осуществляется лишь благодаря энтузиазму нескольких тюркологов страны.

Все это выдвигает один из самых больших вопросов нашего времени — вопрос о специализации и качестве подготовки высококвалифицированных научных кадров тюркологов. Чтобы успешно заниматься разработкой актуальных проблем современной тюркологии, необходимо располагать добротной и хорошо систематизированной фактологической базой. К разысканию добротных, насыщенных фактами материалов, как показывает практика, способны далеко не все научные сотрудники. До последнего времени некоторым так называемым «ученым» удавалось ловко обходить все заслоны на пути к получению высокой ученой степени. Эти случайные в науке люди являются помехой на пути осуществления коллективных и кооперированных научно-исследовательских работ. Вот почему вопрос об уровне подготовки научных кадров один из самых важных и принципиальных.

Э. Р. Тенишев в своем выступлении отметил, что перспектива роста научных кадров в республиках таит в себе опасность изоляции. Важнейшей задачей Советского Комитета тюркологов является координация деятельности основных центров тюрко-

логической науки, при этом на первый план должны быть выдвинуты общие проблемы, которые необходимо сформулировать. Большое внимание следует уделить перспективному координированию, в первую очередь координированию общетюркологических исследований, в том числе разработок в области классификации тюркских языков. Важно также критически оценить результаты изучения истории литературных и национальных языков. Основные направления деятельности Советского Комитета тюркологов должны будут в известной мере определиться на предстоящем тюркологическом съезде.

Э. Р. Тенишев указал на большое общественно-политическое значение предполагаемого реферативного журнала. Далее он сказал, что Сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР проводилось частичное анкетирование тюркологов, главным образом академических научных учреждений, однако многие тюркологи на анкету, к сожалению, не откликнулись.

Е. И. Убрятова отметила большие достижения тюркологов в области диалектологической работы. Собран огромный диалектологический материал, в частности в Азербайджане и Татарии. В то же время Е. И. Убрятова подчеркнула, что в работах тюркологов-лингвистов диалектологические материалы используются недостаточно. Мало готовится и издается обобщающих трудов по диалектологии, в том числе и по исторической. Часто техническое оформление диалектологических работ страдает из-за ограниченных полиграфических возможностей. Е. И. Убрятова призывает Советский Комитет тюркологов содействовать изданию коллективной монографии «Диалекты тюркских языков народов СССР», подготовленной к печати еще десять лет тому назад.

Признавая анкетирование тюркологов необходимым и полезным, Е. И. Убрятова обращает внимание членов Советского Комитета тюркологов на то, что квалифицированные специалисты-тюркологи имеются также и на кафедрах иностранных языков ряда сибирских пединститутов. Этими учеными разрабатываются историческая лексикология (тема поставлена еще покойным А. П. Дульзоном) и две темы по экспериментальной фонетике.

А. Н. Кононов, отвечая на поставленный вопрос, отметил, что Советский Комитет тюркологов изучит вопрос о монографии «Диалекты тюркских языков народов СССР» и примет возможные меры для ее опубликования, хотя большой объем работы это несколько и затрудняет.

Н. А. Баскаков, отметив уникальный масштаб объединения ученых, представленных в Советском Комитете тюркологов, призвал к тщательному детальному обсуждению предложенного на 1975 год плана работы, ибо каждый пункт его может быть развернут в самостоятельный план. В связи с этим необходимо, по его мнению, за каж-

дым пунктом закрепить ответственное учреждение.

Н. А. Баскаков полагает необходимым срочно приступить к выполнению первого пункта плана. Он указал на необходимость определить характер съезда: будет ли он международным или внутрисоюзным.

Говоря о координации тюркологических исследований, Н. А. Баскаков подчеркнул, что она поможет избежать дублирования в работе. По его мнению, директор каждого академического института республик должен выделить специальное лицо, ответственное за координацию. Н. А. Баскаков высказался за то, чтобы координация диалектологических работ была возложена на Институт языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР.

Необходима также хотя бы частичная координация с международными тюркологическими организациями. В этих целях следует прежде всего поставить в известность международные научные сообщества о создании Советского Комитета тюркологов, опубликовав, например, хотя бы в «Ural-altaische Jahrbücher» (Висбаден) «Положение о создании Советского Комитета тюркологов». Н. А. Баскаков предложил также координировать усилия советских тюркологов по подготовке «Корпуса рунических памятников» с соответствующими исследованиями, проводимыми зарубежными учеными, прежде всего ФРГ и Польши.

Весьма ответственной является также коллективная работа над «Атласом тюркских языков и диалектов», которую надлежит форсировать. Основным исполнителем этой работы следует считать М. Ш. Ширалиева и зональных руководителей.

Н. А. Баскаков считает необходимым безотлагательное издание монографии «Диалекты тюркских языков народов СССР», полагая возможным возложить это издание на Институт языкознания Академии наук СССР совместно с Научным советом по диалектологии и истории языка Отделения литературы и языка Академии наук СССР.

В план предстоящих работ следует также включить создание словаря тюркизмов в русском языке и издание сборника «Историко-филологические исследования тюркских языков» (специальный сборник к 100-летию со дня рождения В. А. Гордлевского).

Н. А. Баскаков поддержал предложение об анкетировании тюркологов и о создании реферативного журнала Советского Комитета тюркологов.

Э. Н. Наджит выдвинул предложение создать при Советском Комитете тюркологов центральную тюркологическую библиотеку, фонды которой должны пополняться за счет обязательных экземпляров выпускаемых книг, сборников, авторефератов и т. д. Вновь был поставлен им также вопрос о недостаточной оснащенности полиграфической базы центральных и республиканских издательств, что затрудняет набор изданий по тюркологии и прежде всего по диалектологии и истории языка.

Э. Н. Наджип поднял вопрос о тематике кандидатских и докторских диссертаций, которая очень часто дублируется. Так, например, сплошь и рядом диссертации соискателей посвящаются описанию морфологии языка различных произведений одного и того же писателя. Совершенно недопустимо дублирование диссертационных тем по грамматическому описанию языка средневеково-тюркских литературных памятников. Большое число кандидатских диссертаций и авторефератов по морфологии языка средневековых литературных памятников, подготавливаемых в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, мало обогащает науку и вызывает недоумение своим однообразием.

А. А. Дарбеева информировала Советский Комитет тюркологов об исследованиях, проводимых по тюрко-монгольскому языковому взаимодействию, и предложила усилить кооперацию тюркологов и монголистов, разрабатывающих эту тематику.

Ш. Ф. Мухаммедяров отметил, что тюркологические исследования получили наибольшее развитие в области лингвистики, и остановился на возможностях акцентирования тюркологических аспектов изучения при разработке исторических и этнографических проблем. Он обратил внимание присутствовавших на то, что подготавливаемый Институтом истории СССР Академии наук СССР корпус древнейших источников по истории СССР в известной своей части смыкается с «Корпусом рунических памятников». Касаясь проблем регионального изучения истории народов СССР, Ш. Ф. Мухаммедяров призвал историков-тюркологов участвовать в соответствующей теме по истории Поволжья. Это тем более необходимо, по его мнению, что одни и те же исторические события получают различную трактовку в трудах по истории Татарии и Чувашии. Не меньше расхождений имеется и в исследовании этнических проблем. Повышенный интерес к этногенезу часто оборачивается попытками удревления тюркского этноса. При решении подобных исторических и этнических проблем особенно необходима координация. Предстоит также преодолеть тематическую разобщенность при изучении истории материальной культуры. Историко-этнографическая тематика должна занять соответствующее место в работе II Всесоюзного тюркологического съезда.

Ш. Ф. Мухаммедяров предложил создать словарь тюркологов с привлечением также материалов Института востоковедения Академии наук СССР, не использованных для словаря востоковедов. Особого внимания, по его мнению, заслуживает вопрос о международном престиже Советского Комитета тюркологов.

Т. Р. Рахимов высказал пожелание, чтобы пленарные заседания Советского Комитета тюркологов созывались не менее двух раз в год и не только для решения органи-

зационных вопросов, но и в целях координации важнейших научных проблем, определяющих развитие тюркологии.

Вопрос о разыскании и подготовке к изданию памятников древнетюркской письменности приобретает особую актуальность в условиях, когда промаиостские ученые Китая фальсифицируют историю народов Центральной Азии. Отметив, что в рукописных хранилищах Турции и ФРГ имеются богатые коллекции древнейтюркских памятников, Т. Р. Рахимов предлагает практиковать зарубежные командировки тюркологов, занимающихся их изданием.

Особое внимание в выступлении Т. Р. Рахимова было уделено необходимости координации уйгуроведческих исследований, а также тематики кандидатских диссертаций. В заключение Т. Р. Рахимов призвал тюркологов выступать на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Х. Г. Короглы говорил о разобщенности в разработке проблематики литературоведческих исследований, проводящихся в союзных республиках, чему в немалой степени способствует отсутствие координирующего центра. Не разрабатывается проблематика литературных связей (например: азербайджанская и туркменская литература), почти не практикуется типологический подход к изучению тюркоязычных литератур. Нельзя признать достаточным и спорадическое обращение к исследованию связей фольклора и литературы, тогда как такие исследования особенно актуальны для тюркологического литературоведения. Всю эту проблематику было бы целесообразно разрабатывать коллективно. Х. Г. Короглы подчеркнул необходимость каталогизации существующих тюркологических архивов.

Высказываясь за создание тюркологического реферативного журнала, Х. Г. Короглы напомнил о возможности использовать также фольклористический ежегодник, который будет издаваться при Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Было бы желательно, чтобы материалы для него поступали также и из союзных республик.

Б. О. Орузбаева отметила, что одной из важных задач Советского Комитета тюркологов является оценка колоссальной исследовательской работы, проделанной советскими тюркологами, а также определение основных направлений их дальнейшей деятельности. Поэтому было бы весьма желательным заслушивать на заседаниях бюро Советского Комитета тюркологов отчеты директоров республиканских языковедческих институтов, а также руководителей крупных тем, запрашивать докладные записки об итогах проводимых исследований. При такой постановке дела отпали бы темы, не имеющие большого научного значения и включенные в планы лишь с целью написания диссертаций; удалось бы избежать и дублирования тем, разрабаты-

ваемых на материале различных тюркских языков.

Исследование важных проблем требует координации и кооперирования усилий тюркологов. В каждой республике теоретические исследования должны сочетаться с решением неотложных практических задач, стоящих перед республиканскими языковедами.

М. З. Закиев полагает, что Советский Комитет тюркологов должен заблаговременно вести подготовку к очередному этапу разработки тюркологических проблем, забывая при этом, чтобы советская тюркология была достойно представлена на международной арене. Коснувшись вопроса о координации проблематики тюркологических исследований, *М. З. Закиев* высказался за разработку одних и тех же тем на материале различных тюркских языков, подвигнув, однако, сомнению их диссертательность.

По мнению *М. З. Закиева*, Советский Комитет тюркологов должен участвовать в координации ежегодно проводимых конференций, созываемых Академией наук СССР и академиями наук союзных республик. Вместе с тем Советский Комитет тюркологов должен участвовать и в работе ВАК, в координировании республиканских издательских планов. В частности, необходимо позаботиться о том, чтобы выпускаемые вузами сборники были тематическими и не представляли собой собрание случайных разрозненных материалов. Важным вкладом в улучшение подготовки кадров среднего звена является централизация вузовских программ и учебников по тюркологическим дисциплинам. Представляется весьма актуальным координированное изучение и разрешение проблем глотто- и этногенеза.

К последующим заседаниям бюро Советского Комитета тюркологов и его пленума, заявил далее *М. З. Закиев*, каждый член Комитета должен подготовить соответствующий материал с тем, чтобы на заседаниях были обсуждены конкретные неотложные общетюркологические проблемы, в числе которых не последнее место занимает тематика докторских и кандидатских диссертаций.

Л. Т. Махмутова, подчеркнув сложность задач, стоящих перед Советским Комитетом тюркологов, предложила для усиления координации на местах использовать существующие координационные советы. Так, например, в Казани такие советы организованы по различным отраслям языкознания. Если где-то таких советов нет, то необходимо содействовать их созданию. С помощью координационных советов можно установить контакты со всеми институтами и кафедрами. Необходимо наладить координацию усилий филологов и историков в решении ряда вопросов древней и средневековой истории, языка, литературы. Советский Комитет тюркологов должен содействовать изданию тюркологических работ в

республиках, прежде всего диалектных текстов. Желательно также организовать переиздание трудов тюркологов предшествующего поколения.

К. М. Мусаев в своем выступлении подчеркнул, что деятельность Советского Комитета тюркологов должна развиваться, по-видимому, в двух аспектах — научно-организационном и методическом. Необходимость в разработке методики исследований была проиллюстрирована на примере многочисленных диалектологических работ, трудов по истории, лексикологии и фонетике национальных языков. Из-за отсутствия единой методики эти работы часто трудно бывает использовать вследствие их несводимости. По мнению *К. М. Мусаева*, весьма плодотворным может оказаться участие в работе Советского Комитета тюркологов не только тюркологов, но и специалистов по различным отраслям языкознания. *К. М. Мусаев* высказал также озабоченность по поводу недостаточной пропаганды достижений советской тюркологии. Он полагает, что важнейшие труды советских тюркологов следует переводить на английский язык и издавать за рубежом. В заключение *К. М. Мусаев* остановился на вопросах, связанных с организацией подписки на журнал «Советская тюркология» и отношении тюркологов к своему отраслевому журналу.

И. А. Андреев посвятил начало своего выступления подготовке тюркологических кадров в вузах, выпускающих преимущественно узких специалистов по конкретному тюркскому языку. Он предложил создать центр подготовки научных кадров более широкого профиля, например, по языкам Поволжья — в Казани, и внести соответствующие изменения в учебные программы, утвержденные Министерством высшего и среднего специального образования и Министерством просвещения СССР.

Говоря о координации тюркологических исследований, *И. А. Андреев* подчеркнул, что часто тематика таких исследований определяется ближайшими задачами и не всегда согласуется с общими, более широкими. Говоря о том, следует ли разрабатывать одну и ту же тему на материале различных тюркских языков, он указал на необходимость теоретического углубления исследований. В этом деле существенную помощь может оказать журнал «Советская тюркология». Особо следует отметить слабость типографской базы, препятствующей изданию как памятников древнетюркской письменности, так и диалектных текстов.

Б. Ч. Чарьяров в своем выступлении подчеркнул актуальность и важность большинства предложенных. Он высказал мнение, что их необходимо одобрить и учесть при обсуждении плана работы Советского Комитета тюркологов на 1975 г. Основное внимание следует сосредоточить на подготовке и проведении II Всесоюзного тюркологического съезда. Задачи по координа-

ции исследований очень сложны и трудно осуществимы практически даже в пределах одной республики. Поэтому на данном участке должны быть сосредоточены все основные усилия. Касаясь качества диалектологических работ, Б. Ч. Чарыяров указал на разноречивость в их оформлении, отсутствие единой системы транскрипции, что затрудняет их использование.

С. Н. Иванов обратил внимание участников пленарного заседания на разобщенность академических институтов и вузов, на недостаточное участие специалистов академических институтов в работе вузов и предложил изыскивать возможности для привлечения сотрудников академий наук к чтению небольших курсов лекций, прежде всего в республиканских вузах.

С. Н. Иванов указал также, что все еще недооценивается значение распространения тюркологических знаний, в частности, нет популярного издания о дешифровке орхон-енисейских надписей.

А. А. Ахундов подчеркнул большое значение и весьма важную роль научных исследований и теоретических разработок для вузов. Известные достижения азербайджанского языковедения позволили создать четырехтомный учебник азербайджанского языка. Несмотря на это, некоторые сложные вопросы морфологии и синтаксиса азербайджанского языка в различных вузах преподаются в разных трактовках. Можно надеяться, что Советский Комитет тюркологов поможет внести ясность в эти нерешенные вопросы. Нельзя признать благополучным существующее положение с учебниками по тюркологическим дисциплинам: по общим вопросам тюркологии имеется только «Введение в тюркологию» *Н. А. Баскакова*, нет учебников ни по сравнительной грамматике тюркских языков, ни по средневековым литературным языкам. Весьма желательно, чтобы Комитет содействовал созданию таких учебников.

А. Ахундов остановился также на методике и методах тюркологических исследований, отметив, что сравнительно-исторический метод в точном и полном значении этого термина пока еще к тюркским языкам не применялся.

По мнению *А. Ахундова*, организовывать особое отделение общей тюркологии нецелесообразно; следует лишь отбирать способных студентов по линии спецкурсов и спецсеминаров для дальнейшей специализации в целевой аспирантуре.

С. Г. Кляшторный информировал собравшихся о ходе работы по подготовке к изданию «Корпуса древнетюркских надписей». В распоряжении издателей имеются фотографии большей части енисейских памятников; есть договоренность с киргизскими тюркологами о подготовке корпуса среднеазиатских рунических надписей. Главные трудности связаны с подготовкой к изданию многочисленных, больших и малых, надписей, находящихся на территории Монголии. Поэтому прежде всего необходимо проведе-

ние полевых исследований в Монголии. В результате именно таких полевых исследований и возник вопрос о необходимости ревизии больших надписей, тем более что прежние прочтения их основывались на эстампажах. Дело в том, что эстампажи фиксируют не все знаки, между тем как эти знаки оттеняются и становятся различными лишь при особом угле освещения; это наглядно выявилось при ревизии надписи на Селенгинском камне. Поэтому следует отказаться от чтения неясных мест по эстампажам. Вместо эстампажей необходимо помещать прорези знаков, сделанные исследователем *de visu*. До завершения ревизии больших надписей преждевременно говорить об издании «Корпуса», а для этого следует издателей его включить в состав экспедиции в Монголию.

В этом вопросе Советский Комитет тюркологов должен оказать соответствующую помощь.

Е. И. Убрятова сделала сообщение о двух своих поездках в Монголию вместе с *В. М. Надеяевым* и монгольским тюркологом *Базылханом*. Во время поездок ими были визуальны проверены тексты надписей в честь *Тоньюкука*, *Кюльтегина* и *Моюнчура*. Отметив, что в посмертном издании книги *С. Е. Малова* «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (1959) рунический набор фактически не был должным образом проверен и в результате в этой части книги имеется много ошибок, *Е. И. Убрятова* подчеркнула недопустимость воспроизведения руники в современных изданиях по *С. Е. Малову*, подобно тому, как это сделал *Г. А. Айдаров*. Что же касается рунических памятников, расположенных на территории Монголии, то они должны изучаться совместно с монгольскими тюркологами.

А. Н. Кононов, обратившись к *Е. И. Убрятовой*, подчеркнул важность опубликования специальной статьи, информирующей научную общественность о непрячистости самого *С. Е. Малова* к ошибкам и неточностям посмертного издания его «Памятников древнетюркской письменности» и вносящей заодно предварительные коррективы в это издание.

А. М. Щербак высказал мнение, что Советский Комитет тюркологов призван оказывать необходимое влияние на выбор научных направлений, подлежащих разработке в тюркологии, в первую очередь определять расстановку сил и тематику тюркологических исследований. Затем он остановился на некоторых вопросах, затронутых в программном докладе *А. Н. Кононова*.

Самым отстающим участком отечественной тюркологии в настоящее время, по мнению *А. М. Щербака*, является изучение старописьменных памятников, в том числе рунических надписей, манихейских и буддийских текстов. У нас пока еще не созданы центры по подготовке буддологов и специалистов по манихейке, между тем соответствующих текстов в рукописных хра-

нилицах страны много, в частности в Ленинграде, и ими никто не занимается.

Приходится констатировать, что почти все публикации рунических надписей последних двух десятилетий в лучшем случае повторяют издания С. Е. Малова; здесь нет ощутимого прогресса. Однако в чтении и толковании надписей остается много неясного. Достоверность новых толкований зависит от того, насколько полно учитывается существующая литература по памятникам древнетюркской письменности, в том числе — по древнеуйгурским. Пора объединить усилия тюркологов, занимающихся руникой, и разработать программу глубокого и всестороннего изучения каждого текста, причем конечной целью должно явиться новое академическое издание всех сохранившихся памятников рунической письменности со значительно улучшенным чтением и переводом.

А. М. Щербак высказался также по вопросу о том, какое место в тюркологических исследованиях должна занять, по его мнению, алтайская проблема. Кратко охарактеризовав возможные методики исследования большого числа общих элементов в алтайских языках, он привел доводы в пользу рекомендованной О. Бётлингком и П. М. Мелиоранским, суть которой заключается в том, что специалисты по языкам каждой группы должны прежде всего восстанавливать соответственно тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские праформы. Сопоставление реконструированных праформ, произведенное с учетом их места и назначения в системе языка, позволит раскрыть природу тех бесспорно разительных сходств, которые, несмотря на их видимую прозрачность, были камнем преткновения для нескольких поколений алтаистов. Преимущество подобной методики заключается в том, что применение ее не связано с риском продолжительной и бесполезной траты времени и усилий.

А. Н. Кононов в связи с этим уточнил, что применение сравнительно-исторического метода обязывает тюркологов не ограничиваться только фактами живых тюркских языков и письменных памятников, а привлекать также данные иносистемных языков, в первую очередь алтайских.

Э. Р. Тенишев подчеркнул, что до недавнего времени изучением руники занимались лишь немногие ученые, в настоящее же время насчитываются десятки исследователей, и тем не менее научный уровень работ заметно снижен; история с так называемым «пробным камнем» свидетельствует об известном кризисе в этой области тюркологии. Э. Р. Тенишев считает целесообразным создание комиссии, которая направляла бы исследования в области руноведения.

А. Н. Кононов предложил обратиться к двум-трем наиболее компетентным в этой области специалистам с просьбой изложить свои соображения по данному вопросу Советскому Комитету тюркологов.

Ю. А. Петросян высказал свою точку зрения относительно поиска наиболее целесообразных вариантов использования научных сил в тюркологии, а также по поводу того, что Советский Комитет тюркологов должен разрабатывать, определять и рекомендовать научные темы для исследований. Ю. А. Петросян предложил, с его точки зрения, этически наиболее приемлемые и реальные формы влияния, которые Комитет может оказать на планирование исследований: по запланированным на ближайшие пять лет крупным проблемам следует проводить симпозиумы под эгидой Советского Комитета тюркологов и с участием всех специалистов; постановления и рекомендации этих симпозиумов, вынесенные с одобрения авторитетных специалистов по данной отрасли, должны стать обязательными для соответствующих учреждений.

И. Г. Добродомов посвятил свое выступление составлению словаря тюркизмов. Ценнейшими источниками для такого словаря являются тюркоязычные документы с современными им переводами на русский и другие славянские языки, до сих пор не изданные; статьи списки русских послов в страны Востока. Этими материалами в изобилии располагают отечественные древлехраннища. Изучение старых переводов с русского на тюркские языки и с тюркских на русский, как и издание старых двуязычных словарей и словников, предполагает сотрудничество тюркологов и славистов.

Л. А. Покровская рассказала о ходе подготовки «Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза». Работа по сбору материалов для Атласа в союзных республиках заканчивается. В Секторе тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР получены первичные материалы от якутских и карачаево-балкарских диалектологов. Многие участники работы интересуются, в какой форме следует присылать материалы для Атласа. Руководителям проблемы по четырем выделенным зонам необходимо подготовить и предложить единые принципы обработки материалов, чтобы в дальнейшем последние оказались сопоставимыми и сводимыми.

По мнению Л. А. Покровской, Советский Комитет тюркологов должен быть пополнен представителями Якутии, Северного Кавказа и других тюркоязычных районов.

А. Н. Кононов предложил рассмотреть этот вопрос на заседании, которое будет созвано в конце 1975 г., с тем, чтобы состав членов Советского Комитета тюркологов был пополнен представителями Казанского и Уфимского университетов, тюркологов Хакасии, Якутии, Тувы, Горно-Алтайской автономной области, Северного Кавказа.

Г. Ф. Благова свое выступление посвятила главным образом разработке проблем истории литературных языков средневековья. Установление контактов с Советским Комитетом славистов, по ее мнению, должно идти именно по линии изучения истории

литературных языков — области, в которой славистика имеет бесспорные достижения. Участие тюркологов в конференциях и симпозиумах, организуемых Советским Комитетом славистов по этой тематике, было бы чрезвычайно полезно для историков тюркских литературных языков и способствовало бы приобщению их к новым методам и идеям. Полезность такого общения тем очевиднее, что процессы, происходившие при эволюции разносистемных литературных языков, оказываются типологически близкими.

По мнению Г. Ф. Благовой, всякой рекомендательной примерной схеме лингвистического описания должна предшествовать серьезная теоретическая разработка, опубликование которой может взять на себя, например, журнал «Советская тюркология». В противном случае такая примерная схема сама будет ущербной. В обсуждаемом плане работы Советского Комитета тюркологов на 1975 г. очень важным представляется пункт, гласящий: «Разработать примерную схему фонетико-грамматического описания памятников тюркской письменности. Исполнитель: Сектор истории узбекского языка Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР». Как уже неоднократно отмечалось (это подтвердил в своем выступлении и Э. Н. Наджип), в авторефератах историко-лингвистических диссертаций, сериями выпускаемых названным институтом, схема описания языка изучаемых произведений далека от созершенства. По-видимому, Советскому Комитету тюркологов следует обратить внимание исполнителей этого пункта на необходимость предварительных теоретических обоснований разрабатываемой схемы.

В связи с тем, что известны поэтическая и прозаическая разновидности средневеково-тюркского литературно-письменного языка, на что в свое время было указано еще А. Н. Самойловичем, должны, по-видимому, быть предложены две различные схемы описания, ибо в каждом случае представлены различные наборы грамматических форм. В схеме для поэтического варианта литературно-письменного языка должны быть учтены частотность инородных (гетерогенных) грамматических форм и их соотношения с адекватными формами, принадлежащими нейтральному стилю. Гетерогенные формы следует проследживать, по возможности, в их системе. Если же язык прозаических и поэтических произведений продолжать изучать недифференцированно, вопреки рекомендациям А. Н. Самойловича, то вряд ли какие-либо примерные схемы помогут приблизиться к разрешению сложных проблем развития литературно-письменных языков средневековья.

Э. В. Севортян в своем выступлении отметил, что при подготовке этимологического словаря тюркских языков перед ним особенно остро встала проблема источников. Присоединяясь к ранее высказанным заме-

чаниям о неудовлетворительном состоянии работы по изучению тюркоязычных памятников, Э. В. Севортян подчеркнул столь же неудовлетворительное положение с исследованием средневековых тюркских текстов, что никак не согласуется, по его мнению, с достижениями советских тюркологов в области сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Средневековые тюркоязычные тексты издаются в Узбекистане, Казахстане и некоторых других республиках. Такие издания, как правило, не вносят ничего нового в разработку истории конкретных литературных языков, не учитывают и не используют достижений мировой тюркологической науки в своей области (так, например, при переиздании «Codex Sumanicus» в Казахстане не был использован даже латинский перевод его, имеющийся в издании К. Грёнбека). Необходимо поставить под строгий научный контроль издание памятников. Советский Комитет тюркологов должен найти формы правильной организации и регулирования этой работы. Необходимо всемерно развивать сравнительное изучение языка памятников как древней, так и средневековой тюркской письменности.

Отметив большие успехи советской диалектографии, особенно азербайджанской, Э. В. Севортян вместе с тем подчеркнул, что по многим тюркским языкам Советского Союза до сих пор не созданы диалектные словари, подобные двум фундаментальным диалектным словарям турецкого языка, изданным в Турции. Поэтому многие этимологические решения в подготовленном им словаре основаны на турецких диалектных материалах. Э. В. Севортян поставил также вопрос о включении в состав словарной статьи создаваемых ныне диалектных словарей тюркских языков хотя бы краткого ее русского перевода. Это позволит расширить круг специалистов, пользующихся такими словарями, и облегчит обращение с ними.

Л. С. Левитская высказалась за то, чтобы Советский Комитет тюркологов имел общую программу работы и годовые планы ее реализации. Желательно было бы, по ее мнению, уже ко II Всесоюзному тюркологическому съезду разработать перспективы развития каждого направления тюркологии на ближайшие 10—15 лет. Наличие такого общего плана организовало и верно ориентировало бы и местное планирование.

Задачей первостепенной важности является всестороннее обследование малозученных языков и диалектов (их выявление, организация экспедиций, публикация материалов, в первую очередь диалектных словарей, составление которых крайне необходимо, например, для каспийского, карагасского и других диалектов).

Необходимо также повысить уровень и расширить объем информации о проводящихся тюркологических разработках, в первую очередь, конечно, в Советском Союзе. Для этого весьма желательно на страницах

журнала «Советская тюркология» помещать аннотации хотя бы большинства публикуемых книг, обзоры журналов и других периодических изданий, сообщения научно-исследовательских учреждений, кафедр и отдельных ученых о научных планах и выполняемых темах; целесообразно также периодически печатать подборки тем кандидатских диссертаций. Повышению теоретического уровня специальных тюркологических исследований в значительной мере может способствовать создание методических центров по экспериментальной фонетике, диалектологии, по изучению и изданию тюркоязычных памятников, по сравнительно-историческому исследованию грамматики тюркских языков, по лексикографии (и лексикологии). В таких центрах можно было бы создавать методические разработки по соответствующим дисциплинам, публикуя их как теоретические статьи, «образцовые» описания и т. д. Эти же методические центры могли бы подготавливать симпозиумы по соответствующей проблематике, а также организовывать своего рода курсы усовершенствования молодых фонетистов, диалектологов и т. д.

Весьма важным представляется усовершенствование транскрипции, в первую очередь — на основе русского алфавита.

Л. С. Левитская считает, что вместо требуемых сейчас обязательных публикаций по кандидатской диссертации целесообразнее увеличить объем автореферата.

А. А. Юлдашев в своем выступлении указал, что в планах работы Советского Комитета тюркологов следует отразить уси-

ние лексикографической работы и ее рационализацию. Он подчеркнул необходимость активизации публикации диалектных материалов. Совершенно недопустимо, чтобы собранные диалектологическими экспедициями материалы не обрабатывались и не описывались, а выявление диалектизмов не сопровождалось публикацией, хотя бы только в целях регистрации того или иного диалектного факта.

По мнению А. А. Юлдашева, развитию критики мог бы немало способствовать журнал «Советская тюркология». Трезво оценивая и критически осмысливая накопленные материалы и факты, специалисты той или иной области должны вносить необходимые коррективы в их оценку и понимание, используя для этого свой журнал. Доклады на II Всесоюзном тюркологическом съезде должны не только фиксировать достижения советской тюркологии, но и указывать на допущенные ошибки и существующие недостатки.

А. Н. Кононов, заключая заседание, заявил, что бюро Советского Комитета тюркологов тщательно изучит высказанные предложения, свидетельствующие о большой заинтересованности тюркологов судьбами своей науки. Не следует забывать, однако, что Советский Комитет тюркологов — не директивный орган и что он может содействовать дальнейшему развитию тюркологии лишь при условии полного взаимного доверия и взаимной поддержки всех тюркологических центров и всех тюркологов нашей страны.

Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская

«АНТРОПОТОПОНИМИЯ ТАТАРСКОЙ АССР»

Гумаром Фаизовичем на тему «Антропотопонимия Татарской АССР».

6 марта 1975 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Казанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук доцентом кафедры татарского языка КГУ Саттаровым

Диссертационная работа Г. Ф. Саттарова, написанная на богатом фактическом материале, с привлечением соответствующих данных истории, археологии, этнографии, географии и других наук, отличается глубиной анализа лингвистических и экстралингвистических факторов, доказательностью в своих выводах.

В диссертации Г. Ф. Саттарова исследуется антропотопонимическая система Татарской АССР в целом, дается научное описание этой микросистемы татарского языка.

Диссертантом вскрыты пути, причины и формы топонимизации антропотопонимов, установлены основные классы и типы последних, а также формы их функционирования в исследуемом регионе; единицы указанной системы подвергнуты граммати-

ческому, этимологическому, а также сопоставительно-сравнительному анализам; дана полная семантическая характеристика антропотопонимобразующих основ соответствующего пласта татарской лексики; определены ареалы распространения этих единиц; установлены этнолингвистические пласты антропотопонимии ТАССР.

В первой части диссертации, посвященной системному анализу лексико-грамматической структуры, генезиса и функционирования антропотопонимов Татарии, восходящих к личным именам и прозвищам, автор приходит к интересному выводу о том, что значительная наиболее древняя часть названий населенных пунктов ТАССР восходит к личным именам и прозвищам.

Вторая часть диссертации посвящена исследованию болгарского пласта топонимии и антропотопонимии ТАССР, что является чрезвычайно важным для изучения этногенеза татарского народа. Диссертанту удалось обнаружить в антропотопонимии Татарии около 200 болгаризмов, преимущественно распространенных в Закавказье, что позволяет заключить, что населенные пункты этой территории были основаны в XII—

XIV веках предками казанских татар — волжскими булгарами.

Большую научную ценность представляет приложенный к диссертации «Словарь татарских личных имен, фамилий и антропотопонимов», включающий около 15 тысяч статей, размещенных в алфавитном порядке.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, профессор Э. Р. Тенишев, заслуженный деятель науки ТАССР, д-р филол. наук, профессор М. З. Закиев, д-р истор. наук, профессор Р. Г. Кузеев, а также выступившие на защите заслуженный деятель науки ТАССР, д-р истор. наук, профессор А. Х. Халиков, старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР Ф. А. Ганиев, доцент КГПИ М. А. Сагитов и другие дали высокую оценку исследованию Г. Ф. Саттарова, подчеркнув фундаментальность, актуальность и новизну работы.

Ученый совет проголосовал за присуждение Г. Ф. Саттарову ученой степени доктора филологических наук.

Ф. С. Сафиуллина

НЕКРОЛОГ

САБИРДЖАН ИБРАГИМОВ

Узбекское языкознание понесло тяжелую утрату: 22 декабря 1974 года скончался один из основоположников узбекского советского языкознания, крупный ученый-лингвист, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, заведующий сектором Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, доктор филологических наук, профессор Сабирджан Ибрагимович Ибрагимов.

Сабирджан Ибрагимов родился в 1905 году в г. Андижане в семье служащего. Его детство прошло в кишлаке Сарай. В 1916 г. он поступает в русско-туземную школу г. Андижана, а затем продолжает свое образование в Ташкенте.

В 1922—1925 гг. С. И. Ибрагимов преподает в сельской школе, на курсах по ликвидации неграмотности, являясь представителем «Союза кошки» и Комитета по оказанию помощи кишлачным беднякам, секретарем Революционного комитета. В 1928 г. он поступает в Педагогическую академию и работает специальным корреспондентом га-

зеты «Кзыл Узбекистан», литературным редактором Узгосиздата и Узпартиздата.

В 1933 г. С. И. Ибрагимов становится научным сотрудником Узбекского научно-исследовательского института культурного строительства, на базе которого в 1934 г. был создан Научно-исследовательский институт языка и литературы Комитета наук при Совете Народных Комиссаров Узбекской ССР (ныне Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР). Здесь в полную силу раскрылись способности С. И. Ибрагимова к научно-исследовательской и научно-организационной работе. Он одним из первых узбекских языковедов получил степень кандидата наук. В 1961 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Профессиональная лексика узбекского языка».

Научные интересы ученого отличались многогранностью и разносторонностью: его труды охватывают почти все области узбекского языкознания. С. И. Ибрагимов — автор фундаментальных исследований по вопросам узбекской лексики, диалектологии, алфавита и орфографии. Большим вкладом в узбекское языкознание явились также монографические труды ученого, как «Орфографический словарь узбекского языка» (1935, 1956, 1960), двухтомник «Профессиональная лексика ферганских говоров» (1956, 1959), «Андижанский говор узбекского языка» (1967), «Словарь к произведениям Алишера Навои» (1973) и др.

С. И. Ибрагимов был руководителем секции языкознания Узбекской Советской Энциклопедии, членом редколлегии журнала «Узбек тили ва адабиёти», членом Союза журналистов СССР.

С. И. Ибрагимову принадлежит немалая заслуга в подготовке высококвалифицированных научных кадров. Свыше двадцати кандидатов наук, подготовленных под его непосредственным научным руководством, успешно работают в научных учреждениях и высших учебных заведениях республики.

За большие заслуги в области развития узбекского языкознания С. Ибрагимов был

награжден рядом медалей и почетными грамотами Верховного Совета Узбекской ССР, удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

Память о талантливом ученом, трудолюбивом и душевном человеке Сабирджане Ибрагимовиче Ибрагимове всегда будет жить в сердцах его учеников и коллег.

СПИСОК

ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ С. И. ИБРАГИМОВА

<i>1929</i>	<i>1939</i>
1. Фонетические особенности говора села Сарай. Журн. «Маориф ва уқитгувчи», 1929, № 4.	17. Проект сравнительно-орфографического словаря нового узбекского алфавита на основе русской графики. Ташкент, 1939.
<i>1931</i>	18. Синонимический словарь узбекского языка (для школьников). Журн. «Политехника мактаби ва маориф», 1939, № 7, 1940, № 1.
2. К вопросу узбекской терминологии. Журн. «Курилиш». Ташкент, 1931, № 2.	19. Орфографический словарь узбекского языка (соавтор). Ташкент, 1939.
3. Пособие по техническому редактированию книг. Ташкент, УзГИП, 1931.	20. Афоризмы Навои (соавтор). Ташкент, 1939.
<i>1932</i>	<i>1948</i>
4. Краткий орфографический словарь узбекского языка (соавтор). Ташкент, 1932.	21. Антология узбекской поэзии (один из составителей). Ташкент, 1948.
5. О принципах литературного редактирования книг. Ташкент, 1932.	22. Навоий «Хамса» (подготовка к изданию в соавторстве). Ташкент, 1948.
6. Материалы для толкового словаря узбекского языка. Журн. «Маориф ва уқитгувчи», 1932, № 6, 1933, № 1.	<i>1949</i>
<i>1933</i>	23. Некоторые трудные случаи написания слов в узбекском языке. Ташкент, 1949.
7. О результатах съезда, посвященного вопросам орфографии (в соавторстве). Журн. «Политехника мактаби ва маориф», 1934, № 2.	<i>1950</i>
8. Орфографический словарь узбекского языка. Ташкент, УзГИЗ, 1934.	24. К вопросу изучения терминов шелководства. «Тил ва адабиёт институти асарлари». Ташкент, 1950.
9. Функции гласных в узбекской орфографии. Ташкент, УзГИЗ, 1934.	25. Опыт исследования лексики шелководов Ферганской долины. Издательство ЛГУ. Ленинград, 1950.
10. Краткий толковый словарь терминов хлопководства (на материале народных терминов). Ташкент, 1934.	<i>1952</i>
<i>1935</i>	26. К вопросу изучения узбекских народных терминов. Журн. «Совет мактаби», 1952, № 2, 1953, № 5.
11. Орфографический словарь узбекского языка (соавтор). Ташкент, 1935.	<i>1953</i>
<i>1936</i>	27. Общее понятие о языке. Журн. «Совет мактаби», 1953, № 3.
12. Краткий орфографический словарь. Ташкент, 1936.	28. Правила узбекской орфографии (соавтор, проект). Ташкент, 1953.
<i>1937</i>	29. Краткий словарь для узбекской классической литературы (соавтор). Ташкент, 1953.
13. Орфография букв «h», «x», «ф», «п», «э», «а» в узбекском языке. Ташкент, 1937.	<i>1954</i>
14. Правописание «апострофа», «айн» и «хамзы». Ташкент, 1937.	30. Русско-узбекский словарь (соавтор, буква ч). М., 1954.
15. Народные термины по изготовлению арб («аравасозлик») и упряжи («абзалсозлик»). Ташкент, 1937.	<i>1955</i>
16. Народные термины по изготовлению уздечек («жугансозлик»). Ташкент, 1937.	31. Наблюдения над профессиональной лексикой узбекского языка. Сб. «Лексика узбекских говоров». Ташкент, 1955.

1956

32. Орфографический словарь узбекского языка (соавтор). Ташкент, 1956.
33. Профессиональная лексика ферганских говоров. Часть I. Ташкент, 1956.

1957

34. Наблюдения над бешкентским говором узбекского языка. Сб. «Материалы по узбекской диалектологии», т. I. Ташкент, 1957.

1958

35. Узбекские народные пословицы (соавтор). Ташкент, 1957.

1959

36. Профессиональная лексика ферганских говоров. Части II—III. Ташкент, 1959.

1960

37. Краткий орфографический словарь узбекского языка (соавтор). Ташкент, 1960.
38. Правописание заглавных букв. Учпедгиз. Ташкент, 1960.
39. К вопросу эволюции некоторых местоимений. Журн. «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1960, № 5.
40. Узбекские народные пословицы (соавтор). Второе издание. Ташкент, 1960.

1961

41. Место профессиональной лексики в лексической системе литературного языка. Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1961, № 3.
42. Правописание имен и фамилий. Журн. «Совет мактаби», 1961, № 7.
43. Дополнительные материалы по миршакарскому говору. Сб. «Материалы узбекской диалектологии», т. II. Ташкент, 1961.

1963

44. О принципах составления диалектологического словаря тюркских языков. Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. II. Баку, 1963.

1964

45. О книге «Der özbekische Dialekt von Andidschan». Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1964, № 1.
46. К вопросу культуры речи узбекского языка. Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1964, № 5.

47. Из истории шелководства в Узбекистане. Журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 8-9.

48. К вопросу культуры речи узбекского языка. Сб. «Объединенная научная сессия, посвященная 40-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана». Ташкент, 1964.

49. Правила употребления заглавных букв. Ташкент, 1964.

50. Культура речи узбекского национального языка. «Республиканская языковедческая конференция, посвященная вопросам культуры узбекской речи» (тезисы докладов). Ташкент, издательство «Фан» УзССР, 1969.

1970

51. Пути развития узбекского письма. Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1970, № 2.
52. Некоторые трудные случаи узбекской орфографии. Ташкент, издательство «Фан» УзССР, 1970.

1971

53. Профессиональная лексика в тюркских языках XI века и отражение их в «Девону лугатит турк» (соавтор). Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1971, № 5.

1972

54. О культуре речи и литературном произношении. Ташкент, издательство «Фан» УзССР, 1972.

55. Уважение к языку — забота о народе. Ташкент, издательство «Узбекистан», 1972.

56. Узбекский алфавит и вопросы его усовершенствования. Сб. «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР». Москва, издательство «Наука», 1972.

57. Словарь произведений Навои (соавтор). Ташкент, 1973.

58. Орфография узбекского языка. Сб. «Орфография тюркских литературных языков». Москва, издательство «Наука», 1973.

59. Вопросы культуры речи узбекского языка. Сб. «Вопросы по культуре узбекской речи». Ташкент, издательство «Фан» УзССР, 1973.

60. Глубже исследовать вопросы орфографии. Журн. «Совет мактаби», 1974, № 2.

61. Пути совершенствования культуры узбекского письма (соавтор). Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1974, № 4.

Э. Бегматов

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

ГЛАСНЫЕ

А а — а
 Ä ä — э
 Е е — е
 У у — у
 І і — и
 О о — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

В b — б
 V v — в
 G g — г
 G' g' — к (گ)
 Y y — ғ (غ)
 D d — д
 Ž ž — ж
 Ž̇ ž̇ — ч, дж (ج)
 Z z — з
 Δ δ — ҙ (ذ)
 J j — j
 Q q — ка (ق)
 K k — ке (ك)
 L l — л
 M m — м

N n — н
 ŋ — н
 ng — н (نگ)
 P p — п
 R r — р
 S s — с
 T t — т
 F f — ф
 X x — х (خ)
 H h — h, x (ه, ه)
 C c — ц
 Č č — ч (چ)
 θ θ — җ (ث)
 Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая	3
<i>В. М. Анисимов</i> (Якутск). Удвоение согласных в якутском языке	9
<i>Л. В. Дмитриева</i> (Ленинград). Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи	13
<i>И. В. Кормушин</i> (Ленинград). К основным понятиям тюркской рунической палеографии	25

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Г. М. Чумбалова</i> (Алма-Ата). Тюркские лексические элементы в языке романа Ивана Вазова «Под игмом»	48
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Х. Короглы</i> (Москва). Стилистические особенности «Книги моего деда Коркута»	55
---	----

ОНОМАСТИКА

<i>Р. Г. Ахметьянов</i> (Казань). Некоторые названия лошадей в татарском языке	69
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград). Актуальные тюркологические заметки	77
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>Ж. М. Гузев</i> (Нальчик). О правописании узких гласных (<i>и, і, у</i>) в карачаево-балкарском языке	87
<i>М. Б. Мамедов</i> (Баку). Об использовании фольклорных материалов фразеологического характера в публицистическом стиле	95

РЕЦЕНЗИИ

<i>Б. Чарыяров</i> (Ашхабад). С. Күренов. Түркмен дилиниң узун ве гысга чекимли-лериниң спектрал характеристикасы	102
<i>А. Т. Кайдаров</i> (Алма-Ата). Қ. Есенов. Қазақ тіліндегі күрделенген сөйлемдер	103
<i>А. Н. Тихонов</i> (Самарканд), <i>А. Ходжиев</i> (Ташкент), <i>И. А. Андреев</i> (Чебоксары). Б. Уринбоев. Узбек тили сўзлашув нутки синтаксиси масалалари	106

PERSONALIA

<i>Н. Дж. Мамедов</i> (Баку). Азиз Шариф	109
--	-----

ХРОНИКА

<i>Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская</i> (Москва). Первое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов	111
«Антропотопонимия Татарской АССР»	129

НЕКРОЛОГ

Сабирджан Ибрагимов	122
Международная фонетическая транскрипция на основе латинской графики, принятая редакцией журнала «Советская тюркология»	125

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). The relics of taboo and totemism in the language of the Altai people	3
<i>V. M. Anisimov</i> (Yakutsk). The reduplication of consonants in the Yakut language	9
<i>L. V. Dmitriyeva</i> (Leningrad). Some results of studying of plant's name in turkic languages in comparison with other Altai languages	13
<i>I. V. Kormushin</i> (Leningrad). Towards main notions in turkic runic paleography	25

LANGUAGES IN CONTACT

<i>G. M. Chumbalova</i> (Alma-Ata). Turkic lexical elements in the novel «Under yoke» by Ivan Vazov	48
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>Kh. Korogly</i> (Moscow). Stylistics peculiarities of «Kitabi Dedem Korkut»	55
--	----

ONOMASTICS

<i>R. G. Akhmetyanov</i> (Kazan). Some names of horses in the Tatar language	69
--	----

DISCUSSIONS

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Actual turkological notes	77
---	----

REPORTS, SURVEYS

<i>Zh. M. Guzeyev</i> (Nalchik). On the orthography of narrow vowels (u, i, y) in the Karachai-balkar language	87
<i>M. B. Mamedov</i> (Baku). On the usage of folk-lore materials in publicistic style	91

REVIEWS

<i>B. Charyarov</i> (Ashkhabad). С. Күренов. Түркмен дилниң узун ве гысга чекимлилериниң спектрал характеристикасы	102
<i>A. T. Kaydarov</i> (Alma-Ata). Қ. Есенов. Қазак тіліндегі күрделенген сөйлемдер	103
<i>A. N. Tikhonov</i> (Samarkand), <i>A. Khojiyev</i> (Tashkent), <i>I. A. Andreyev</i> (Cheboksary). Б. Уринбоев. Ўзбек тили сўзлашув нутқи синтаксис масалалари	106

PERSONALIA

<i>N. J. Mamedov</i> (Baku). Aziz Sharif	109
--	-----

CHRONICLE

<i>G. F. Blagova</i> , <i>L. S. Levitskaya</i> (Moscow). On the first plenary session of Soviet Committee of turkologs	111
«Antropotoponymics of Tatar ASSR»	120

OBITUARY

Сабирджан Ибрагимов	122
International phonetic transcription on the basis of latin drawings accepted by editorial office of «Soviet turkology» magazine	125

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева*

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/III 1975 г. Подписано к печати 23/V 1975 г. ФГ 00786. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 1277. Тираж 4100. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

1 руб.

Индекс
70927